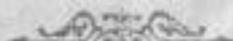

63
А 521

АЛТАЙСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАНИЕ АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО
ФОНДА КУЛЬТУРЫ
КРАЕВАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

—♦— ВЫПУСК XV —♦—

БАРНАУЛ

1992.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТ
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОСЛЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Книж. карт. 4199

ТМО Т. 2.000000 З. 4199-90

500008

АЛТАЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

СБОРНИК ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА АКЦИОНЕРНОГО КОММЕРЧЕСКОГО
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ «АЛМЕГА»

АЛТАЙСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК XV

Барнаул — 1992

63.828.347

АБЭ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Скубневский В. А. (ответственный редактор)
Добрикова А. В., Сергеев А. Д.

Барнаульский филиал
Трудового Красного Знамени
государственный
Педагогический институт
БИБЛИОТЕКА

506008

2011

1119

© Алтайское отделение Всероссийского
Фонда Культуры, 1992

ИЗ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ АЛТАЯ

УДАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

История населенных пунктов занимает важное место в исторической науке. В настоящее время опубликовано большое количество работ, посвященных истории не только крупных городов нашей страны, таких как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Минск и др., но и небольших городков, деревень и сел. Не является исключением и этот отголосок в истории населенных пунктов Алтай. Горно-Алтайску с этой точки зрения повезло меньше, его история остается почти не изученной, исследований по этой теме крайне мало (1). Автор данной статьи обратился к истории с. Удала (бывшее название Горно-Алтайска) во второй половине XIX в.

В период с 1860 г. жизнь Удалы определялась деятельностью Алтайской Духовной Миссии. Еще Макарий Глухарев мечтал о создании в Горном Алтае женского и мужского монастырей. И вот 23 января 1861 г. на съезде жителей Удалы была удовлетворена просьба «новокрещенной девицы Анны Чевалковой и девяти других крещенных пинородок» о выделеии общинной земли под женскую обитель (2). Места под строения отводились в даче (т. е. на территории села), в сенокосы и огороды — из пустолежащих мест, не занятых ни оседлыми алтайцами, ни крестьянами-переселенцами, ни стойбищами кочевников. 20 октября 1862 г. Главный Начальник Алтайских горных заводов представил на разрешение Кабинета Его Императорского Величества ходатайство Епископа Томского и Семипалатинского за № 2180 об уступке вышеупомянутого участка земли для Удалынской женской обители. В ходатайстве указывалось, что участок этой площадью в 6444 кв. саж., 1297 кв. саж., «в черте калмыцких стойбищ», что алтайцы села Удала, к даче которого принадлежит участок, «добровольно его уступили», и что, во удостоверение местного начальства, никакого стеснения местным жителям не будет (3).

7 февраля 1863 г. последовало разрешение на создание женской общины в селе Удала. В мае того же года община начала свою деятельность. Около 20 женщин-алтаек обучались в общине ведению домашнего хозяйства по русскому образцу, учились рукоделию, выпечке хлеба, выращиванию овощей (4). Женская община содержала приют для малолетних сирот, в нем насчитывалось около 20 детей. Сестры-монахини занимались их обучением, кормили, лечили и т. д. Позднее при монастыре стал работать завод по производству свечек, иноконисная мастерская (5).

В 1867 г. в селе начало действовать «миссионерское центральное училище». Первоначально оно находилось в доме миссионера-толмача (переводчика) М. В. Чевалкова, а затем было переведе-

но в само миссионерское здание. Первыми учителями были студенты Санкт-Петербургской Духовной Академии И. В. Солодкин, К. П. Соколов, П. И. Манушин (6). Большую трудность представлял набор учащихся, т. к. алтайцы не хотели отдавать своих детей в училище. Так, с 1867 по 1871 г. здесь с перерывами занималось всего 10 учеников. В 1883 г. училище было переведено в город Байск (7).

Население Удалы в эти годы по-прежнему росло за счет новокрещенных переселенцев. Но численность их увеличилась немого. По свидетельству Г. Н. Поганова, в начале 80-х годов в селе насчитывалось до ста дворов и пятьсот жителей (8). Село в эти годы начинает расстраиваться. В центре Удалы стояла церковь с высокой колокольней, вокруг нее находилось здание миссии, дом начальника, школа и больница. На содержание школы ежегодно расходовалось около шестисот рублей, из них 200 шло на школьные принадлежности, остальные на пансион при школе (9).

В школе училось 50 мальчиков и 13 девочек. Заведовал школой и преподавал Макарий Невский — руководитель Алтайской духовной Миссии в 1870—1884 гг., неутомимый последователь покойного Макария Глухарева. Главное внимание, как и раньше, отводилось закону Божьему, русскому и славянскому языкам, арифметике, очень мало времени отводилось родноязычению. а знания о природе и вообще не давались. Кроме того, при школе был экономический класс, где мальчики под руководством о. Антония рисовали красками, в основном копировали иконы (10).

В 1868 г. в Удале была открыта женская миссионерская школа. В 1890 г. она насчитывала 43 ученицы. Преподавали в ней то же самое, что и в мужской, но больше внимания уделялось обучению ведению домашнего хозяйства. Большинство преподавателей было из женского монастыря (11).

Больница была расположена в двухэтажном здании: в подвале находилась кухня, на первом этаже — детский приют, а на втором — больница на 20 коек. Лечение вел фельдшер, а ухаживали за больными сестры женского монастыря (12).

От стана миссии вдоль долины протянулась главная улица. К началу 80-х годов домов на ней насчитывалось немного, зато они были большие, двухэтажные. Здесь же находился небольшой базар, состоящий из трех каменных лавок, одна из которых принадлежала купцу Бодунову. Раз в неделю на базаре собирались кумы, крестьяне, скупщики из Удалы и соседних деревень. Удалинская ярмарка набирала авторитет, но ее развитие мешала удаленность от главного торгового пути Горного Алтая — Чуйского тракта (13).

Буквально все сферы жизни в селе находились до начала 90-х годов под строгим надзором духовных лиц, которых в селе насчи-

гивалось до 7 человек. Как отмечалось выше, долгое время, а именно до начала 90-х годов, селиться в селе можно было только с разрешения начальника миссии, кабаки открывать запрещалось. По воскресеньям после обеда жители собирались в церкви для бесед, где кто-либо из духовных лиц рассказывал что-нибудь из Священного писания или знакомил с догматами православия. Местное население, как отмечал Г. Н. Потанин, жило безбедно, имело хорошие дома, внутри было чисто и приятно, а кое-где даже изысканно. Алтайцы, жившие в селе, вели такой же образ жизни, как и русские крестьяне. Алтайки умели готовить русские блюда, делали заготовки на зиму, стряпали, т. е. вели хозяйство по русскому образцу (14).

Образ жизни удаловцев во многом был сходен с монастырским: хорошедов, плясок, народных гуляний, общественных праздников светского характера совсем не было. В праздники улицы были пустыми, как и в будни.

В начале 90-х годов начинается бурный приток переселенцев: это были и крестьяне, и мещане, и лица других сословий. Их называли «разночинцами». Они селились в Уладе без каких-либо разрешений и даже без простого согласия местного населения. За проживание в селе они вносили арендную плату Бийскому участковому лесничеству по одному рублю с усадьбы (15).

Старожилы в первое время пытались с этим бороться. Так на одном из сходов было решено, чтобы никто из жителей села не пускал на квартиру разночинцев, у которых не было разрешения на право проживания в селе. За нарушение устанавливался штраф в размере одного рубля. Пробовали удаловцы самовольно посадивших «выводить за ворота поскотини», т. е. буквально выгонять из села. Но все эти меры ни к чему не приводили: разночинцы продолжали селиться в селе и начинали хозяйничать по-своему (16). В результате население села за 10 лет увеличилось почти в 3 раза и к 1897 г. составило уже 1975 человек, причем, как видно из таблицы 1, большинство было не алтайцев, а переселенцев из других районов страны.

Всего в селе было зарегистрировано 395 хозяйств, из них большинство — разночинцев, они составляли 71,1 проц всех наличных хозяйств.

Нужно заметить, что несмотря на все усилия Духовной Миссии грамотных в Уладе было всего 399 человек, из них большинство — среди разночинцев. Однако в среднем был грамотным каждый пятый разночинец и каждый пятый алтаец.

Как видно из таблицы 2, большинство населения села занималось земледелием. 50 хозяйств разночинцев работало на земле,

Население Улазы в 1897 г.

Таблица 1

Группы населения	Население по переписи 1897 г.			Жизнь	
	число хозяйств	всего населения	число грамотных	всего	число хоз-в, не имеющих построек
Инородцы кочевые	35	191	23	34	4
Инородцы оседлые	79	449	93	88	4
Прочие население	281	1335	283	260	45

в том числе 12 — на правах аренды (18). В основном выращивали озимую рожь, пшеницу, овес.

Таблица 2

Развитие земледелия в Улазе в 1897 г. (19)

Группы населения	Число хоз-в, арендовавших пахотную	Всего в аренду десятин	Число хоз-в, не имеющих посева	Число хоз-в, засевающих на своей и арендуемой земле			
				до 1 дес.	1—2 дес.	2—5 дес.	10—20 дес.
Инородцы кочевые	—	—	23	3	4	3	1
Инородцы оседлые	—	—	45	4	14	8	1
Прочие население	12	31,5	231	12	20	6	1

Вторым по распространенности занятием было скотоводство. Таблица 3 свидетельствует о том, что почти в каждом хозяйстве были коровы и лошади. Из мелкого рогатого скота держали в основном коз и овец. В скотоводстве приоритет оставался за алтайцами, да и понятно, ведь они этим занимались с давних пор.

Кроме того, в селе насчитывалось 72 пасеки, в том числе у разночинцев — 39, остальные — у алтайцев.

В это время в селе продолжали развиваться различные промыслы. Наиболее распространенным промыслом была охота, ею занимались как алтайцы, так и русские. На улазинской ярмарке

Группы населения	В среднем на 1 человека			Всего рогатого скота	Всего лошадей	Хозяйств, не имеющих никакого скота
	мелкого р. скота	коров	лошадей			
Иногородня козелье	—	—	—	152	181	5
Иногородня оседлые	4	7	5	570	421	1
Прочие вселенцы	1	4	3	1091	907	20

сбивали пушнину не только жители села, но и население правобережья Казуни. В 1896 г. цены на пушнину колебались в таких пределах:

- шкурка белки — 10—15 коп.,
- шкурка козла — 1 руб. осеннего и 50 коп. весеннего,
- шкурка соболя — 10—17 руб.,
- шкурка лисы рыжей — 2—5 руб., черной — 10—20 руб.,
- шкурка выдры — 7—10 руб.

Уже в то время дорого ценились маральи рога — сырые весом в 0,5 пуда стоили от 40 до 80 руб. пара (21).

Знакомство с вышеназванным материалом может создать впечатление, что Удала была процветающим местом, не было в ней ни бедных, ни богатых. Но это далеко не так. В Удале, как и во всей России, очевидно, было классовое расслоение общества, были немущие и обездоленные. Например, наряду с тем, что село гордилось своими двухэтажными домами, 52 семьи практически не имели крыши над головой, многим большим семьям приходилось ютиться в тесных избышках.

Можно заметить резкие контрасты, изучая структуру хозяйства местного населения. Среднестатистические данные, приведенные в таблице 3, не отражают конкретной действительности. Но тот факт, что 26 хозяйств не имели вообще никакого скота, достаточно красноречив. Как и то, что около трехсот хозяйств не имели пашни.

В целом, несмотря на большой рост населения в 90-х годах, уменьшение влияния духовенства на жизнь села, Удала оставалась провинциальной захолустной деревушкой. Вот что писал В. В. Савожников, бывший в селе проездом по пути на Телецкое озеро в 1895 г.: «Удала довольно большое село с миссионерским станом не производило приятного впечатления своими грязными

улицами и покосившимися домами, хотя здесь было довольно много дворов, несколько двухэтажных домов, и вообще есть претензия казаться захолустным городишком, однако почтовой станции не имеется» (22).

Глухим, хотя уже и немалым селом, в котором накапливались противоречия и зрели конфликты, Улала вступила в новое столетие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Давыдов Л. Горно-Алтайск // Кривошеинские записки. — Барнаул, 1956. Вып. 1. С. 280—289. Пыхов С. Я. Горно-Алтайск. — Барнаул, 1965. 65 с.
2. Давыдов С. Алтайская Духовная Миссия. — М., 1864. С. 6—7.
3. Михайлов В. П. Отчет Начальника Алтайского округа по сношению с Горным Алтайем в лето 1910 года. — Барнаул, 1910. С. 58—59.
4. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 16. — СПб., 1907. С. 529.
5. Отчет Алтайской Духовной Миссии за 1894 год. — Томск, 1895. С. 89.
6. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 46. Л. 25.
7. Голубев П. Народные образования // Алтай. Ист.-стат. сб. — Томск, 1890. С. 252.
8. Потанин Г. Н. Инородцы Алтая // Животная Россия. — М., 1884. Т. 11. С. 268.
9. Там же. С. 269.
10. Там же. С. 269—270.
11. Голубев П. Указ соч. С. 252.
12. Потанин Г. Н. Указ соч. С. 268.
13. Там же. С. 269.
14. Там же. С. 270.
15. Горный Алтай и его население. Оседлые инородцы Бийского уезда. — Барнаул, 1902. Т. 3. Вып. 2. С. 21.
16. Там же. С. 22.
17. Там же. С. 2 приложение.
18. Там же. С. 22.
19. Там же. С. 3—4 приложение.
20. Там же. С. 5.
21. Горный Алтай и его население. Земледельческие промыслы инородцев Бийского уезда. — Барнаул, 1903. Т. 1. Вып. 2. С. 121.
22. Савожицкий В. В. По Алтаю. — М., 1949. С. 39.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КЕДРОВЫЙ ПРОМЫСЕЛ НА АЛТАЕ

В изучении истории крестьянства Сибири и Алтая основное внимание исследователей обращается на производящие виды хозяйства — земледелие и животноводство. Из поля зрения исследователей уходят (или им уделяется значительно меньше внимания) преобладающие отрасли экономики.

О кедровом промысле русского населения Алтая встречаются лишь упоминания (1).

Пореформенное время — это период роста товарного хозяйства, развития рыночных отношений и, следовательно, развития промысловой деятельности.

Кедровый промысел был распространен в тувинских районах Горного Алтая и являлся в основном занятием коренного населения. По данным конца XIX в. среди алтайцев им занималось около 84 проц. семей, а русских лишь — 17 проц. (2). Основной территорией кедрового промысла было междуречье Бии и Катунь, где основной районом добычи ореха была «большая» или «дальняя» чернь, которая охватывала бассейны рек Кошш и Тыжи. Кедровники подразделялись на тувинские, где кедры имели низкие, толстые и суковатые стволы, и кондовые с чистыми, стройными и высокими стволами. Кондовые кедры были более трудоемкими и давали ореха раза в 3 меньше, тувинского, но орехи имели более крупные. Средняя урожайность кедра в обычный год составляла 4—8 килограммов. Один человек в течение дня мог набирать до двух пудов шишек. Способы сбора ореха русское население заимствовало у алтайцев.

Известно было три способа: с помощью прогона, с помощью барса и сбор опавшего ореха — «тушкин».

В первом случае промысловик при помощи железных когтей, надетых на ноги, влезал на кедр и длинным шестом-прогоном сбивал шишки на своем и на соседнем деревьях. Шишки сбивались почти все, но вместе с ними сбивались и «созимь», т. е. завязь будущего года и в 1910 г. такой способ сбора был запрещен.

Во втором случае промысловик ударял по стволу кедра «барсом» или «колотом», который представлял из себя деревянный молот с длинной ручкой. Иногда приходилось влезать на кедр и стучать по веткам. Спелые шишки падали на землю. Этот способ был губителен для самого дерева, т. к. повреждалась кора и корневая система.

Несмотря на запреты, крестьяне заготавливали орехи этими способами, о чем сообщали лесничие в Томское управление земледелия и государственных имуществ (3).

Наиболее легким и продуктивным был третий способ, основанный на том, что зрелые шишки во время ветреной и сырой погоды падают на землю и собираются в больших количествах падшей осенью или весной.

Интересный вопрос о способе пользования орешниками. Сбор орехов «производился путем отдачи целым селениям в арендное содержание существующих кедровников на один год» (4). Крестьяне собирались в артели и подávalи лесничему заявку с указанием, где будет производиться сбор, какова численность артели и брали обязательство отвечать за все порубки вокруг стана. Эта мера гарантировала бережливое отношение арендаторов к лесу, осторожное обращение с огнем и надзор за самовольными сборщиками орехов. Кедровник делился на деланки по числу окладных душ или же находился в общем пользовании. К началу сбора деревья готовились основательно: запасали короба, мешки, колотушки. В кедровниках, обычно, строили набушки, или станы, от которых сборщики расходивались в лес.

Известны на Алтае случаи, когда кедровники были как бы собственностью какой-либо семьи, передаваемой по наследству (5).

Интересен вопрос о взаимоотношениях коренного алтайского и русского населения относительно раздела кедровых угодий. Документы той поры не содержат сведений о спорах между русскими и алтайскими селениями, хотя мы можем предположить, что они все-таки имели место.

С целью увеличения доходности лесного хозяйства было принято решение о «прекращении свободного входа в дачу для шишкособоев и разрешения... бить кедровые шишки по особым платным билетам» (6). Платные билеты были разовыми и сезонными, в зависимости от желания промысловиков. Стоимость разового билета была 15 копеек, сезонного — 3 рубля. Цена билета росла и к 1915 г. разовый билет стоил уже 1 рубль. Конечно, нельзя считать, что это было напачесть от браконьерства, т. е. сил лесной стражи не хватало для надзора за всеми кедровниками.

Сезон заготовки орехов начинался в начале августа, когда шишки еще не вполне созрели. В таком виде они сваливались в кучу и прикрывались кедровыми ветками, где они «доходили». После сбора шишек орехи терли особыми скалками на рубчатой доске или разбивали деревянной колотушкой. Затем всю массу высыпали в деревянные решета и провевали. Полученный орех делили между членами артели, которая создавалась на время сбора ореха, и сдавали скупщику. Фигура скупщика играла особую роль в торговле орехами. Скупщики устраивали в тайге амбары, куда ссыпали промытый и прокаленный в печах орех. В дореволюционном исследовании А. Н. Борзенко указывается, что в 1910 г. только в Катунской черни было 155 таких амбаров (8). Часть ореха

вывозилась летом на плотах к пристаням, а другая часть «уже по зимнему пути и всей этой процедурой... заняты рабочие силы староосидельческих селений и юрт» (9).

Кедровники дают урожай не каждый год, а раз в три—четыре года. Крестьянское хозяйство за промышленный сезон могло добыть 20—30 пудов ореха. Стоимость их зависела от цены в данный год. Если урожай был высоким, орех был дешевле, а в целом его цена колебалась от 1 до 3 рублей 50 копеек за пуд.

Вывоз кедрового ореха через Бийск колебался в начале XX века от 29 до 108 тысяч пудов, а из Ново-Николаевска по железной дороге отправляли до 10 тысяч пудов в год (10).

Всего Алтай отправлял в Европейскую Россию до трети всего сибирского ореха. Так, в 1910 г. из Сибири вывезли 1.215.000 пудов кедрового ореха, из них 410 тысяч пудов из округа (11).

Торгово-ростовицкий капитал имел прочные позиции в сфере кедрового промысла. Если у русского населения орех покупали по цене в 2 раза ниже оптовой, то у коренного населения в 6—8 раз дешевле. Очень подробно этот процесс описывает Н. М. Ядринцев в ряде своих работ. Он указывал, что в результате различных махинаций купцу удавалось купить 100 пудов орехов за 20 рублей, которые он уже мог продать за 150—400 рублей в зависимости от оптовой цены данного года. Часто крестьянин, за бесценок сдавший свои орехи, оставался вечным должником местного торговца (12).

Для русского населения Горного Алтая кедровый промысел был вспомогательной статьей дохода и лишь в небольшой степени влиял на семейный бюджет, поскольку основу хозяйства составляло земледелие и скотоводство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Головачев Н. П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. — М., 1902; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. — СПб., 1892.
2. Горный Алтай и его население. / Сост. Юлиев П. М. т. 1, выд. 2. — Барнаул, 1903. С. 21.
3. ГАГО, ф. 240, Оп. 5, Д. 46, Л. 194.
4. Там же, Л. 208.
5. Головачев Н. М. Сибирь. С. 76.
6. ГАГО, ф. 240, Оп. 5, Д. 46, Л. 20.
7. Там же, Л. 81.
8. Борзенко А. В. Кедровый и звериный промыслы в Бийском уезде Алтайского округа. — Барнаул, 1910. С. 16.
9. ГАГО, ф. 240, Оп. 5, Д. 46, Л. 206.
10. Томские губернские ведомости. 186. 1910.
11. Борзенко А. В. Указ. соч. С. 10.
12. См. Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черных татарах. — Барнаул, 1893; Сибирь как колония. — Сиб. 1892. С. 402—404.

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИМАНДРИТА МАКАРИЯ (М. Я. ГЛУХАРЕВА) — ИДЕОЛОГА И ОСНОВАТЕЛЯ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Основание и становление Алтайской духовной миссии неразрывно связано с деятельностью О. Архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) — 1792—1847 гг., в прошлом Настоятеля Костромского монастыря, магистра богословия.

Время становления взглядов, идей и практической деятельности Архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) относится к I половине XIX столетия, т. е. к эпохе русского просвещения, возникшего на базе кризиса крепостничества и развития прогрессивных буржуазных отношений. Истоки русского просветительства уходят в эпоху Великой французской революции, которая справедливо считается рубежом в истории человечества; она сыграла значительную роль в становлении русского просветительства в виде передовой русской культуры и декабристской идеологии. Это была эпоха мечтаний и поисков средств к достижению царства разума и справедливости и в этих поисках главное место уделялось распространению знаний и просвещения.

Человеком того времени был и М. Я. Глухарев. М. Я. Глухарев проявлял интерес к миссионерской службе задолго до основания Миссии, изучая труды католических и протестантских миссионеров и иностранные языки. В 1829 г. по указу Св. Синода архимандрит Макарий был назначен миссионером в «...Бийский округ, населенный язычниками телеутами» (1). 28 августа 1830 г. миссия (архимандрит Макарий с двумя семинаристами В. Поповым и А. Волковым) прибыл в г. Бийск, «...Устроившись в доме Бийского священника о. Петра Сликкина, о. Макарий немедленно приступил к делу, которому служил в течение почти 14 лет» (2). Весной 1831 г. о. Макарий прибыл в Удалу, считая, что это самое удобное место для учреждения главного стана миссии. Вскоре он узнал, что удалинцы, боясь быть крещеными, хотят откочевать в горы. Поэтому миссионер изменил свои первоначальные намерения и выбрал для миссионерского стана селение Майму, в 8 верстах от Удалы, состоящее из 10 домов «...давно крещеных инородцев» (3), создав таким образом опоры в «инородческой» среде.

С самого начала своей проповеднической деятельности о. архимандрит Макарий обратил особое внимание изучению тюркских языков и наречий. Целью о. Макария было обращение туземцев в православную веру с помощью их родного языка. Поэтому, прибегнув к содействию толмача, он сразу же занялся переводами на татарский язык важнейших христианских молитвословий. Но вско-

ре он значительно расширил круг своих обязанностей, прибегнув к своим методам при обращении местного населения в христианство. Причиной тому служило полное непонимание слушателей его проповедей и душевнаторительных речей. Тогда Макарий решает использовать в миссионерской практике материальное положение туземцев, их жизненные потребности. Для этого он первым из всех сибирских миссионеров стал применять в языческой среде Положение Государственного Совета от 17 июня 1826 г. «О льготах инородцам, принимающим святое крещение». Согласно ему они освобождались от всех податей, повинностей и рекрутским сроком на 3 года.

М. Я. Глухаревым были предприняты попытки изменить не только веру, языческую религию алтайцев, но и приобщить их к сугубо прогрессивному способу ведения оседлого хозяйства — распространить культуру земледелия, огородничества, познакомить их с азами агротехнических и медицинских знаний. С этой целью о. Макарий выписывает из Санкт-Петербурга «...земледельческие журналы, семена овощей, лечебных трав и цветов... книги об овцеводстве и земледельческую химию Павлова» (4). Помимо этого, архимандрит Макарий знакомился с трудами известного философа Гердера, естествоиспытателей Ливиня и Декандоля, астронома Гертели. Будучи как-то в Казанском университете, он побывал в анатомическом театре, изучил практическую медицину, а на практике на Алтае осуществлял прививки оспы.

Зачастую о. Макарий выделял на благоустройство первых миссионерских поселений денежные средства, причем из своей магистерской пенсии, раздавал нуждающимся то сухари, то шитки, оказывал медицинскую помощь с той целью, чтобы заслужить доверие и уважение аборигенов, а также подорвать авторитет камов (шаманов) в деле лечения болезней. Убедившись в целесообразности своих новых методов, основатель Алтайской духовной миссии на практике начал сочетать прозелитическую деятельность с хозяйственно-практическими целями, вследствие чего авторитет миссии в среде местных жителей заметно повысился.

Вскоре о. Макарий вновь обратился к переводческой деятельности. По свидетельству В. И. Вербницкого, о. Макарием были переведены: Краткие молитвы, Молитва Господня, Символ Веры, Огласительное поучение, Вопросы для Исповеди, Избранные песнопения церковные и места Священного Писания (5).

Применяя на практике свои переводы важнейших христианских молитв и богослужений, о. Макарий столкнулся с тем, что природные жители Алтая не понимают смысла его проповедей и не участвуют в богослужениях, так как говорят на разных наречиях, глубоко отличающихся друг от друга, а кроме того «...не имеют ни грамматики, ни лексикона, ни каких-либо письменных

памятников» (6). Для облегчения своего миссионерского служения и обучения алтайцев грамоте, о Макарий проделал огромную исследовательскую работу, результатом которой явилось создание особой письменности и словаря (букваря) отдельных фраз и слов «...объемом в 3000 слов» (7). Основой этой письменности был русский алфавит. Грамоте и письму алтайцы обучались в миссионерской школе в селе Улала при главном стане миссии. Обучение было беслатным. Архимандрит Макарий, создав основы письменности алтайцев, внес не только огромный вклад в духовную культуру народа, но и значительно облегчил просветительскую деятельность своих последователей. Впоследствии, воспитанники алтайских миссионеров, основоположник алтайской словесности, писатель М. В. Чевалков с благодарностью вспоминал о том, как священники духовной миссии помогали ему освоить русскую грамоту, поручали делать переводы русских книг на родной алтайский язык.

Как справедливо отметил в своей статье «Житие Чевалкова» С. Калаш — «Чевалков... фактически являясь атеистом... рассудил, что христианизация алтайцев в тех условиях — единственно реальный путь к тому, чтобы увести народ из-под влияния шаманов и приобщить к русской культуре и быту. Православная вера уж тем лучше — продолжает автор статьи, — что содействует хотя бы самому начальному образованию, ибо всяк должен читать «священное писание» (8). Основатель Алтайской духовной миссии о. архимандрит Макарий, выполняя свой служебный долг в Бийском округе Алтай, не ограничивался лишь узкими проповедническими целями — христианизации местного населения. Будучи человеком весьма образованным, он в начале 30-х годов XIX в. выдвинул проект расширения миссионерской деятельности во все-росийском масштабе. Проект этот назывался «Мысли о способах к успешному распространению Христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе». Суть его заключалась в следующем: образовании Российского миссионерского общества при Св. Синоде, вернейшее всего, взамен закрытого в 1826 г. Русского библейского общества, Миссионерское общество, по мнению о. Макария — должно заботиться об обращении раскольников к союзу с православной церковью, об учреждении и заведении школ и постройке церквей по селам и деревням. Но самое важное в его деятельности, отмечал о. архимандрит, — это осуществление перевода всей Библии с еврейского и греческого языков на русский язык иноверам, подданным России. Миссионерское общество должно было издать Библию в показаниях разночтений в различных списках Библии, для того, чтобы показать, что «...Библия, проходя через толковые века, не могла повредиться и измениться в существенном» (9).

Проект М. Я. Глухарева в 1834 г. дошел до Николая I, но Св. Синод все его идеи провалил, т. к. весьма недружелюбно отнесся к архимандриту за его упорные споры по поводу постоянного перевода всей Библии на русский язык. Но представители высшего духовенства в эпоху Николаевской реакции не могли допустить перевода Священного Писания на русский язык и силу того, что, читая его, миряне могут свободно толковать Св. Писание, находить в нем противоречия, и что самое опасное — познать идеи первоначального христианства — идеи равенства, справедливости и т. п., как это было в протестантских церквях Западной Европы. Историк В. О. Ключевский также отмечал в этой связи, что русское церковное общество «...считало себя единственным истинным православным в мире, свое понимание Божества исключительно правильным, творца вселенной представляло своим собственным русским богом, ликом более не принадлежащим и пещиным, свою поместную церковь ставило на место вселенской» (10). Но тем не менее, агайский миссионер не оставляет надежды для осуществления своего проекта и приступает при помощи новокрещенного грамотного толмача Федора Штанакова к переводу новозаветных текстов «Евангелия от Матфея» на наречие черных татар. Необходимо заметить, что этот перевод принадлежит к числу первых переводов книг «Нового завета» на языки народов Российской империи. Желая продолжить свой подвижнический труд о. Макарий в 1834 г. писал митрополиту Филарету (Дроздову) «о потребности для российской партии переведенной всей Библии с оригинальных текстов на современный русский язык» (11). Но возражение Св. Синода было опять-таки очень сильным. Однако это не остановило Макария. В 1837 г. он направил в Комиссию духовных училищ начало своего труда — перевод книги Иова (Ветхий Завет) и вновь просил покровительства и благословения у высших церковных властей на перевод Библии. Не получив ответа, о. Макарий, спустя несколько лет направляет в Санкт-Петербург Святейшему Синоду перевод книги пророка Исаии. В ответ автор переводов получил укоры и прямое осуждение за то, что переступил пределы своих прямых обязанностей. Объясняется это весьма просто: после закрытия «Русского библейского общества» «Специальным решением Св. Синода частным лицам без особого на то разрешения было запрещено заниматься переводами Ветхого Завета» (12). Отказы Св. Синода о. Макарию по поводу продолжения переводов Библии были вызваны в тот исторический период политическими опасениями, т. к. библейские тексты содержат не только основы христианского вероучения, но также и социальные, политические и этические нормы, которые, проникнув в широкие слои русского общества, могли бы возрост

506008

Библия
Трудового Красного Знаме
государственный
Педагогический институт
БИБЛИОТЕКА

тельные течения общественной мысли, как например, ереси, идеи социального равенства, свободы и справедливости.

В этой связи нам представляется небезинтересным остановиться на малоизвестных фактах жизни и деятельности основателя Алтайской духовной миссии. Мы вправе утверждать, что историческое отношение со стороны Св. Синода, а затем и несправедливую отставку в 1843 г. идеологом православного миссионерства вызвал не только многочисленными зарывками переводов Библии на русский язык, но и своими активными контактами со смысловыми в г. Тобольск декабристами: М. А. Фонвизиным, М. С. Бобринцевым-Пушкиным, П. Н. Сивистуновым, также как и о. Макарий, занимающихся в Сибири культурно-просветительской деятельностью. Цель миссионера заключалась в том, чтобы привлечь этих образованнейших людей своего времени к миссионерскому просветительству. Но сделать это было сложно, и о. Макарий привлекает их к участию в переводе различных иностранных эстетических произведений на русский язык. Названные декабристы, особенно М. А. Фонвизин и его супруга Н. Д. Фонвизинка не только отличались своей религиозностью, с одной стороны, и критикой в адрес Св. Синода, с другой.

Нам представляется возможным утверждать, что сближению М. Я. Глухарева с декабристами послужила не только религиозность четы Фонвизиных, а просветительство, как главное направление деятельности всех смысловых декабристов в Сибири, проявлявших интерес к вопросам религии, связанными непосредственно с просветительством. М. А. Фонвизин, особенно последние 10 лет жизни, усиленно занимался религиозно-философскими проблемами. Главным в философии М. А. Фонвизина был вопрос о соотношении разума и веры — один из основных вопросов христианской теологии. Христианская философия, по мнению смыслового декабриста, «превыше всякого непосредственно приобретаемого разумом ведения ставит веру в откровение». И далее: «Не через научное знание, а именно через откровение, через внутреннее чувство возникает человек главные, волнующие его истины: идею бога как первопричину всего сущего, добро и зло, свободу воли, собственное назначение в мире. Роль человеческого разума, по мысли М. А. Фонвизина очень скромна: научное знание, «здравая философия», как ее определяет тобольский смысловый декабрист, только развивает человеческий ум, подготавливая к принятию веры» (13).

Относительно же Св. Синода М. А. Фонвизин высказался таким образом: «Церковь управляется Св. Синодом, которому члены назначаются не по избранию верных, а по произволу самодержавной власти. А на человекоугодничество взять их: ни в одной еще христианской церкви не было из архиереев таких поклонников и льстецов власти, как наши» (14).

Неудивительно поэтому, что члены Тобольской консистории распускали слухи о сестранстве М. А. Фонвизина и его жены. Когда же выяснялось знакомство о. Макария (М. Я. Глухарева) с Тобольскими декабристами? До начала 1834 г. (т. е. до начала своей переводческой деятельности библейских книг) М. Я. Глухарев не мог быть знаком с декабристами, т. к. тогда они жили в северных городах Томской и Тобольской губерний. Как свидетельствует К. В. Харлампович, это случилось лишь в июне 1840 г. «... проезжая из Москвы в Бийск через Тобольск, Макарий познакомился с М. А. Фонвизиным и П. С. Бобринцевым-Пушкиным. Познакомиться с четой Фонвизиных, людей столь замечательных по религиозному настроению, — продолжает автор, — Макарий мог или у Провансисского Афанасия... или у Е. Ф. Невряхиной, своей духовной дочери» (15). М. А. Фонвизин переводил о. Макарию с французского языка труды швейцарского богослова Ж.-Ф. Остервальда. В архиве М. А. Фонвизина сохранился отрывок из этих переводов, которые тайно переправлялись декабристам через родственников и знакомых к архимандриту Макарию в его последний приют — Ойнуу пустынь с 1844 по 1847 гг. П. С. Бобринцев-Пушкин также сотрудничал с архимандритом Макарием. Он занимался по просьбе М. Я. Глухарева переводом «... приложений к Евангелию от Матфея, Иоанна» (16) составленных протестантским теологом Ж. Ф. Остервальдом. По свидетельству Г. Дмитриева-Мамонтова: «Павел Сергеевич в Тобольске вел жизнь скромную и, хотя в ведомостях о лицах, стоящих под надзором полиции, отмечается лицом кичливее занимающимся, но на самом деле, кроме книг, преимущественно духовного содержания... любил читать священное писание, которое знал не хуже... богослова, вел жизнь почти аскетическую» (17).

С П. Н. Свистуновым М. Я. Глухарев познакомился в конце своего миссионерского служения, когда ехал в г. Боллоа, в почетную ссылку. В июле—августе 1844 г. он вновь посетил Тобольск, проведя там 8 дней.

Как отмечал К. В. Харлампович, «Тут он расширил круг своих знакомств с декабристами в лице П. Н. Свистунова (из корнетов кавалергардского полка)... Это тоже был человек всесторонне образованный... он по просьбе архиепископа заведовал хором пения» (18).

В начале 1845 г. П. Н. Свистунов, по просьбе М. Я. Глухарева, «начал заниматься французским и английским языками... Французский изучал по книжке Фомы Компийского «О подрывании Христа». Итак, частые визиты Начальника Алтайской Духовной миссии в Тобольск в начале 40-х гг. XIX в. были вызваны отнюдь не храмовыми и школьными нуждами, а прежде всего личными, казавшимися его реформаторской деятельности в области про-

священни язычников и православных. Свою переводческую деятельность М. Я. Глухарев совместно с уобальскими декабристами продолжал вплоть до своей кончины в 1847 г. Последним его трудом в Оптиной пустыне стали переводы комментариев к Евангелиям.

Переводческая деятельность М. Я. Глухарева, выдающегося миссионера, начальника Алтайской духовной миссии не увенчалась успехом при его жизни. Его идеи осуществлялись гораздо позже. В 1856 г. на коронацию Александра II в Москву собрались все члены Свят. Синода Митрополит Филарет (Дроздов) смог воспользоваться этим обстоятельством, чтобы расположить коллег в пользу осуществления своего заветного желания — подготовки и издания русской Библии. 20 марта 1858 г. состоялось соответствующее определение Св. Синода. А в 1863 г. в России вновь появилось Библейское общество. В 1860—67 гг. в журнале «Православное обозрение» был напечатан перевод книг Ветхого Завета, сделанный М. Я. Глухаревым еще в 1837—1847 гг., а в 1876 г. появилась в одном томе полная русская Библия. Главное достоинство этого перевода — верность и точность передачи подлинника. Русский перевод Библии — это огромное духовное богатство нашего народа, один из выдающихся памятников культурно-исторического наследия прошлого. Поэтому переводческая деятельность архимандрита Макария (М. Я. Глухарева) и сотрудничавших с ним в этом направлении передовых людей своего времени — декабристов достойны самого глубокого уважения и признания.

Культурно-просветительская деятельность о. Макария (М. Я. Глухарева) в Горном Алтае, распространение миссионером образования и просвещения среди алтайцев, преследовала не только узко религиозные цели, но и приобщала их к ценностям человеческой культуры, в значительной мере способствуя развитию сельского хозяйства, торговли и промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник исторических материалов о жизни и деятельности Настоятеля Болховского Троицкого Оптиного Монастыря, отца архимандрита Макария Глухарева — Орел, 1897, с. 15.

2. Там же, с. 21.

3. ГААК, ф. 164, Оп. 1, Д. 5, Л. 7.

4. Сборник исторических материалов о жизни и деятельности Настоятеля Болховского Троицкого Оптиного Монастыря о. архимандрита Макария Глухарева. — Орел, 1897, с. 31.

5. ГААК, ф. 164, Оп. 1, Д. 5, Л. 14.

6. Ястребов В. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской Духовной миссии. Краткие сведения о его жизни и деятельности. — СПб., 1892, с. 44—45.

7. Там же, с. 45.

8. Житие Чувалова // Алтайская правда, 1989, 27 января.

9. Сборник исторических материалов... С. 35—36.
10. Иоанов А. И. Православие и русская культура. — М., 1965. С. 79—80.
11. Письма архимандрита о. Макария. — Томск, 1903. С. 153.
12. Авенан и религия: Вопросы и ответы. — М.: Политиздат, 1988. С. 16.
13. Филиппин М. А. Сочинения и письма. Т. II. — Иркутск: Восточно-Сибирский кн. издательство, 1982. С. 58—59.
14. Филиппин М. А. Сочинения и письма. Т. II. С. 58—59.
15. Харлампович К. В. Макарий Глухарев и Тобольские декабристы. // Русский архив. 1904. Вып. II. С. 238.
16. Филиппин М. А. Дневник и письма. Т. I. — Иркутск, 1979. С. 296.
17. Харлампович К. В. Указ. соч. С. 230.
18. Там же. С. 240.

В. Н. КИСЛИЦЫН

АЛТАЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ И ЕЕ РОЛЬ В КОЛОНИЗАЦИИ ГОРНОГО АЛТАЯ

В районе деятельности Алтайской духовной миссии по отчету 1916 г. находился 31 стан. Всех селений 434, в которых проживало 46729 крещенных «ипородцев» оседлых и кочевых и 41846 русских православных христиан. В миссии три монастыря (Николаевский и Тихвинский — женские и Благовещенский — мужской), Чемальская женская община, 40 церквей и 55 молитвенных домов, 84 школы, в которых обучалось 2071 мальчик и 1226 девочек (из них «ипородческих» — 971 мальчик и 363 девочки) (1).

В административном отношении население состояло в ведении трех ипородных управ, семи алтайских дзючин, двух чуйских, четырех черемных, двух Кумандинских и половины Тогульской волости — в Бийском уезде, трех управ и девяти волостей — в Кузнецком, Томской губернии. Совместно с «ипородцами» живущие русские крестьяне, переселенцы и мещане состояли в ведении крестьянских волостей.

Алтайская духовная миссия, учрежденная 15 декабря 1828 г., развернула большую деятельность в 1830 г. с присездом на Алтай основателя миссии архимандрита Макария (Глухарева). Окрестив в 1834 г. большую часть удлинцев, отец Макарий возложил основание центральному стану, сыгравшему главную роль в распространении православия в Горном Алтае (2).

Первоначальной целью миссии ставила распространение и укрепление христианства среди алтайцев, обучение их земледелию и оседлому домохозяйству. Макарий добился положения, когда новокрещеным алтайцам предоставлялись льготы по строительству жилья, освобождению их по платежам и повинностям. Бедным и нуждающимся миссия выдавала пособия хлебом и деньгами.

Основатель миссии впервые в истории миссионерства организовал работу с новокрещеными женщинами: учил их домоводству, опрятности и уходу за огородами. После 14-летней деятельности миссии насчитывалось до 700 человек новокрещенных. Основываются миссионерские станы. Уже к 1864 г. в Алтае трудились девять миссионеров. Миссия имела восемь станов с 11 церквями. Из новокрещенных образовано 22 селения, в которых проживало до 5000 человек, принявших христианство (3).

С 1843 г. по 1865 г., когда миссией руководил протоиерей Ст. Давышев, были образованы селения: Мыюга (1847 г.), Черный Агуй (1848 г.), Чемал (1850 г.), Барюла (1852 г.), Кебезень (1852 г.), Иланское (1854 г.), Ташта (1854 г.), Маларьенское (1854 г.), Тызарала (1855 г.), Манжерок (1856 г.), (Онгудай) (1856 г.), Паснаул (1859 г.), Александровское (1860 г.), Абаи (1860 г.), Маринское (1860 г.) и др.

За время деятельности архимандрита Владимира (1866 — 1884 г.), третьем начальнике миссии, возникло еще 19 селений.

Первыми централизирующими пунктами оседлого заселения «вибородней» Алтая служили и служат миссионерские церкви. Усмотрев удобное для заселения место, вблизи стойбищ алтайцев, миссия строила тут молитвенный дом или же простую избу для миссионера. Первыми насельниками были крестившиеся из ближайших стойбищ алтайцев. Год от году приселенцы прибавлялись, а жители соседних стойбищ — клычки убывали: частью скочив на новые места, частью переехавшие на жительство в новые миссионерские селения.

С увеличением новокрещенных являлась потребность и в заведении новых миссионерских селений. Места для этого избирались самими новокрещеными, с согласия миссионеров. Место поселения осматривалось, становился крест: новому селению давалось имя большей частью по речке или урочищу, или оставлялось прежнее, если оно было. Для миссионера строилась избушка, которая обретава, на средства миссии выстроенными домиками и избушками новокрещенных.

В каждом стане открывались церкви, которые были построены в Биньрие (1869 г.), Кош-Агаче (1870 г.), Челюше (1871 г.), Мыюте (1873 г.), Удале (1874 г.), Чемале (1875 г.), Усть-Кане (1875 г.), Усть-Башлаусе (1877 г.), Онгудасе (1879 г.), Кебезене (1882 г.), Манжероке (1882 г.), Александровском (1883 г.), Сайдысе (1884 г.). К 1889 г. было построено церквей и молитвенных домов 34. В 1904 г. служба шла уже в 75 церквях и молитвенных домах, а в 1910 г. церквей насчитывалось 38 и молитвенных домов 54 (4).

Церкви строились на средства миссии, Православного миссионерского общества и на частные пожертвования. На пожертвования библейских купцов М. Бадурова и Я. Окуло-

ва А. Соколова, Ф. Поликарпова выстроены церкви в селениях Улале, Бирюзе, Чемале, Онгуде и Ильгуменском. Зайцами А. Боробошем и М. Тобоковым — в селах Александровском, Паспауде и Карауке. Кушом из Усть-Кана Т. Моквиным построены церкви в Усть-Кане и Маринском. Крестьянами Егором Казанцевым, Алексеем Зыряновым построены молитвенные дома в селах Турачаке и Эцкманаре, а Ефимом Шестаковым — храм в Тодраале. На средства местных жителей построены храмы в Уанеле, Эцгане, Кашче, Черге, Камлаке, Топучей, Шебалиной, Ильянском, Кебезене, Челеше, Белом Аюе и др.

Во главе станов стояли энергичные миссионеры, знающие язык, быт и обычай алтайцев. Так, мяотинским миссионером, протопереем Василием Постниковым, за 36 лет службы (1869 — 1905 г.), были основаны селения: Могойт, Актел, Кумалир, Алшнхта, Урухтугой (Орокгой). Построены церкви в Мяоте, Черге, Актеле, Шебалиной, Малой Черге, Топучей, Большой Черге. Открыты школы в Малой Черге, Камлаке, Актеле, Черге, Шебалиной и Могойте. Им же среди мяотинцев внедрен способ посева хлеба на двоенных землях.

Протоиерей Василий Вербицкий, приехал на Алтай в 1853 г. и оставался здесь до смерти (1891 г.), занимался изучением языка и бытом населения. Составил краткую грамматику алтайского языка, словарь алтайского и алабагского наречий тюркского языка и др. Первый ввел пчеловодство в округе.

Кебезинский миссионер, иеромонах Дометий, за 37 лет миссионерской службы окрестил из язычества 418 человек. Черис-Ануйский миссионер, игумен Акакий, с 1839 г по 1874 г на службе в миссии окрестил 1398 алтайцев и др.

В 1875 г. в Улале открывается миссионерская больница с аптекой и приют для детей сирот. В приюте содержались дети со всех станов миссии по рекомендации отцов миссионеров. В 1903 г приют переведен в женский монастырь. В 1883 г. в гор. Бийске, куда с 1880 г. переселился начальник Алтайской духовной миссии, было открыто катехизаторское училище-центр по подготовке кадров, необходимых миссии (священников, псаломщиков, учителей и переводчиков), куда принимали 15—16-летних алтайских подростков.

Макарий, основатель миссии, положил начало литературной и переводческой работе. Им впервые сделаны изложения истории православной христианской веры и некоторых кратких молитв.

25 марта 1874 г. императором Александром II утверждено определение Св. синода о разрешении Алтайской духовной миссии иметь собственную цензуру и типографию (14).

Позднее, архимандритом Владимиром, в 1876 г. образована переводческая комиссия, переводившая русскую религиозную ли-

тературу на алтайский язык. Издавались обширная религиозная литература. Напечатаны также: Букварь на наречиях алтайских народов; Грамматика алтайского языка с словарем, составленная членами миссии, при содействии Н. М. Ильминского; произведения миссионера, священника М. Чевакина, первого в истории алтайцев писателя, пользовавшегося большим успехом. Сохранивший научное значение до наших дней, словарь алтайского и алтаецкого наречий тюркского языка, составленный протоиереем В. Вербицким. Вербицким же были напечатаны труды по этнографии алтайцев.

Открываются миссионерские школы — первая, для мальчиков, в Горном Алтае открыта в 1830 г. в Уладе.

Школьное дело стало быстро развиваться после того как в 1884 г. церковно-приходские школы из ведения Министерства Народного Просвещения были подчинены Святейшему синоду. Миссионеры подчеркивали, что церковные школы являются для православной церкви незаменимым способом распространения христианского просвещения и христианского воспитания. Миссионер Пинского отделения Кузьма Улаианов писал: «Школы служат рассадником грамотности не только для крещенных, но и для некрещенных. Теперь уже многие дети язычников знают молитвы, знают божий, хорошо читают, пишут и можно надеяться, что это молодое поколение будет плодом миссионерских трудов, т. е. христианское учение легче усвоится детьми, чем взрослыми и истины почерпнутые в школах никогда не забудут» (19).

Если к 1864 г. миссия имела 10 школ, то в 1886 г. — 28, в конх обучалось 498 мальчиков и 236 девочек (5). В 1898 г. в 50 школах миссии занимались 641 мальчик и 250 девочек. Из них алтайцев: мальчиков 363, девочек 143. (6). В 1914 г. в миссии уже работали 75 школ, в которых училось 2135 детей (7).

Первые школы были открыты в Мысте (1856 г.), Черном Ануе (1858 г.) Онгуде и Паспуде (1860 г.), Кебезене (1867 г.), Ыльмере (1870 г.), Ильинском (1873 г.), Усть-Байкаусе (1878 г.), Манжероке (1882 г.), Александровском (1883 г.), Бирюле (1886 г.) и Чемале (1882 г.) (8). Челоме (1871 г.) (9).

Школьные здания, так же как и церкви, строились на средства миссии и на пожертвования. В с. Онгуде здание школы построено байским купцом А. Сиволовым, в с. Чемале — купцом М. Пискаревым, в с. Усть-Кане (1889 г.) — Т. Мокиным. На пожертвования зайсана М. Тобокова построена школа в с. Салганде (1889 г.). Бай Аргымай Кульдзин устроил школу в с. Усть-Кельге (1897). На средства крестьян А. Зырянова, С. Тырашкина и Т. Дунаева построены школьные здания в селах Эликмаваре (1896 г.) Барагаше (1895 г.) и в Черном Ануе (8).

Учителями состояли большую частью алтайцы — питомцы катехизаторского училища. Предметами обучения были: закон божий, славянское и гражданское чтение, письмо, арифметика и пение.

Старшинами митрополита Макария в 1913 г. открыта Чемальская второклассная школа с дополнительным учительским классом. На декабрь 1916 г. в школе обучалось 75 девочек, из них русских 53 и алтаек 22 (13).

На скудные средства, выделяемых миссией, некоторые школы имели неприглядный вид. Урсульский миссионер, священник К. Соколов в 1906 г. отмечает: «Есть школы, выстроенные очень хорошо, есть и такие, которые нельзя отличить от наших сибирских крестьянских бань. Общий недостаток всех школ — отсутствие учебников и учебных пособий. Встретились и такие школы, в которых положительно ничего не было. Например, в Бирилюкской школе не оказалось даже подвижной азбуки. Жалование учителя в среднем получают 10 рублей. Все, почти без исключения, бедствуют»... (10).

Миссия содержала приюты (при Николаевском — женском, Благовещенском — мужском, монастырях, при Чемальской женской общине). Сестрами монастырей и общины воспитывались дети алтайцев, начиная от рождения, до 8 лет — мальчики, а девочки до 17 лет. Воспитанники обучались рукоделию, домашним и полевым работам, а в Николаевском монастыре — в живописной мастерской и рисованию, а младшие — грамоте.

Отрыв в 1858 г. Кузедесский стан, миссия развернула свою деятельность и в Горной Шории (Кузнецкий уезд — ныне юг Кемеровской области). В 1916 г. там уже насчитывалось три стана, 153 селения. Действовали три церкви и три монастырских дома. Работали четыре школы, в которых обучалось 110 детей (1). В шестидесятых годах возникли православные монастыри: женский около с. Улады и мужской — на р. Чулыммане.

23 января 1861 г. сельское общество с. Улады, по просьбе новокрещенной Анны Чевакковой и девяти других новокрещенных девочек, постановило приговор об уступке места под устройство женской обители. Высочайше утверждена под названием «Удальская женская община новокрещенных на Алтае».

7 февраля 1863 г. последовало соизволение о предоставлении земельного участка площадью в 6444 десятины 1297 кв. сажень. В 1881 г. указом Святейшего синода община переименована в миссионерский общежительный Николаевский женский монастырь. В 1886 г. в нем, кроме настоятельницы и священника, находились четыре монахини (одна алтайка), 96 послушниц, в том числе 16 алтаек (5). В 1916 г. сестер было 163 человека, из них одна игуменья, одна схимонахиня, 17 монахинь, 36 рисофорных и 108 сестер, в т. ч. 18 алтаек (11). Монастырь содержал маслобойню и

запасенные по выработке белого воска для изготовления восковых свечей.

15 февраля 1864 г. Высочайше утверждена с миссионерскою целью Чулышманский Благовещенский общежительный мужской монастырь. 29 июня 1864 г. было получено разрешение на владение землей площадью 3585 десятин 576 кв. саженей. Инициатива основания монастыря принадлежала бирнаульскому купцу Афанасию Мадькову, подавшему 13 ноября 1862 г. прошение об уступке «пустолежащих земель» близ Телецкого озера, при впадении р. Башкауса в р. Чулышман (12).

«Монастырь, — отмечалось в Отчете об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1888 год, — в настоящее время не имеет денежных средств, но он почти богат землею хлебородною, дарами и рыбной ловлею. Правда, угодьями своим монастырь должен делиться с издавна живущими здесь инородцами.» (20).

И он «делился», построив благоволенные на арендной плате. За право поставить юрту алтаец должен был платить один рубль с хозяйства в год, за право посеять хлеба — 1/10 часть урожая; за сенокос — 1/2 поставленного сена; за пастьбу скота — по 20 коп. с головы крупного и по 4 коп. с головы мелкого скота. Без уплаты этого оброка никто из алтайцев не имел право пользоваться монастырскими землями. С. П. Швецов, статистик Алтайского округа, отмечал, что к 1897 г. вся долина р. Чулышмана, от Телецкого озера берет на 35—40, и часть долины р. Башкауса, находятся в фактическом пользовании монастыря (9).

В 1916 г. монастырь за сдачу 3800 десятин земли в аренду имел дохода 750 рублей. Братьев в монастыре 13 человек, из них: неромонахов 5, монахов — три и послушников — пять (13).

• Значительно позднее по постановлению Святейшего синода от 31 августа 1894 г. учреждена близ г. Бийска, на земле принадлежащей крестьянам с. Мало-Угрениевского, Тихвинская женская община. Указом Св. синода от 26 июня 1900 г. обращена в женский монастырь. Землю под монастырь (34.00 десятины) уступили по приговору общества крестьяне с. Мало-Угрениевского, Енисейской волости (8).

1 мая 1911 г. на земле, принадлежащей Алтайской духовной миссии, по указу Св. синода открыта Чемальская община. При общине находятся: образцовая церковно-приходская школа и с 1913 г. — второклассная школа. На 31 декабря 1915 г. насчитывалось 29 сестер (21).

С основания миссии (1830 г.) до 1916 г. обращено в христианство 34735 человек. Алтайцы к крещению относились по-разному: более бедное население Восточного Алтая массово принимало православие. Например, в 1873 г. Кузнецким миссионером В. Вербид-

ким крещено 215 человек (14). В 1895 г. Чулымским миссионером М. Чевалковым — 500 человек. Более враждебно, под давлением зайской верхушки, воспринимало крещение население Западного Алтая. Здесь самое большое число крестившихся в 1896 г. достигало 49 человек (Мыотинский стан) и 50 человек (Чемальский стан) (15).

Переход к православию сопровождался и переходом к оседлости. При заведении оседлости у алтайцев встретился неудобность и в русских крестьянах, которые бы обучали алтайцев земледелию и домоводству. В отчете миссии за 1896 г. подчеркивается: «поселение русских на Алтае имеет важное значение в различных отношениях. Русский для крещеного инородца есть прежде всего живой пример христианской жизни, затем он живой пример патристической любви к своему Государю и отечеству и даже пример культурной жизни»... (15).

Пригодные места края скоро вызвали переселение в Горный Алтай такое количество крестьян, что они уже стали заводить здесь особые от алтайцев деревни. Завлечены подвергались лучшие места алтайских кочевий с отселением аборигенов в глухие малоприспособленные для жизни места.

На напряженность отношений между русскими и алтайцами указывает и миссионер Абаевского стана, священник Н. Зырянов: «...на русских здесь смотрят как на своих врагов, насильно вторгшихся в их вечнонные владения и завладевших самими хорошими местами. Выкурив их на более плохие и тем стесняя их»... (17).

При поземельном устройстве алтайцев (1903—1913 г.г.) в порядке закона 31 мая 1899 г. церковные участки доводились до размера 99 десятин удобной земли на каждый причт. Под усадьбу причта выделялись участки площадью в одну десятину. Кроме этого для церквей производился отвод лесных наделов в размере 20 десятин. Размеры школьных участков устанавливались до 15 десятин на каждую существующую школу близ поселения и пришкольные — до одной десятины.

В ходе проведенного землеустройства причтам и станам было отведено наделов (земельных и лесных) 10776,11 десятины, в том числе удобной земли 6520,96 десятины. Школам — 2551,81 десятины, из них удобной — 1761,25 десятины (18).

•Алтайская духовная миссия с ее русификацией Горного Алтая, наряду с ее положительной нравственной деятельностью, представляла собой не более как насильник в захвате земель алтайцев. По свидетельству Н. Я. Овчинникова, имевшего по роду своей деятельности возможность близко познакомиться с жизнью алтайцев: «...миссионерские селения в их русской христианской части являются такими же очагами земельных захватов, хищничества»...

ва и ненависти между русскими колонизаторами и кочевыми аборигенами, как и все другие поселения в районе кочевий... (16).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 156. Статистические сведения о Алтайской миссии за 1916 г. Л. 2—5.
2. Письма основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита Макария. Изд. 3. Ч. 1. — Томск, 1903. С. 7.
3. Алтайская духовная миссия Ст. Ландышева. — М., 1864. С. 5.
4. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 60. Л. 28—30.
5. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1886 г. — Барнаул, 1887. С. 2, 6.
6. Отчет о состоянии Алтайской духовной миссии за 1898 г. — Томск, 1899. С. 3.
7. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 97. Л. 1—13.
8. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 61. Л. 6, 15, 25, 26, 40, 56, 67, 68, 81, 101, 109, 121, 274—275.
9. Горный Алтай и его население. Т. 1, вып. 1. Приложение 2. / Составил С. П. Шенюк. — Барнаул, 1900. С. 4, 163.
10. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110. Записка наблюдателя при Алтайской духовной миссии, миссионера, священника К. Соколова. Л. 4.
11. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 109. Л. 9.
12. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 71. Л. 22.
13. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 108. Л. 21, 43.
14. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1871—1875 годы. С. 8, 9.
15. Отчет об Алтайской духовной миссии за 1895 г. — Томск, 1896. С. 1, 18.
16. Фединилов Н. Я. — К вопросу о подземельном устройстве в Алтайском округе // Алтайский сборник. Т. VIII. — Барнаул, 1907. С. 53.
17. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 86. Записка миссионера-Абаскского стада Алтайской духовной миссии, священника Николая Зырина за 1909 г. Л. 2.
18. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 59. Л. 61—69.
19. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 27. Записка миссионера Нивского отделения Алтайской духовной миссии, священника Кузьмы Удоложкова за 1905 г. Л. 23.
20. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1888 г. Л. 9.
21. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 104. Л. 32.

Приложение № 1

Земля, переданные монастырям

	Удалыкский женский	Чилишманский мужской
1. Участок в с. Улале	23 дес. 171 кв. саж.	—
2. Хлебозаготовной	184 » 831 »	966 дес. 1334 кв. саж.
3. Сенокосной	86 » 1445 »	214 » 161 »
4. Под лесом в кустарником	2754 » 868 »	1819 » 919 »
Всего удобной и неудобной	6444 дес. 1297 кв. саж.	3858 дес. 576 кв. саж.

Алтайская духовная миссия в 1916 г.

Станом или отделении	Сельник	Церкви	Молитвенные дома	Школы
1. Удаловское	4	2		3
2. Чендальское	15	2	5	9
3. Мыкитинское	10	1	5	6
4. Урскульское	5	3	3	3
5. Черто-Ануйское	3	1	1	4
6. Чуйское	5	1	3	1
7. Чолошмановское	5	1	2	4
8. Кабышевское	13	2	3	4
9. Мисарьевское	24	1	2	2
10. Кондомское	60	1	—	1
11. Мрасское	50	1	1	2
12. Вачатское	9	1	2	5
13. Солоновское	30	1	1	3
14. Паспальское	42	2	2	3
15. Усть-Канское	2	2	—	2
16. Тайинское	5	1	1	4
17. Александровское	9	2	4	5
18. Усть-Шинское	6	1	1	2
19. Улаганское	7	2	4	1
20. Черзавское	12	1	2	2
21. Матурское	6	1	3	2
22. Абызовское	9	1	1	2
23. Лебедское (Турачанское)	24	1	1	2
24. Бело-Ануйское	2	1	—	2
25. Иланское	5	1	2	4
26. Эдванское	7	1	1	1
27. Спасское	43	1	2	1
28. Чидратское	4	1	2	1
29. Чибитское	2	1	1	1
30. Гавитское	11	1	—	1
31. Тарабинское	5	1	—	1
	434	40	55	84

В. Ф. ГРИШАЕВ

«ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДОМ» В БАРНАУЛЕ

Когда появился театр в Барнауле?

«В «Очерках истории Алтайского края» (Барнаул, 1987) говорится, что театр в Барнауле «существовал уже в 1784 г.»

Существовал. А с какого времени?

Доктор исторических наук А. П. Уманский в брошюре «Памятники культуры Алтай» (Барнаул, 1959) указывает, что в конце

XVIII в. в Барнауле. около архаа, находился театральный дом. И только.

Большое внимание барнаульскому театру уделено А. Н. Козыдов в книге «Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX века» (Новосибирск, 1974). Ссылаясь на «Дело о краже вещей из Барнаульского оперного дома», хранящегося в госархиве Алтайского края, он делает вывод, что спектакли в барнаульском театре носили бытовой, светский характер и даже называет один из них — французскую комическую оперу Э. Р. Дуни «Башмаки Мардоре» (Немецкая башмачница). Почему именно «Башмаки Мардоре»? В перечне вещей, украденных из «оперного дома», значится «плат шелковой мардаревого цвета».

Пусть так. Но прямого ответа, когда появился театр в Барнауле, А. Н. Козыдов тоже не дает.

Возможно, вышеуказанные исследователи не смогли правильно сориентироваться в огромном море или были сильно ограничены временем, но почему-то мимо их внимания прошел такой важный документ, как «Ведомости о казенном строении Барнаульской горной конторы» (1). А между тем в одной из них, за 1785 г., указан «театральный дом» и дано его краткое описание. Вот что в этом описании говорится.

«Построен в 1776 году, срублен из половинных бревен. Пол и потолок насажены тесом на полу перед театром (сценой — В. Г.) в два ряда скамеек глухих на подставках (в том числе наподобие конашелей — 4) — 22. И пол к театральному полу ж скатом, а на верхней стороне с приходу ступеней брушчатых — 3. А театр против нижнего конца того полу поднят выше на один аршин и при нем гиренка убиральная — 1.

В тот дом дверей на крюках и петлях — 2; окна со ставнями на крюках и петлях с занором — 2; печь кирпичная — 1.

Снаружи того дому окошек с наличниками деревянными фальшивыми — 6. Весь тот дом покрыт в два ряда шпеленым тесом на железные гвозди и в той крыше слуховое окошко — 1.

Между театральным домом и каменной архивою плансад забран в столбы горбышником — 1».

Из этого описания и приложенного к нему простенького схематического чертежа можно определить некоторые размеры «театрального дома». Длина его, в переводе на современные меры, составляла около 28 метров, ширина — 13; сцена представляла собою квадрат со стороной 6,4 метра, площадь зрительного зала составляла, примерно, 100 квадратных метров. Если учесть, что зал шириной в 4 сажени (8,5 метра) и в нем находились, как указано выше, 22 скамьи («в том числе наподобие конашелей — 4»), то вместимость его, по моим прикидкам, была не менее 100—110 человек (по 5 человек на скамью). Не так уж и мало для

горняка с населением в 5 тысяч человек, — именно столько проживало тогда в Барнауле.

Теперь о «конивелих». Я долго искал в словарях, что это слово означает, но ничего не нашел. Решаюсь высказать предположение, что это обрусевшее французское «канипе» — диван, «скамыя с прислоном» (по Далю). Предназначались «конивели», разумеется, для избранной публики.

Итак, «театральный дом» был построен в Барнауле в 1776 году. Этот год, как я полагаю, можно считать и датой основания театра, хотя вполне возможно, что самостоятельный театральный коллектив сложился и начал свою деятельность в нашем городе несколько раньше, но документов, которые подтвердили бы эту задумку, пока не найдено.

Другая «Ведомость о казенном строении Барнаульской горной каторги за 1780 г.» (2), дает ответ на вопрос, для чего был построен театральный дом, «Во оном производится временно разного звания молодым людям обучение или разговоры от светских историй для чего оной дом только и состоит».

Выходит, в театре не только ставили спектакли, но и учили «разного звания молодых людей» актерскому искусству. Обратите внимание: «разного звания». Стало быть, знатность происхождения не принималась в расчет, были бы способности. Выражение «разговоры от светских историй» подтверждает вывод А. Н. Копылова о том, что в театре шли не религиозные, весьма распространенные в ту пору спектакли, а (надо полагать, преимущественно) светские.

А теперь вернемся к «Делу о краже...» Из него можно узнать еще немало интересных подробностей о Барнаульском театре, почему то полностью использованных А. Н. Копыловым. В ночь на 27 декабря 1784 г. из театра украли 20 наименований мужской и женской одежды (театральных костюмов). Оставим в стороне историю кражи, скрупулезно описанную почти из ста страниц. Нам в первую очередь интересует, что из этого описания можно узнать о театре. Кое-что можно.

Вор (им оказался мещанин Берской слободы, изловившийся в Барнаульской тюрьме и незадолго перед тем освобожденный) показал на допросе, что он знал об имеющемся в театре сундуке с «разным платьем»; ибо, еще будучи в тюрьме, «несколько раз во оном находился в услужении». Замыслив воровство, он, вечером проник в театр, спрятался, а когда зрители и артисты ушли (спектакль закончился «в полудни в одиннадцатом часу»), кинулся в первую очередь нехватать деньги, собранные со зрителей. Но наблюдая их, взломал сундук с одеждой.

Следовательно, спектакли шли регулярно и были платными. Далее в «Деле о краже» сказано, что сержант горного баталь-

она Афанасий Волков, посланный для ареста вора, увидел оставленные этим вором у одного знакомого две «ленты мишурные» и сразу признал их, потому что сам, оказывается, «во оном доме был актиором».

Хотите знать, как выглядел «актиор» Афанасий Волков? «Росту 2 аршина 8 вершков (около 178 сантиметра — В. Г.), лицом смугл и широкит (слезы осы — В. Г.), волоса темно русые, глаза карие». От роду он имел 27 лет, происходил из «заводских детей Барнаульского завода». Еще о нем сказано: «Читать, писать умеет и сверх того часть арифметики и рисовать знает».

Эти сведения взяты уже не из «Дела о краже», а из формулярных списков солдат и офицеров Колывано-Воскресенского горного батальона, в котором, как уже говорилось, служил сержант Волков (3).

Думаю, сильно не ошибусь, если назову еще одного «актиора» — сержанта того же батальона Ивана Пузина, приставленного «для смотрения за театром». (Кстати, он первый и дошел о краже.) Чем же никак можно объяснить назначение на такую пенсионерскую должность двадцатидвухлетнего здорового человека, который к тому же «читать, писать умеет и часть арифметики знает»?

Начальником Пузина назван капитан Николай Олин. Очевидно, он и был, выражаясь по-современному, директором первого Барнаульского театра. К сожалению, о нем пока удалось узнать лишь то, что в 1784 г. он был ассессором воинского суда, учрежденного при Колывано-Воскресенском батальоне (4). Мне думается, значительную, если не основную часть самодеятельных артистов составляли все же горные офицеры и члены их семей.

Ничего нет в документах и о репертуаре театра. Возможно, специалисту по театральным костюмам XVIII в. что-нибудь подскажет список украденных вещей. Вот он:

1. Мундир алой камлотовой подкладка и лацканами желтые тафтяные — 12 рублей.

2. Мундир коричневой суконной с камзолем и штанами — 18 рублей.

3. Мундир черной суконной с камзолем и штанами — 10 рублей.

4. Мундир пюсовой (темно-коричневый — В. Г.) суконной подкладки шелковая — 7 рублей.

5. Мундир серовидного цвету — 8 рублей.

6. Мундир малиновой камлотовой (камлот — суровая шерстяная ткань — В. Г.) — 6 рублей.

7. Мундир пюсовой камлотовой — 12 рублей.

8. Мундир алой суконной — 6 рублей.

9. Мундир темнолазичного цвету — 7 рублей.

10. Сертук серовидного цвету с пуговицами стальными — 6 рублей.
11. Камзол лапфовой черной — 3 рубля.
12. Штанов: первые черные гарнитуровы (из плотной шелковой ткани — В. Г.) — 1 руб. 50 коп., другие пазелы поношены — 1 руб.

Из женского платья:

13. Роброн юбка тафтяная полосатая — 18 рублей.
14. Юбка штофная — 5 рублей.
15. Сертук с юлкой и корсетом светлодымчатые камзотовые — 15 рублей.
16. Кофта тафтяная — 5 рублей.
17. Душегрейка травчатая китайчета и при ней юбка алая лабова — 3 рублн.
18. Ленты две мишурные с подвесками — 20 копеек.
19. Платок шелковой мардаревского цвету — 2 рубля.
20. Пришки серебряные башмачные — 6 рублей» (5).

В работах по истории театра в России, какие мне удалось прочесть, сказано, что в те годы наибольшей популярностью пользовались комические оперы «Сбитенщик» Н. В. Княжнина, «Мельник-колдун, обманщик и сват» А. А. Аблесимова, «Анюта» Н. И. Попова. В большом ходу были также иностранные пьесы, в частности реакционного немецкого драматурга Коцебу. Правда, передовые русские люди были о них невысокого мнения, называли «коцебутиной», но не будем забывать, что в ту пору на Барнаульском и других заводах, а также на рудниках Алтая работало по контракту немало выходцев из Германии. И театральные дом, между прочим, был построен при начальнике заводов генерале А. А. Ирмане. Так что мы можем только гадать, какие из названных выше пьес шли на барнаульской сцене...

В 70—80 годах XVIII в. театральное движение в России широко охватило провинцию, в том числе и Сибирь. В 1764 г. появляется «оперный дом» в Омске, в 80—90-х годах — в Иркутске. Про Омский «оперный дом» его руководитель (изито у А. Н. Комылова) писал, что он учрежден был «для полирования (воспитания, обучения правилам хорошего тона — В. Г.) молодых людей» и «для представления разных трагедий и комедий». Задачи, вооане схожие с теми, что ставились перед Барнаульским театром.

Известно, что архитектор В. И. Баженов в те же, примерно, годы построил для Екатерины II «оперный дом» в Царцино, под Москвой.

Не отставал, как видим, от жизни и Барнаул. Напрашивается вывод, что культурная жизнь в нашем городе даже в ту глухую пору была развита больше, чем мы об этом знаем. Конечно,

охватывала она в основном образованную и привилегированную верхушку общества. Мастеровому люду было не до театра...

Документов о том, когда прекратил существование «театральной дом» в Барнауле, найти пока не удалось. Остается положиться на А. И. Копылова, который утверждает, что «кризисные явления в театральной жизни России начала XIX в., обусловленные реакционной внутренней политикой правительства, привели к закрытию многих губернских театров, в том числе и всех сибирских».

В 1817 г., когда П. К. Фролов принимал должность начальника Колывано-Воскресенских заводов, в представленной ему ведомости заводских строений в Барнауле еще значился «театр с одною комнаткою збранной в столбы из бревен крыт тесом, ветхой». А знаменитый путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский (впрочем, тогда он еще не был знаменит и не был Тянь-Шанским), живший зиму 1856—1957 гг. в Барнауле, позже писал в своих «Мемуарах» (Москва, 1947 г.):

«Зимний сезон был оживлен любительскими спектаклями в прекрасном здании барнаульского театра. Многие из членов барнаульского общества выделялись своими замечательными сценическими дарованиями. Совершенно первоклассным комиком был горный инженер Самойлов, старший брат знаменитого артиста, даже превосходивший своим природным сценическим талантом своего младшего брата и выделявшийся еще в то время, когда оба они воспитывались в горном корпусе».

Знаменитый брат — это актер Александринского театра в Петербурге Самойлов Василий Васильевич. На Алтае служил два его родных брата — Сергей и Иван, но горным инженером был только Сергей: надо полагать, П. П. Семенов-Тянь-Шанский речь ведет именно о нем, как о «совершенно первоклассном комике». Кстати, по документам, Сергей Васильевич был не старшим, а младшим братом В. В. Самойлова (на два года моложе).

Итак, где-то в начале XIX в. Барнаульский театр умер, а потом снова возродился. Как это случилось, еще предстоит выяснить историкам русского театра. Документы госархива Алтайского края ответа на этот вопрос, к сожалению, не дают.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГААК, ф. 5, оп. 1, л. 830.
2. ГААК, ф. 169, оп. 1, л. 99, л. 340.
3. ГААК, ф. 169, оп. 1, л. 30, л. 38.
4. ГААК, ф. 169, оп. 1, л. 221, л. 239.
5. ГААК, ф. 169, оп. 1, л. 281, лл. 34—35.

«СИБИРСКИЙ РАССВЕТ»

В литературном музее 27-й школы Барнаула можно увидеть голубоватый, всего в 30 страниц, сборник стихов «Родному краю» почти забытого теперь поэта Порфирия Казанского. Сборник издан в 1918 г. в Барнауле Культурно-просветительным союзом Алтайского края. На выцветшей мягкой обложке сборника — рисунок Г. И. Гуркина (горный пейзаж с озером), а выше — надпись: «Библиотека «Сибирский рассвет».

Эта библиотека — одна из интересных страниц истории культуры нашего края.

В предреволюционные годы у алтайских крестьян значительным влиянием пользовались кооперативные организации: Алтайский союз кооперативов, Алтайский центральный кредитный союз и другие. 8 апреля 1917 г. они создали культурно-просветительный отдел для ведения просветительной работы на селе в связи с Февральской революцией и подготовкой к выборам в Учредительное собрание, а в дальнейшем — для открытия культурно-просветительных библиотек-читален, народных домов, школ и курсов для взрослых, книжных магазинов, издания листовок и книг, постановки театрального дела и пр.

Средства, и немалые, отдел получал от учредителей. До начала выборов в Учредительное собрание он отпечатал и распространял бесплатно среди крестьян около миллиона листовок («Что такое Учредительное собрание», «Кто такие эсеры», «Кто такие социал-демократы», «Что такое земство» и др.) Несмотря на провозглашенную беспартийность, политическая работа отдела имела лево-меньшевистскую окраску. Но среди его инструкторов были и большевики — М. К. Цаллин, В. И. Устинович.

Отделу был передан кооперативно-агрономический журнал «Алтайский крестьянин». Время от времени в нем появлялись стихи и рассказы, но большинство авторов отказывались давать свои произведения в малоизвестный журнальчик, выходивший к тому же мизерным тиражом. Между тем после революции спрос на книги в деревне значительно возрос, а издание их, в связи с войной и разрухой, резко сократилось. И вот отдел решил наладить собственное издание произведений писателей и поэтов, в первую очередь сибирских. Так возникла библиотека «Сибирский рассвет».

Учитывая, что толстая, а следовательно, дорогая книга, спрос в деревне не найдет, да и не под силу будет малограмотному мужику, решено было издавать книги для народа в виде брошюр по 16—30 страниц, зато по 30—35 названий в год.

Писатели и поэты, к которым обратились за сотрудничеством, охотно дали согласие. Одним из первых откликнулся Вячеслав Шишков, живший в то время уже в Петрограде. В краевом госархиве хранятся его письма Порфирию Казанскому. Из него видно, какие прочные связи были у Шихкова с алтайскими литераторами Степаном Исаковым, Арсением Жидяковым и другими.

Начинание культпросветотдела встретило горячую поддержку во всей Сибири, и не только в Сибири. Отовсюду посылались заявки на будущие книги и пожелания успехов. «Среди всеобщей разрухи русской жизни, — писал Г. И. Потанин, — заставляющей общественных деятелей опускать руки и приводящей их в отчаяние, культурное начинание барнаульцев нельзя не признать утешительным явлением». Ему вторил известный сибирский просветитель и книготорговец П. И. Макушин: «От души приветствую Ваше намерение издавать в общедоступных по цене книжках произведения наших писателей. Со своей стороны готов всеми силами и способами содействовать распространению Ваших изданий».

Ближайшее участие в этом деле принял Алтайский губернский литературный комитет, более известный под шутливым названием «Агулипрок», что означает: Алтайский губернский литературно-продовольственный комитет.

Почему вдруг продовольственный?

В ту голодную пору Советская власть, чтобы поддержать немногих членов комитета, выделяла им на заседания бутерброды с чаем или кофе. Вот кто-то и пустил в оборот словечко: продовольственный. Народ-то был в основном молодой, неунывающий. П. А. Казанский сочинил даже «Гимн Агулипрока». Вот он.

Свободной нашей пятидвоветневой
возлеж искусства яркий свет.
Литературно-продовольственный
мы учредили комитет.
Алтайский он. В нем при вечерней
любезны сердцу и уму.
Лисуй, Алтайская губерния, —
губернский звание ему.
Под стать свободы прочим факторам
судит он нам великий прок,
Цвети в волах, на страх редакторам,
на славу нам — А-гу-ли-прок!

В его состав входили С. И. Исаков, А. И. Жидяков, П. А. Казанский, А. И. Ершов, Г. М. Пушкарев и другие. «Агулипрок» образовал при отделе литературно-издательскую секцию, которая взяла на себя подбор произведений, их редактирование и пр.

В декабре 1917 г. огромным по тому времени тиражом, 30 тысяч экземпляров, вышла первая книга библиотеки «Сибирский

рассвет» — рассказ Георгия Гребенщикова «В полях». Вслед за тем, такими же тиражами, появились: «Савинин марал» Александра Николелова, «Чуйские были» Вячеслава Шишкова, «Там, в горных долинах» Степана Исакова, «В тихих лесах» Арсения Жиликова, «Родному краю» Порфирия Казанского. В апреле 1918 г. вышла седьмая книжка библиотеки «Сибирский рассвет» — рассказ Артема Ершова «В поисках Родины».

Месяцем раньше, 7 марта 1918 г., на конференции представленной культпросветобщества, был учрежден Культурно-просветительский союз Алтайского края — самостоятельная внепартийная организация, поставившая целью, как записано в ее Уставе, «содействовать дошкольному, школьному и внешкольному просвещению народа». «Союз» объединил местные культпросветобщества (на 1 марта 1919 г. их насчитывалось более двухсот), оказывая им методическую и другую помощь, для чего в «Союзе» были лекторы-инструкторы, книжный склад, библиотека, мастерская по изготовлению учебных пособий для школ, театральная часть (пьесы, декорации), дело диафильмов.

В мае 1918 г., как известно, в Сибири произошел контрреволюционный переворот. Но «Союз» уцелел. Кстати сказать, устав его был зарегистрирован Барнаульским окружным судом 17 сентября 1918 г., то есть уже после переворота. Только работать в условиях разгорающейся гражданской войны становилось все труднее. Попытки купить где-либо бумагу, тетради, учебники и пр. кончались чаще всего неудачей. Восьмую книжку библиотеки «Сибирский рассвет» — сборник рассказов Исаака Гольдберга «Большая смерть» удалось издать лишь в сентябре 1918 г., а за весь 1919 г. вышел только сборник «Две души» А. С. Новикова-Прибоя да три выпуска детских сказок.

Но и в таких условиях культпросветсоюзу удалось осуществить, казалось бы, немислимое для того времени дело — издание литературно-художественного журнала «Сибирский рассвет».

Мысль о реформировании малопопулярного, к тому же пришедшего к убытку журнала «Алтайский крестьянин» в «толстый» литературно-художественный журнал возникла у членов «Агулипрока». В первую очередь тут надо назвать Степана Исакова, ставшего во второй половине 1918 г. редактором «Алтайского крестьянина».

Передавая рукописи и письма, хранящиеся в краевом госархиве, удивляешься: кто только не прислал свои произведения в редакцию барнаульского журнала! Рукописи шли с Урала, со всех концов Сибири, с Дальнего Востока. Были здесь и подборники «чистого искусства», и крестьяне-самоучки, и колчаковские офицеры, и сотрудники газет, журналов, окончивших свое существование с падением царского самодержавия... Хватало графоманов.

Но среди десятков авторов встречается немало таких, которые оставили заметный след в литературе: П. Л. Драверт, И. Г. Гольдберг, Г. А. Вяткин, К. К. Худяков, К. В. Дубровский и др.

В бумагах редакции журнала хранится такая любопытная записка: «Подателю сего Виталию Валентиновичу Белянину прошу выдать рукописи моих стихотворений, переданных туда Серг. Ел. Пузыревским, если они не помещены уже или не могут быть вообще напечатаны в Вашем уважаемом журнале. Подписи под стихотворениями: Г. Днепров, Гуд, Бодай Корова, Романтик.

С совершенным почтением Г. Днепров».

Подателем записки был несомненно Виталий Биянки, будущий знаменитый детский писатель. Известно, что с ноября 1918 г. он жил и работал в Бийске под фамилией «Белянин». По словам дочери, он и сам в ту пору пробовал писать стихи, но, видимо, попытки были неудачными.

Ядром авторского коллектива журнала стали барнаульские «агулипрокошцы» А. И. Балин, А. И. Ершой, А. И. Жидяков, С. И. Ислюк, П. А. Казавский, А. С. Пиотровский, Г. М. Пушкирев, известный исследователь Алтая В. А. Верещагин и др. Выдающую роль в становлении журнала сыграли А. С. Новиков-Прибой и Павел Низовой (П. Г. Тупиков), направленные в Сибирь Луначарским для культурно-просветительной работы и застрявшие здесь в связи с контрреволюционным переворотом. Новиков-Прибой некоторое время исполнял даже обязанности редактора журнала. Алтайские впечатления не прошли бесследно для его творчества. Вспомним рассказы «Зуб за зуб», «За городом», «Векковая тетка».

Очень плодотворным был алтайский период и в творчестве Павла Низового. Им опубликованы в «Сибирском рассвете» рассказы «На промыслах», «Часовня», «Тени», «Час девятый», а позже на алтайском материале созданы: повесть «Язычюки», рассказы «В горах Алтая», «Золотое озеро», «Крыло птицы», «В горном ущелье», «Звериним следом».

«Самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтаем», — отмечал он позже в автобиографии.

Среди создателей журнала достойное место занимает и бессменный председатель правления Культпросветсоюза Иван Григорьевич Зобачев, кооператор, журналист, участник революционного движения, внесший заметный вклад в развитие культуры на Алтае. Прекрасный организатор, человек высоких душевных качеств, он в первые годы Советской власти возглавлял губполитпросвет, был редактором газеты «Красный Алтай», журнала «Алтайская деревня», другом и советчиком многих писателей Алтая.

Первый номер «Сибирского рассвета» вышел в январе 1919 г. тиражом 4500 экземпляров. Первоначально он задумывался как

неженедельный, но на первый же номер были израсходованы почти все запасы бумаги. С третьего номера журнал стал ежемесячным.

Публикации в нем были неравноценными. Наиболее слабой оказалась поэзия. В ней преобладали мотивы тоски, безнадежности. Лишь немногие поэты выражали оптимистическое отношение к жизни (Драверт, Худяков, отчасти Пиотровский). В разделе публицистики наряду с интересными очерками о выдающихся деятелях науки и культуры Сибири печатались политические обзоры в эсеро-меньшевистском толковании, хотя и выдержанные в спокойном тоне. Несравненно лучше на этом фоне выглядела проза. Большинство произведений было посвящено дореволюционному прошлому и проникнуто любовью к простому человеку, ненавистью к его угнетателям. Против насильников, присвоивших себе право судить других, выступает Новиков-Прибой в рассказе «Две души»; в «Недрах жизни» Исаков поднимает голос против братоубийственной гражданской войны; подкупают смелостью рассказы Павла Низового «Тени» — о событиях 1905 г., «Час девятый» — о крестьянском бунте в 1917 г.

Но произведений явно революционного звучания на страницах журнала не было, и причина здесь, на мой взгляд, не только в колчаковской цензуре, но и в умеренной, хотя и безусловно прогрессивной позиции авторов.

К чести журнала «Сибирский рассвет» надо сказать, что он ни разу не запятнал свои страницы нападками на Советскую власть и восхвалением колчаковского режима, как это допускал, например, журнал «Сибирские записки», выходивший в это же время в Красноярске.

«Журнал «Сибирский рассвет» был оппозиционным по отношению к Колчаку», — отмечал позже Владимир Зазубрин в статье «Сибирская литература 1917—1926 годов».

В документах Культпросветсоюза отмечается, что уже в конце июля 1919 г. «по условиям текущего политического момента» проезд инструкторов «Союз» во многие районы Алтая стал невозможен. «Текущий политический момент», как не трудно догадаться, заключался в том, что многие районы Алтая были охвачены к тому времени партизанским движением. В такой обстановке попытки местных кооператоров устраивать народные чтения и спектакли не встречали, мягко выражаясь, понимания у крестьян.

А вскоре и ездить стало некому: колчаковские власти к сентябрю почти поголовно мобилизовали в армию служащих «Союза». Работу всех его отделов пришлось свернуть. Лишь издание «Сибирского рассвета» удалось ценою огромных усилий продолжить до конца года. Последние две книжки, за сентябрь—октябрь и ноябрь—декабрь, вышли двойными номерами. С вос-

становлением Советской власти Культпросветсоюз и журнал прекратили существование...

Не следует преувеличивать значение журнала, библиотеки «Сибирский рассвет», да и всей деятельности Культпросветсоюза на умы крестьян в лихолетье гражданской войны. И все же она заслуживает глубокого уважения за свой гуманный демократический характер, требовавший от авторов и всех работников «Союза» немалого гражданского мужества в тот период взаимного ожесточения.

Можно с полным правом сказать, что алтайские и другие литераторы в те суровые годы выполняли свой писательский и гражданский долг перед народом, внесли посильный вклад в развитие литературы.

ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

ПОТРЕБНО КУПИТЬ ДЛЯ ДЕЙСТВИЯ ЗАВОДОВ

Есть немало вопросов в истории Алтайского горного округа, которые требуют более подробного изучения и освещения. Итогом является проблема, связанная с обеспечением заводов необходимыми материалами и продуктами. Кабинетское хозяйство в горном округе имело 9 крупных металлургических заводов, камнерезную фабрику, несколько десятков рудников, производило огромную массу металлов: чугуна, железо, серебро, золото, медь, свинец шла непрерывным потоком из заводских цехов. Вместе с тем, горнодобывающие заводы и рудники являлись потребителями многих сельскохозяйственных и промышленных изделий. Как обеспечивало горное правление свои заводы и рудники, а также производительную силу необходимыми продуктами, материалами, инструментами, веществами, т. е. всем необходимым для функционирования заводского механизма?

Весь смысл горнозаводского производства заключался в добыче и вылавке золота и серебра. Западная Сибирь, благодаря Алтайскому горному округу, занимала первое место по производству серебра и третье по производству золота в России. В 1830 г. для царского двора было вылавлено золота 26 пуд. 28 ф. и серебра 911 пуд. 16 ф., а в 1835 соответственно 41 пуд. 20 ф. и 925 пуд. 7 ф., а в 1860 — 67 пуд. 30 ф. и 991 пуд. 29 ф. Чистые доходы царской семьи от золота и серебра составляли 1210083 руб. серебром в 1842 г. и 1325572 руб. сер. в 1860 г., что составляло от 140 до 180 проц. вложенных средств и расходовались непродуцительно на постройку и убранство дворцов, содержание придворной челяди и устройство пышных праздников.

Горнодобывающая промышленность, подчиненная главной цели, — получение доходов от вылавки драгоценных и благородных металлов носила замкнутый характер. Гурьевский и Томский железоделательные заводы должны были обеспечить серебренными заводами, рудники, привезти железом и металлическими изделиями, но удовлетворить все потребности горного производства в железных вещах они не могли, не говоря уже о потребностях бытовых нужд населения, свободный рынок. Можно только удивляться, что огромное производство не способствовало развитию торговли. Доставка дополнительных металлов и сбыт излишков решалось горным правлением, минуя рынок.

Придерживаясь политики самообеспечения заводов сырьем, рабочей силой и ее пропитанием, Кабинет создает как категорию квалифицированных наследственных горных служащих и мастеровых, так и принцевых крестьян, кормивших и содержавших весь

веру и устанавливает монополию горного правления на закупку Фарма, крупы, хлеба и мяса. Создание козенных магазинов, монополия канцелярии на закупку хлеба, запрещение вывоза за пределы округа ограничивали торговлю продуктами земледелия.

Количество продуктов скотоводства, продаваемых торговцами в другие губернии, также определялось потребностями заводов. В 1831 г. для Сузунского завода требовалось сала сырого для изготовления свечей на освещение цехов 570 пуд. и для конторы — 100 пуд., кож сырых для заводских цехов 700 штук. Локтевскому заводу на смазку механизмов сала топленного — 250 пуд. и на свечи — 450, а также Павловскому заводу 100 пуд., для рудников Звенигорского края 2641 пуд. сала и 582 штук кож. Интересно привести полное описание запроса продуктов производства, заготовленных для Барнаульского завода на 1831 год. На мажание свеч заводских цехов 675 пуд. 14 ф., сала на смазку машин и другие заводские употребления 226 пуд. Всего заводская контора заказала 800 пуд. сала и 450 пуд. кож. Кожки были использованы на шитье чарок — обуви — которую носили рабочие и мастерами, 480 штук для отпуска вышшим служащим, 212 кож для отправки в посторонние места и т. д. Указанное количество сала и кож нужно было приготовить заводу помимо хранящихся в козенном магазине ранее купленных кож и сала.

В такой ситуации горное правление не могло относиться нейтрально к торговле скотоводческими продуктами. Надо было обеспечить заводы необходимыми запасами. Этой цели служил маркитантский промысел — подряд купцов, мешки и других «торгующих людей» на поставку заводам продуктов скотоводства. В 1850 г. горным правлением была предпринята попытка вывить объем торговли отдельными продуктами и изделиями крестьянского хозяйства. Ответы земских управителей показали, что во всех волостях торговля скотом, кожами, сеном находилась в руках маркитантов, выполнявших заводские заказы и лишь излишки продуктов отправлялись в Томск, Тобольскую губернию, на частные золотые прииски, Ишимскую и Ирбитскую ярмарки. Вот, например, какой ответ прислал Павловский земский управитель: «сало, получаемое от убоя скота, при производстве маркитантского промысла со стороны казны принимаемо было в магазины для заводской потребности, а излишки от заводского употребления отправлялись по частям в заводские магазины, на золотые прииски и продавались жителям заводов на приготовление свеч без разделения на сорта в частные руки». Через посредство маркитантского промысла казна закупила в Малышевском отделении для Павловского завода 343 головы рогатого скота в 1846 г., 1848 годов в 1847, 663 в 1848 (1).

Для желающих подрядиться на закупку и поставку скота, кож, сала и мяса в горных городах, обычно в самом Барнауле, устраивались торги на поставку того или иного количества продуктов. Выигравший торг получал свидетельство на право закупки в волостях округа и письменное право продавать казенным ведомством по цене, выторгованной на торге. Иногда, в годы падежа или эпидемии, цены на торгах устанавливались такими высокими, что равнялись или превышали рыночные. В таких случаях приходилось отказываться от помощи маркитантов и закупать на вольном рынке.

Кроме продуктов питания, заводскому хозяйству требовались металлы и изделия из него, минеральные добавки, нужные для плавок, химические вещества для лаборатории и некоторых заводских цехов, детали и вспомогательные инструменты, письменные принадлежности для контор, канцелярии горного училища, фармакологии для казенных аптек и госпитали, инструменты рабочим. Один только Павловский завод в 1834 г. заказал 135 наименований, начиная от войлоков, тазов, рукобойников, кожаных туфель и кончая пилами и долотами. Сузунский завод запросил 120 наименований для разных целей: как для заводов, так и для продажи служителям (кожи мякотные, юфтевые и т. п.) и разным людям (пороха, свинца), школе (80 российских буквarei, 15 арифметик). Томский завод заказал 74 наименования, в барнаульская типография испытывала недостаток «матриц и форм всег азбучного алфавита, знаков преннания и цифр» так как «старые приходят в негодность». Для заводов и заводских ведомств заказывалась даже посуда, зеркала, чайники, меха. Где же приобретало горное правление фабрично-заводские изделия?

Многие товары можно было производить на месте, но это не соответствовало политике Кабинета — максимум доходов при минимуме затрат. Частной промышленности дорога была закрыта указом, запрещающим строить на территории округа заводы огненного действия. Местный рынок в результате ограничительной политики был слабо развит, деятельность местных купцов сводилась в основном к покупке скотоводческих продуктов, предметов пчеловодства, кедрового и звериного промысла, рыболовства. Острая потребность заводского хозяйства в промышленных товарах в условиях отсутствия собственной фабрично-заводской промышленности, слабости внутреннего рынка, удаленности округа от промышленных центров нашла выход в оптовых закупках на крупнейших российских торгах.

Ежегодно Алтайское горное правление организовывало экспедиции на Ирбитскую ярмарку, находящуюся в 1679 верстах от Барнаула и на самую крупную ярмарку России — Нижегородскую. До нее было 3131 верста. Сравнивая объемы закупок, мож-

но заметить, что значительную роль по заготовке промышленных товаров играла Ирбитская ярмарка. В 1833 г. из 177 наименований, зачисленных в регистр материалов и припасов, заготавливаемых по распоряжению администрации, в Петербурге закуплено 32 вида товаров, а на Ирбитской ярмарке 55 видов для казенных и 88 для партикулярных (личных) целей. В 1834 г. в Петербурге было куплено товаров на 412 руб. 05 коп., на Ирбитской ярмарке на 20782 руб. 88 коп. и на Нижегородской ярмарке на 37485 руб. 50 коп. (2). В целом царское поместье имело слабые связи с рынками России. Значительная роль Ирбитской ярмарки была обусловлена относительной дешевизной провоза: доставка в Барнаул из Петербурга стоила не менее 3 руб. 50 коп. за пуд груза, от Нижегородской ярмарки стоимость доходила до 10 руб., от Ирбита в среднем — 2 руб. 35 коп.

Ирбитская ярмарка проходила в удобное зимнее время: с 1 февраля по 1 марта. Дорога до ярмарки была долгая и утомительная, занимала 2—3 недели. На дороге встречались снежные заносы, пужно было занимать подводы, менять изнуренных лошадей. По зимнему пути до весенней распутицы двигались вереницами саней с товаром. Путь пролегал через деревни, жители которых существовали за счет навозного промысла. Крестьяне создавали артели по перевозке товаров, иногда целые деревни подрывались для доставки ирбитского товара. В 1833 г. для доставки товара на Алтай было куплено у крестьянина Ирбитского уезда А. Печкина 46 саней по 12 руб. 50 коп. А за доставку груза в барнаульский казенный магазин подрядчику, крестьянину Померанцеву с товарищами, выплачено 1132 руб. 80 коп.

На Ирбитской ярмарке горное правление делало предварительные заказы на текущий год тех промышленных товаров, которых не удавалось закупить на других рынках. Так, чиновник Черницын, командированный на Нижегородскую ярмарку, не сумел купить ряд заказанных вещей на сумму около 16 тыс. руб. В записке горному правлению он объяснил: «Оловянной посуды для лазаретов Козляново-Воскресенских заводов и рудников мною не куплено, поскольку в привозе оной в Нижегородской ярмарке не было потребного количества и надлежащей доброты и формы, а потому на приготовление оной и на доставку оной в Ирбитскую ярмарку следующего 1832 года подрывены тульский оружейник Лялин» (3). Поставщику выдан аванс в сумме свыше 10000 руб.

С другой стороны, сроки Ирбитской ярмарки — начало года, позволяли в случае отсутствия на ярмарке нужных товаров, приобрести их на Нижегородской, которая проходила в июле—августе. Тому же Черницыну предписывалось купить товары на Нижегородской ярмарке на 6870 руб., так как «горное правление считает необходимым укомплектовать лазарет одеждой и други-

ми вещами; обмундировать разъездных казаков и снабдить заводы теми припасами, которые нельзя было испустить в Ирбитской ярмарке». Дорога в Нижний Новгород была знакома и проторена благодаря сбыту сузунской меди.

Летняя дорога была не менее трудная. Конечно торговца не ждали морозы, обморожения, метели, снежная степь, мечты о горячем чае и русской печи. Но впереди лежала разбитая, ухабистая дорога, тряска на кочках, деревенская пыль или грязь по колено. В одной из газетных статей писалось: «Много приходилось мне ездить, много приходилось видеть дорог, но такой как в Западной Сибири не встречал. Да это собственно и не дорога, а чистое поле, идолъ и попереки прытое колесами... особенно в ненастную погоду, когда грязь бывает на аршин и больше, и тогда передних колес не видно из-за нее» (4). Летом на пути обозов с товарами встречались рья и речушки, деревенские мосты, переправы. Половину пути товар перевозился на барках водой по рекам Обь, Кама, Волга, через Пермь.

Хотя водный путь ускорял доставку товаров и уменьшал затраты на перевозку, он был сопряжен с опасностью, бывали случаи, когда в пути барки переворачивались и товар тогул. Например, в 1854 г. барки с сузунской медью разбились о камень на р. Чусовой, причем из 7000 ящиков один затонул (на сумму 52 руб. 27 коп.) (5). И так как дорога на Нижегородскую ярмарку была в 2 раза длиннее и дороже, правление в большинстве случаев заказывало покупку промышленных товаров на Ирбитской ярмарке.

Товар покупали за наличные деньги, получаемые чиновниками в барнаульской конторе. Если частные торговцы широко использовали кредит — приобретение товара в долг, практиковали обмен сельскохозяйственных товаров на мануфактуру, то горное правление закупало товар на наличные деньги. Необходимую для покупки сумму денег высчитывали по средним справочным ценам предыдущей ярмарки или по слухам о ценах на российских торжищах. При такой «сорокиной» арифметике командированному не всегда удавалось вложиться в выданную сумму и приходилось искать выходы из положения: что купить и на какие деньги?

Проблема накопления денег решалась горным правлением за счет крестьян и зависела от их платежеспособности. Подушная подать с согласия монарха и казны шла в горные конторы на нужды горного хозяйства. В 1843 г. для закупки материалов на Ирбитской ярмарке было запрещено из этой суммы 43 тыс. руб. Подобный случай имел место и в 1842 г., когда было отпущено на закупку провизанта 28571 руб. 92 коп. Принадлежность округа собственности монарха давало свободу распоряжения государственной податью. Но сбор подати в условиях обнищания и задвленности

алтайского крестьянства была сложной проблемой.росло число немощных.

Заводская касса пыталась постоянную нужду в наличных деньгах. В 1849 г. на Ирбитскую ярмарку для закупки мануфактуры и промышленных товаров для заводов был командирован с двойным окладом маршлейдер 9 класса Попов. Из необходимой суммы в 20921 руб. 71 коп. серебром Попову предписывалось принять от барнаульской конторы 6000 руб. 21 коп. сер. и немедленно отправиться на Ирбитскую ярмарку, при проезде через Канск принять из таможенного окружного казначейства следующие на содержание заводов 14912 руб. 50 коп. сер» (6). Но в барнаульском казначействе было выдано только 4500 руб., остальные 1509 руб. 50 коп. обещали выслать в Ирбит. Попов напрасно ждал обещанные деньги, а цены на ярмарке как раз стояли высокие по сравнению с 1848 г. и Попову для выполнения заказов не хватило 2497 руб. 19 коп. Пришлось чиновнику идти на поклон к барнаульскому 2-й гильдии купцу В. И. Пешкову и под честное слово государственного, находящегося при исполнении официальных обязанностей служащего занять деньги сроком до прибытия в Барнаул.

Чаще всего в Ирбит командировались надежные, проверенные в деле чиновники, пользующиеся доверием. Интересно, что в конце 20-х годов XIX в. неоднократно за казенными товарами ездит В. И. Тистров. Он известен теперь нашему современнику как дед Н. К. Крупской. В 1827 г. он привез товаров на сумму 39173 руб., а в 1828 г. на 45000 руб. Но для многих чиновников поездки на ярмарку служили способом обогащения.

Что же закупалось за тысячи верст от Алтая, везли, преодолевая трудности дороги, затрачивая сотни рублей на оплату услуг подрядчика, охраны, ямщиков? Большие суммы денег выделялись для того, чтобы одеть-обуть чиновничью и военную рать. Кабинет и горное правление содержали огромный штат служащих, чиновников, горных инженеров, военных, которых насчитывалось в 1825 г. 23299 мужчин и их жен и дочерей 18322, а в 1840 уже 39942 мужчины и 25686 женщины. Они составляли «элигу» горного округа.

Нижние чины, писаря, пробирные ученики, лаборанты, кописты, переделчики, аптекари и т. п. составляли более многочисленную часть управленческого аппарата. Чиновники и военные кабинетского ведомства носили особую форму, отличавшую их от служащих других государственных ведомств. Поэтому местному начальству приходилось думать о приобретении сукна, пуговиц, португез, шляги, шляп и других атрибутов мундира. Ежегодные закупки на Ирбитской ярмарке увеличивались из года в год: росла штаты, изнашивалось старое обмундирование, прибывали из

центра новые чиновники. Так, пришлось в 1844 г. выделить значительно большую сумму денег для поездки на Ирбитскую ярмарку в связи с тем, что «увеличение в нынешнем году суммы последовало от большей потребности сукон для обмундирования нижних чинов всего Алтайского округа с 1 апреля с. г., которых требуется более прошлого, темнозеленого 1850 аршин и темносерого 3360 аршин». Но потребности в тканях далеко не ограничивались только обмундированием военных и чиновников. В тот же год было заказано сукно для пополнения барнаульского лазарета белым, для аммуниции нижних чиновников госпиталя, приготовления денежных мешков для монетного двора и т. д. На хозяйственные нужды для завода в 1844 г. было закуплено подкладного материала 40000 аршин, хрящевого — 27100 аршин, летнего — 219000 аршин.

Бумагу, а также чернильные орешки (преимущественно черные, т. е. писали в то время черными чернилами), купорос черный и синий, камедь для письма, карандаши (они делились на простые, красные, синие, кипарисные и столярные, французские и итальянские), сургуч №№ 1, 2, 3 (для оформления письменных предписаний, склеивания конвертов, оттиска печати), чертежные инструменты, циркули, готовальни — все это алтайское правление приобретало на стороне. В 1833 г. одной бумаги было приобретено в Ирбите на сумму 6340 руб., купороса на 212 руб. 70 коп., сургуча на 1074 руб., орешков чернильных на 228 руб., карандашей и 46 руб. Но закупленной бумаги, несмотря на поддерживаемый запас не хватало до конца года. В таких случаях горное правление вынуждено было прибегать к закупкам у местных торговцев. В 1863 г. главное правление отдало указание «на случай недостатка бумаги, которой как известно по опыту, бывает всегда в конце заводского года и во время приобретения ее обходится очень дорого для казны, то посему и находя объявленную государственным крестьянином Сорокиным за продаваемую им бумагу цену не превышающую выдаваемой в предшествующие годы (2 руб. 90 коп. за стопу). Горное правление находит возможным купить предлежащие Сорокиным 500 стоп бумаги № 3 по объявленной цене собственно для Главного правления как в запас, так и в обеспечение предстоящей покупки ее на будущий год».

Особую группу представляли заказы барнаульского госпиталя: от сухих трав до сложных лекарств, посуды и хирургических инструментов, термометров, нашатыря, камфары, дубовой коры и т. д. Благодаря ежегодным поездкам в Ирбит, алтайская аптека была укомплектована лекарствами и инструментами богаче всех сибирских аптек. Для контроля основного процесса плавки и работы вспомогательных цехов горное правление делало широкие закупки химических веществ и металлических изделий, необходимых для

заводского производства: пожарные яшиины, пила, буравчики, долота, проволоку, белое железо, буру, скиндар, уксусную кислоту, винный камень, ревенную бумагу, шпатель, охру, ионоварь и многое другое. Использовались они в различных целях: бура использовалась «при испытании руд и лабораториях как плавленый равно очищения и прикрытия расплавленных металлов, в медицине же как лекарство» (7). Ревенная бумага как определитель щелочи в химической лаборатории, буравчики, долота использовались в рудниках, пила для распиловки дров и камня на Коляевской шифовальной фабрике. Перечислить и описать все заказы и потребности производства невозможно: только барнаульская аптека заказывала свыше 50—70 предметов, заказ барнаульского завода состоял из 100 предметов. Кроме того казенные экспедиции выполняли заказы не только заводских ведомств. В 1844 г. Дмитриевская церковь заказала на Ирбитской ярмарке 5 пуд. 20 ф. свечей восковых и 20 ф. ладану. В 1831 г. было куплено для церкви свечей белого воска на 60 руб., позументу на ризу на 10 руб., крест за 5 руб., псалмных свечей на 5 руб., серебряных сосудов на 500 руб., два прительных креста на 300 руб., «хлебов» на 5 руб., 20 штук книг «Устава» годичной службы, авостолов на 10 руб., четыре лампы на 50 руб., малых лампад на 5 руб., кадло за 3 руб.

Чиновники и инженеры округа пользовались казенными экспедициями в своих интересах. Их годовые оклады по официальным ведомостям были не столь высоки: земский управитель — 286 руб., маркшейдер — 533 руб., коллежский секретарь — 350, унтер-шхт-meister от 48 до 200, писцы от 18 до 40 руб. (8). Однако горняки знали личальсь друг перед другом туалетами, праздничным столом, убранством дома и считали ниже своего достоинства вступать в сделки с местными торговцами и покупать товар, прошедший через десятки рук. Свои заказы они выполняли чаще всего в Петербурге. В 1832 г. чиновники Барнаула к общему списку материалов, потребных для заводов, приложили список своих заказов на 5469 руб. 05 коп. В списке фигурируют: статский советник, известный ученый, врач Ф. В. Геблер (оклад 3400 руб.), один бергтаунтман (оклад 1422), три обербергмейстера с окладом по 1001 руб., четыре маркшейдера, один провизор, коллежский секретарь (350 руб.), пятнадцать писарей, один канцелярист (оклад 100 руб.). Всего 63 фамилии. Унтершхтmeister Ив. Зверев (соответствовало позже званию урядника, оклад 100 руб. и должн 60 руб.) заказал шлягу с португесей по 5 руб., формовую шляпу по 10 руб., две дюжины пуговиц по 2 руб. 50 коп., 2 аршина темновеного сукна по 10 руб.

Чиновники среднего звена заказывали в основном продукты питания. Первое место занимал сахар. Сахар стоил дорого и пер-

вой половине XIX века — 40 руб. ассигнациями за пуд, поэтому его можно было видеть только в богатых семьях. Невозможно переписать остальные заказы, иногда чиновники заказывали на 400—600 руб. В качестве любопытного примера можно привести список заказов маркшейдера (соответствовало поинскому званию казначей) П. Зубарева: 4 пуда сахара, 2 ведра французской вошки, 1 ведро рому, 1,5 — мадеры, 1,5 — португину, 1,2 мадаги, 1 ведро столового белого вина, всяких вареньев, сахарных конфет — 1 пуд, 10 фунтов чернослива, 10 ф. изюма, 10 ф. сладкого миндаля, 20 ф. кофе, 10 ф. вермишели, 5 ф. макарон, 20 штук лимонов соленых, 1 коробку копченой сельди, 1 бочку соленой сельди, 10 ф. семги, 20 ф. паюсовой шквы, 10 ф. колбасы, 20 ф. мускатных орехов, 5 ф. шоколада, 5 ф. голландского сыра, 1 пуд деревянного масла, 1 мешок круичатой муки, 3 ф. ягодного перья. Маркшейдер Зубарев имел по тем временам небольшую семью: жену, двух сыновей, старший из которых был определен в заводскую службу и дочь. За несколько лет службы он имел длинный послужной список, в том числе поездки в Ирбит за товаром в 1825—1826 гг., имел одного дворового человека, был земским управителем и за службу награжден в 1829 г. орденом на Владимирской ленте (9).

Покупка товаров на Ирбитской ярмарке для чиновников была выгодна: во-первых, расходы на экспедицию оплачивало горное правление, во-вторых, цены на эти товары в Ирбите были несомненно ниже, чем у кушцов и посредников на Алтае. Кроме того на Ирбитской ярмарке был выбор между товаром лучшего и худшего качества. Конкуренция кушцов на ярмарке позволяла приобрести товары хорошего качества по сходной цене. Во всех инструкциях по закупке товаров на ярмарках подчеркивается фраза: «...стараться вообще закупку производить из первых рук, а не у перекупщиков, умеренными ценами, без передачи». И, наконец, многие товары, заказываемые заводами и их служащими можно было приобрести только на Ирбитской ярмарке. На Алтай, печально знаменитый среди торгового мира своими ограничениями торговли, притеснением кушцов, не каждый решался взять товар, хотя не только заводские служащие и военные нуждались в промышленных товарах. Острая потребность в сукне, мануфактуре, обуви, металлических изделиях, кожевенных товарах имела у всего населения, подавляющее большинство которого составляло крестьянство.

Собственная кустарная промышленность в округе была слабо развита. Чаще всего ремесленники жили в горнозаводских поселках: Сузунском, Павловском, Локтевском, Змеиногорском, Зыряновском. Там встречались среди мастеровых свои кузнецы, столяры, плотники, занимающиеся в гильную неделю своим ремеслом. Поэтому крестьяне были вынуждены обращаться к алтайским или

мезамим торговцам, покупая товары в долг или обменивая на государственные продукты и, попадая за долги в кабалу. Но это особый разговор и стоит самостоятельного рассмотрения и размышления. Таким образом, для успешного функционирования заводов и рудников, для обеспечения рабочих людей и служащих продуктами питания и одеждой Кабинет создал своеобразную атмосферу замкнутого хозяйства. Первичные продукты земледелия и скотоводства производились на месте и составляли предмет обязательных поставок крестьян. Промышленные и фабричные «горючие» товары: металл и изделия из него, ткани, обувь, вино, бумагу и другие предметы горный округ закупал на европейских и сибирских торгах. Округ, несмотря на свое название — горнозаводской, не создавал заводской промышленной продукции. Все интересы экономического, политического и социального развития округа были подчинены созданию благоприятных условий для получения доходов от производства золота и серебра.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГААК, Ф. 2. Оп. 4. Д. 5419. Л. 74—75, 80.
2. ГААК, Ф. 2. Оп. 2. Д. 218. Л. 5.
3. ГААК, Ф. 2. Оп. 2. Д. 191. Л. 21.
4. 99чн. Заметки с большого Сибирского тракта // Восточное обозрение. 1894. 3 июля.
5. ГААК, Ф. 2. Оп. 3. Д. 939. Л. 15.
6. ГААК, Ф. 2. Оп. 4. Д. 3357. Л. 63.
7. Горный словарь / под ред. Г. Славского. Ч. 1. — М., 1841. С. 47.
8. ГААК, Ф. 2. Оп. 2. Д. 296. Л. 116—122.
9. ГААК, Ф. 2. Оп. 1. Д. 64. Л. 129.

В. А. СКУБНЕВСКИЙ

ПЕРВЫЙ СОДОВЫЙ ЗАВОД РОССИИ

Одна из интересных страниц истории предпринимательства на Алтае, да, пожалуй, и в Сибири, создание первого в России содового завода. В середине XIX в. Россия еще не имела важнейшего в химической отрасли содового производства, без чего невозможно было успешное развитие многих других групп промышленности. Не случайно выдающийся ученый Д. И. Менделеев размышляя за развитие содовой промышленности, писал: «Укрепление обширного производства соды и едкого натра необходимо не только для обширной потребности в них мыловаренных заводов, ситовых фабрик и белзавес, но и множеством других» (1). При этом Д. И. Менделеев отмечал, что во многих районах страны, особенно в Сибири есть «...редкое богатство готовя — каменная и растворенная — глауберова соль» (2).

На Алтае производство возникло на новом месте, в крае, где ранее не было вовсе химической промышленности, многие десятилетия успешно действовало благодаря знаниям и предприимчивости одного человека, его основателя, М. Б. Пранга.

М. Пранг был художником, известно, что писал в основном пейзажи, проживал в Петербурге, бывал за границей, где изучал не только европейскую живопись, но и химию. Последнее и определило его деятельность на Алтае. В 1862 г. он приехал к своим братьям на Алтай в гости. Один из братьев был директором Павловского сереброплавильного завода, т. е. человеком в крае известным. Но Алтаю М. Пранг съезжал с этюдником, рисовал пейзажи. К сожалению, об этой стороне деятельности Пранга мало что известно. Картины, видимо, не сохранились, а имя М. Пранга осталось в истории, как предпринимателя, ибо в 1864 г. он построил первый в России содовый завод (3). Предприятие находилось в окрестностях Барнаула, у впадения речки Пивоварки в Барнаулку. (Сейчас это в черте города). Никаких построек к настоящему времени не сохранилось.

История завода Пранга интересна и тем, что в период, когда он возник (60-е годы XIX в.) на Алтае только возникала частная капиталистическая промышленность. До отмены в 1861 г. крепостного права она здесь была запрещена. Монопольное положение занимала кабинетская горная промышленность, прежде всего сереброплавильное производство. Да и во второй половине XIX в. кабинетское начальство и барнаульская администрация всячески тормозили развитие частной промышленности, стремясь оградить увидяющие кабинетские предприятия от конкуренции. Первые заводчики, безусловно, рисковали, начиная новое дело. К таким новаторам можно отнести не только Пранга, но и Функа, основателя в Барнауле первого в Сибири заводчика по производству охотничьей дробни, владельцев первых пароходов, И. Платонова — основателя первого в крае стекольного завода и других.

Завод Пранга — заметное явление в промышленной истории Барнаула, здесь это было первое относительно крупное частное промышленное заведение. Здесь же в 80-е годы XIX в. был установлен первый в городе паровой двигатель (если не считать паровую машину И. Ползунова).

Итак, что же подтолкнуло стамбульского художника к переезду в далекий Барнаул. Во время поездок по Алтаю М. Пранг побывал и на Большом Мармышанском озере, обнаружил, что оно богато глауберовой солью, т. е. необходимым сырьем для изготовления соды, которую тогда в Россию ввозили только из-за границы. На решение строить завод, видимо, повлияли и братья М. Пранга, они дали и деньги на устройство предприятия, уладили вопрос

с начальником горного округа Фрезе о разрешении на строительство.

Сведения о первых годах работы предприятия несколько противоречивы. Известно, что сначала было налажено производство мыла. Один автор пишет, что владелец пошел на выпуск этой продукции, так как мыловаренное производство официально было разрешено на Алтае с 1862 г. (4). Другие отмечают, что Праг владел изготовлением мыла с использованием соды для рекламы своей продукции, чтобы и другие заводчики использовали соду в мыловаренном производстве. Известно, что первые годы сода особого сбыта не находила. Праг печатал рекламные листки и брошюры, посвященные способу варки мыла с использованием соды и распространял их по городам Сибири (5).

В 60-е годы XIX в. производство мыла и соды на заводе Прага было невелико. Так, в 1866 г. продукции было изготовлено 47 тонн. Примитивным было и оборудование, для производства мыла — 2 печи, 3 щелочных чана и 2 котла, для изготовления соды — 19 щелочных котлов и 4 печи (6). В 70-е годы производство мыла постепенно уменьшалось и в конце десятилетия вовсе было прекращено. Выпуск соды, напротив, рос, достигнув 100 тонн и более в год. К этому времени барнаульская сода стала популярной от Урала до Дальнего Востока. Многие владельцы мыловаренных, стекольных, овчино-шубных заводов приезжали на завод Прага за продукцией. В Томске у завода был свой комиссионер. В 80—90-е годы XIX в. производство достигало 400 и более тонн. (В приложении отражены статистические сведения о заводе: «сумма производства», т. е. стоимость изготовленной продукции и число рабочих. Источником стали данные губернского статкомитета, опубликованные в «Обзорах Томской губернии», а также выданные из архивных фондов: ГАТО, фонды 3, 234; ЦГИА, ф. 1284).

Завод стал известен в промышленных кругах России. На Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. ему был отведен стенд (7).

Изготавливало предприятие каустическую и кальцинированную соду. В 90-е годы, по словам владельцев, цена первой была от 2 руб. 80 коп. до 3 руб. за пуд, второй — от 1 руб. 30 коп. до 1 руб. 80 коп. Но покупатели говорили, что вынуждены были платить до 4 рублей за пуд соды. Ежегодный доход от завода достигал 60 тыс. рублей.

Сырьем помимо глауберовой соли, которую владельцы приобретали у подрядчиков, в год до 960 тонн, являлся известковый камень из деревни Переборной, до 430 т в год. Использовался и каменный уголь, 240 т в год, который покупался у Кабинета,

а добывался на Кольчугинском месторождении (ныне Прокопьевск).

Завод и заводской поселок состояли из деревянных корпусов, занимающая территорию в 5 десятин. Исследователь Алтай Сергей Порфирьевич Шведов отмечал, что «завод напоминает хорошо устроенную и обставленную помещичью усадьбу» (8). Само предприятие занимало два деревянных корпуса, в первом были установлены печи, где пережигали соль. Во втором корпусе находилось щелочное отделение, в котором непосредственно получали соду. Другой исследователь истории Алтая П. Голубев уточняет, что оборудование завода в 90-е годы XIX в. имело: двигатели паровой в 4 л. с. и 2 конных, печей содоплавильных — 3, обжигательных — 2; котлов заделочных — 4, нагревательных и выварочных — 20, кристаллизаторов — 4; аппаратов выщелачивательных — 3, отстойных — 3, вальцов дробильных — 2, мялку — 1, толчею — 1, мельницу — 1 (9). Заводской поселок имел склады для хранения соды, угля, извести, кузницу, столярную, водокачку, дома для работников завода, школу на 30 учеников — детей рабочих. Кстати, долгое время учительницей (без оплаты) работала дочь Прауга. Среди положительных моментов следует отметить наличие на заводе аптечки и лекарств — бесплатных для всех работающих, а том числе и рабочих. В случае лечения заболевших в городских больницах, завод оплачивал им эти расходы.

К концу XIX в. число рабочих достигало 60—80 человек, состав рабочих был почти постоянным. Производственными процессами руководили 6 нарядчиков (мастеров), в штате завода были конторщик и «материальный».

Условия труда были тяжелы. По свидетельству С. Шведова, в корпусах, воздух пропитан ядовитыми испарениями и водяными парами» (10). Завод работал круглосуточно и круглогодично, останавливаясь один раз в год, летом, во время сенокоса. Рабочие должны были в это время заготовить корм для своего подворья, домашний скот был почти у каждого. Сутки делились на две смены по 12 часов, с тремя получасовыми перерывами. Оплата труда в 90-е годы составляла у мужчин от 30 до 60 коп. в день, у женщин — от 20 до 30 коп. (Для ориентации приведем некоторые цены в копейках на барнаульском рынке, например, в августе 1892 г. килограмм ржаной муки стоил 3, пшеничной — 3—4, гречки — 5, соли — 3, говядины — 12, масла — 38, мыла — 25 коп.)

В 1890 г. умер основатель завода М. Б. Прауг и руководство делами взяла на себя его вдова. До 1902 г. предприятие действовало успешно, несколько увеличилось даже производство, но затем начинается его сокращение.

Содовый завод в Барнауле разделял судьбу многих других предприятий Сибири, например, заводов черной металлургии, тек-

стильных фабрик, которые после сооружения Сибирской ж. д. (90-е годы XIX в.) не выдержали конкуренции с фабриками Европейской России. Во второй половине XIX в. сибирский рынок в значительной мере был еще изолирован от рынка европейской части страны и тем более мирового. В этих условиях отдельные небольшие промышленные предприятия Сибири не испытывали почти конкуренции. Положение резко изменилось с постройкой железной дороги. Содовый завод в Барнауле занимал солидное положение на сибирском рынке. Но к концу XIX в. в России уже была создана мощная содовая промышленность. Так, Березниковский содовый завод в Пермской губ. к 1900 г. производил 24000 тонн соды, а всего в стране ее производили 82 тыс. тонн (11).

Владельцем Березниковского завода была фирма «Любимов, Сольве и К». И. И. Любимов — русский предприниматель, а Сольве — бельгийский инженер, владелец содовых заводов в Бельгии и Франции. Фирма Сольве поставляла оборудование и технологии. Владельцы Березниковского завода «Любимов, Сольве и К» решили устранить единственного конкурента в Сибири. В 1907 г. барнаульский содовый завод был куплен названной фирмой и закрыт. Новый этап развития содового производства на Алтае наступил в 1921 г., когда вошел в строй Петуховский содовый завод.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Менделеев Д. И. Об условиях развития заводского дела в России. // Менделеев Д. И. Грани познанию предвидеть невозможная. — М., 1991. С. 122.
2. Там же. С. 123—124.
3. В дальнейшем содовые заводы были открыты в 1866 г. в Казанской губернии, в 1883 г. в Березниках Пермской губ., в 1891 г. в Довбоксе.
4. Шенцов С. П. Материалы по исследованию арендного хозяйства в Алтайском округе. — Т. 1. Барнаул, 1896. С. 157.
5. Завалонский Н. А. Содовое производство в Сибири. — Томск, 1894. С. 4—5.
6. Гис. архив Томской обл. (ГАТО). Ф. 3. Оп. 18. Д. 353. Л. 33; Д. 442. Д. 42.
7. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленности и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отдел XIII. Сибирский. — М., 1896. С. 152.
8. Шенцов С. П. Указ. соч. С. 159.
9. Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890. С. 113—114.
10. Шенцов С. П. Указ. соч. С. 159.
11. Техника в ее историческом развитии. 70-е годы XIX. — начало XX в. — М., 1982. С. 153.

Статистические сведения о барнаульском содовом заводе

Год	Сумма производства, тыс. руб.	Число рабочих
1865	3,6	8
1866	6,2	нет свед.
1867	11,2	15
1869	18	16
1870	12	40
1871	23	50
1872	22,1	50
1873	30	50
1874	44,8	70
1875	37	60
1876	38,6	40
1879	54	39
1880	55	39
1882	15,8	8
1884	15,8	8
1885	30	45
1886	39,4	55
1887	24,6	57
1888	36,5	67
1889	43,3	67
1890	43,3	67
1891	42	60
1894	45	67
1895	40	60
1896	40	60
1897	40	60
1898	40	60
1899	76,7	70
1900	93,5	80
1901	94,1	81
1902	93,6	80
1903	82,2	43
1904	70	47
1905	60	45

А. В. СТАРЦЕВ

«...ЧТОБЫ ПОБЛАГОДАРИЛА ВАС И РОССИЯ...»

(К биографии А. Д. Васенева)

Судьба не случайность, а предмет
выбора: ее не ожидают, а завоевывают.

У. Д. Брайн

Переход к рынку, о котором сегодня говорят и пишут очень много, вызывает естественное желание поискать сходные явления

и российской истории. И это понятно — сейчас страна находится в ситуации близкой к той, что была в России после отмены крепостного права, когда, собственно, и начался процесс интенсивного формирования рынка со всеми его атрибутами.

Исследование истории рыночных отношений в дореволюционной России невозможно без изучения субъектов предпринимательства — промышленников, купцов, финансистов, а судьбах которых как в судьбе воды отражалась противоречивость социально-экономических, политических, культурных и бытовых процессов, дававших новое направление движения великой державы. Реальное многообразие характеров, судеб, привычек дает обильную пищу для размышлений о феномене отечественного предпринимательства и мало соответствует упрощенному, а подчас карикатурному образу капиталиста, который до недавнего времени господствовал и в научной литературе, и в художественных произведениях. «Капиталисты, — писал французский историк Ф. Бродель, — это люди, чье поведение разнилось, как и других людей: одни были расчетливы, другие были азартными игроками, одни были скупы, другие расточительны, одни гениальны, а другие самое большое «счастливицами» (1).

В предлагаемом читателю очерке рассказывается о судьбе одного из представителей некогда широко известной в Сибири группы предпринимателей, торговавшей по Чуйскому тракту с Монголией и Китаем, так называемых купцов-чуйцев», бийском купце Алексее Даниловиче Васеневе. Попав в Монголию в 14-летнем возрасте, этот человек всю жизнь связал с Востоком, был свидетелем и активным участником складывавшейся системы транзитной торговли между Россией и Китаем, которая начала активно развиваться после подписания в 50—60-е гг. XIX в. между ними ряда политических и торговых соглашений.

Интерес к личности А. Д. Васенева вызван не только его предпринимательской деятельностью, но и тем, что будучи торговцем по роду занятий, он был путешественником и исследователем по призванию и внес немалый вклад в изучение Китая и Монголии. Его деятельность на пользу отечественного востоковедения высоко оценивалась многими путешественниками и исследователями Азии — Г. Н. Потаниным, Д. А. Клеменцем, А. М. Позднеевым и другими, с которыми А. Д. Васевев был хорошо знаком, работал в переписке и немало помогал им во время их научных экспедиций. «Господин Васенева, — писал в 1900 г. в газете «Северный курьер» Д. А. Клеменец, — знает все русские путешественники по Северной Монголии, начиная с Г. Н. Потанина и В. В. Пенцова, и оканчивая пишущим эти строки» (2).

Кроме помощи экспедициям А. Д. Васенев и сам очень много путешествовал. Во главе торговых караванов он обошел всю Мон-

годию, Притяньшаньские провинции северо-западного Китая, почти три года прожил в так называемом Застенном Китае, о котором в России имелись самые общие представления. Ему принадлежат честь открытия некоторых путей и местностей, где до него не бывал ни один европеец. Во время поездок Алексей Данилович вел путевые дневники, собирал образцы местных растений, проводил метеорологические наблюдения, составлял коллекции предметов быта и религиозного культа китайцев и монголов. Немалое средств он потратил на приобретение редких книг и документов, которыми щедро снабжал русских востоковедов. Оценивая патристичество и труды сибирского купца, крупный ученый-монголовед, профессор Петербургского университета А. М. Позднеев писал ему: «Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою признательность и благодарность за память обо мне и за Ваши заботы о доставлении мне монгольских бумаг. Трудно сказать, как много содействуете Вы этим делом нашему познанию Монголии. За все Вам спасибо пока от меня, а затем я постараюсь, чтобы поблагодарила Вас и Россия...» (3).

В 1991 г. исполнилось 135 лет со дня рождения А. Д. Васенева и непревзойтая память потомков о нем является лучшей благодарностью России за его труды.

Алексей Данилович Васенев родился 24(11) марта 1856 г. в слободе Кукарке Яранского уезда Вятской губернии в крестьянской семье. Его отец был солдатом и Алексея предполагали отдать в одно из закрытых учебных заведений для солдатских детей, которые были учреждены во время царствования императора Николая I и пользовались дурной репутацией. Однако после отмены крепостного права в России эти заведения были упразднены и маленький Алексей не попал в казарменное училище. В середине 60-х годов Данила Васенев был уволен в бессрочный отпуск и вернулся на родину к семье. Нехватка земли и потеря за годы рекрутчины навыков к крестьянскому труду заставили Васенева-отца искать средства к существованию и он принял решение переселиться на Урал, в город Ирбит, широко известный в России своей ярмаркой.

Однако переселение в Ирбит мало что изменило в материальном положении семейства. Постоянно испытываемая нужда заставила отца отдать Алексея «мальчишкой» в лавку местного купца Вырубова. Доходов семье это не давало, так как «мальчишка» торговцев служил «за харчи и науку», но появлялась надежда навести сына «в люди», да и отсутствие в семье лишнего рта имело немаловажное значение.

Для маленького Васенева началась новая жизнь: «Алешка, принеси... Алешка, подай... Алешка, сбегай...» Работы было много, скидки на возраст не делалось, однако Алексей в силу своей при-

родной сметки и расторопности быстро освоил новые обязанности. Судя по всему, Вырубову понравился бойкий, смелый мальчуган, который, казалось, не ведал усталости и все сазатынал, что говорится, на дугу. Он заставил Алексея выучить азбуку, научил читать и писать. Это обстоятельство сыграло огромную роль в жизни Васенева, который до конца своих дней испытывал большое уважение к книгам и знанию и относил чтение к своим любимым занятиям. Чтение, рассказы хозяина, встречи с самыми разными людьми, заходившими в лавку — все это расширило кругозор любопытного мальчугана, будило мысль и воображение. Особенно ему нравились книги и рассказы о новых неизведанных землях, о диких народах, об их жизни и обычаях. Под впечатлением прочитанного и услышанного Алексей в своих мечтах уносился далеко от родных мест, от надоевшей лавки, крикливых покупателей и строгого хозяина.

В разгар мечтаний о путешествиях в неизведанных землях судьба столкнула мальчишку с торговцем в Монголии бийским купцом И. П. Котельниковым, который ежегодно выезжал в Ирбит для реализации на ярмарке монгольского сырья и покупки товаров для своей торговли за границей. Котельников бывал в вырубовской лавке и между делом много рассказывал о своеобразии жизни за границей, описывал ширь монгольских степей, прелести замковой верховой езды, обычай кочевников. Заметив, какое впечатление производят его рассказы на «мальчишка» Вырубова, он предложил Алексею поступить к нему на службу и поехать на работу в Монголию. Это неожиданное предложение показывалось для Васенева очень заманчивым. Во-первых, внезапно-нежданно сбывались его мечты о путешествиях, а во-вторых, появлялась возможность встать на собственные ноги и помочь бедствующей семье. Раздумывал он недолго. Несмотря на то, что хозяин отговаривал его, указывая на трудности жизни вдали от родных, на молодость (Алексеем исполнилось 14 лет), он твердо решил ехать. Сыбра немудреные пожитки и попрощавшись с родными, Васнев вместе окончания ярмарки в конце февраля 1870 г. со своим новым хозяином выехал в Бийск.

На первых порах его ожидало разочарование. Городок был небольшой, грязный, во улицах бродила скотина, и он совсем не соответствовал представлениям Алексея о богатом приграничном селении, где можно было сделать быструю торговую карьеру. Нетрудно себе представить самочувствие 14-летнего юноши, которому предстояло начинать совершенно самостоятельную жизнь, не имея родом ни одного знакомого человека, который мог бы почувствовать ему или дать необходимый совет. Правда, Алексею повезло с хозяином, который оказался неплохим человеком и принял самое живое участие в судьбе своего нового служащего.

Не будучи сам особенно грамотным, И. П. Котельников, однако, поощрял склонность Васеневы к книгам, следил за тем, чтобы не порывались родственные связи и впоследствии периодически отпускал его в Ирбит повидаться с родителями. Через некоторое время после приезда в Бийск, Алексей Васенев с хозяином везежал в Монголию, которая на долгие годы стала главным местом его работы и домом.

В 70-е годы XIX столетия русско-монгольская торговля испытывала немалые трудности. Несмотря на договоры 50—60-х гг. китайские власти всячески препятствовали распространению русского экономического влияния в Монголии, входившей в состав Цинской империи. Утверждению русской торговли активно противодействовали и китайские купцы, которые не намерены были делиться прибылями с русскими коммерсантами и вели борьбу за господство на монгольском рынке. По мере увеличения привоза в Монголию товаров российского производства китайские чиновники и торговцы, по свидетельству консула в Кобдо В. Кузьминского, «начали воздействовать всеми способами на монголов с целью сделать все сделки между русскими купцами и монголами невозможными без их посредства и отучить население от употребления русских товаров и изделий» (4).

Расширению торговли между Россией и Монголией препятствовал также отсутствие удобных путей сообщения. Чуйский торговый путь, по которому доставлялись товары, большей частью пролегал в горной, труднопроходимой местности и двигаться по нему можно было только верхом. Особенно сложным был участок пути от Онгудая до Кош-Агача, где роль торгового тракта играла узкая горная тропа, вьющаяся по крутым, нависшим над рекой склонам. «Проезжая по таким путям, — писал бийский полицейский исправник Е. Замятин, — самый искусный верховой ездок рискует на каждом шагу упасть с лошади и убится до смерти» (5).

Товары, продаваемые бийскими купцами в Монголии, в большинстве своем закупались на Ирбитской ярмарке. Часть товаров распродавалась в городах Кобдо и Улясутые, а часть развозилась приказчиками, так называемыми «счетами», по стоянкам кочевников-монголов, где выменивалась на шерсть, шкурки сурка, конский волос и другие продукты скотоводческого и охотничьего хозяйства. Осенью скудное сырье стягивалось в Кобдо и Улясутай и оттуда вьючными караванами по Чуйскому тракту отправлялось в Бийск.

При таких условиях торговли от купцов и от их приказчиков требовалось многое: знать язык, местные нравы и обычаи, уметь наладить контакт с монгольской и китайской администрацией, обладать отменным здоровьем, чтобы переносить многочисленные бытовые неудобства, связанные с кочевым образом жизни и рабо-

и и многое другое. Далеко не все выдерживали это. По свидетельству В. Замитина, многие торговцы, съездив по Чуйскому тракту два—три раза, «...потеряв здоровье, отказались от торговли в Кош-Агаче, несмотря на всю выгодность этой торговли» (6).

В такой непростой обстановке предстояло начинать самостоятельный жизненный путь 14-летнему Алексею Васеневу. Первое время он находился при лавке хозяина в Кобдо, изучая монгольский язык и постигая тонкости ведения торговых дел. Несмотря на все трудности и неудобства жизни, Алексей был очарован Монголией. Его мечты о неведомых землях стали реальностью. В редкие свободные часы он стремился как можно ближе узнать страну и людей, познакомиться с их жизненным укладом, обычаями, религией. Книг, посвященных Монголии в это время почти не было, и востановить их в Кобдо было трудно, поэтому важнейшим способом познания страны могли стать личные наблюдения, знакомство с жителями, рассказы русских старожилов. Быстро овладев языком, Алексей завел множество знакомств среди монголов, что давало ему возможность не только успешно справляться со всеми поручениями хозяина, но и лучше узнавать страну и ее жителей.

У хозяина Котельникова Васенев служил 12 лет. За это время он превратился из мальчишки, постигнувшего азы купеческого ремесла, в знающего коммерсанта, искушенного во всех тонкостях транзитной торговли, свободно владеющего монгольским языком, опытного наездника. Он неоднократно водил караваны по Чуйскому тракту, доставляя товары в города Притяньшанья Гучен, Нарзуль, Хами, бывал в северо-западных провинциях Китая. Монголия стала для него родным домом, а кочевая жизнь привычной и естественной.

Удачно складывалась и его служебная карьера. Он прошел все ступени внутрикупеческой иерархии и к началу 80-х годов фактически являлся правой рукой хозяина. К этому времени сам Котельников лишь изредка выезжал в Монголию и всеми делами обширного отделения фирмы ведал Алексей Давидович. Во многом благодаря его умелому руководству, обширному знакомству с среде монголов-скотоводов и китайских коммерсантов, торговый дом Котельникова пользовался устойчивой репутацией и покровителей, и торговых партнеров.

К этому времени выявилась еще одна черта характера молодого предпринимателя. Он решительно выступал против нечестных приемов торговли с местным населением, которые практиковались многими русскими купцами, осуждал недостойное поведение своих соотечественников за границей. В 1882 г. А. Д. Васенев вместе с несколькими другими купцами поддал российскому консулу в Урге заявление, содержащее просьбы о высылке из

страны трех русских торговцев — бийских купцов Кузнецова, Молчанова и Палкина, которые «...в нетрезвом виде затевают постоянно ссоры и драки с китайскими подданными и кобдосскими торговцами и производят шумные беспорядки». Константин Иванов Кузнецов, — говорилось далее в заявлении, — действительно никогда не отличался скромностью и торговля его повстине может считаться кампрометирующим питном для русских купцов» (7).

А. Д. Васнев считал, что русские торговцы за границей должны быть достойными представителями великой страны и обязаны использовать все возможности для распространения русской культуры. Это убеждение у него окрепло после знакомства с известным путешественником, ученым и общественным деятелем Григорием Николаевичем Потаниным, которое состоялось во время путешествия последнего по Монголии в 1876—1877 гг. Для географов, историков, этнографов, филологов в этот период Монголия была «terra incognita» и Г. Н. Потанин считал что большую помощь в ее изучении могут оказать торгующие и живущие здесь русские люди. «В этом поле немногочисленным континенте... — писал он, — мы имеем людей, которые хорошо владеют монгольским разговорным языком и достаточно для своих целей ознакомлены с условиями местной общественной жизни, некоторые из этих лиц сумели завести знакомства с влиятельными в Монголии лицами и приобрести популярность среди кочевников. Несомненно, эти лица могли бы оказать немалые услуги географии и содействовать накоплению наших познаний о Средней Азии» (8).

Эти идеи Г. Н. Потанин широко проагандировал среди русских торговцев в Монголии, призывал их оказывать помощь научным экспедициям, составлял инструкции для ведения метеорологических наблюдений, собирания гербариев местных растений, ведения путевых дневников. Для Алексея Васнева эти призывы не прошли даром. Следуя с торговым караваном в китайский город Тучен, он сделал первую попытку ведения путевых записок, где отмечал названия встречающихся на пути населенных пунктов, расстояния между ними и некоторые другие краткие сведения. Этот небольшой дневник Г. Н. Потанин впоследствии опубликовал в своих «Очерках северо-западной Монголии» (9).

Очевидно, с этого же времени он начал собирать книги о Монголии, а также различные предметы монгольского быта и ламанского культа. Много лет спустя, в 1908 г., А. Д. Васнев подарил собранную коллекцию Томскому университету. В это собрание вошли иконы, образки, статуэтки, музыкальные инструменты, культовая утварь и прочее. В настоящее время они составляют ядро коллекции ламанского культа музея этнографии и археологии Томского государственного университета (74 названия из 129) (10).

В конце лета 1882 г. руководство фирмы поручило А. Д. Васеневу доставить караван с чаем из Кобдо в город Чугучак, расположенный в Западном Китае. Отправка каравана встретила затруднения из-за того, что монголы, занимавшиеся перевозкой груза, не брались за доставку, опасаясь грабежа со стороны киргизов, кочевывших по пути следования каравана. Вследствие этого, выход его задержался до середины сентября, когда переход по горам Южного Алтая становился опасным из-за непогоды и сильных снегопадов.

В пути, который занял 64 дня, караван перенес немало лишений, преодолел снежные заносы, отбивался от стаи голодных волков, потерял несколько верблюдов, но в целом переход закончился благополучно и 16 ноября 1882 г., пройдя расстояние более чем в 800 верст, путешественники прибыли в Чугучак. Счастливым исходом путешествия караван во многом был обязан А. Д. Васеневу, который показал себя как решительный и хладнокровный руководитель, взявший на себя ответственность за судьбу предприятия и за жизнь подчиненных ему людей.

Несмотря на сложные условия перехода, ежедневную тяжелую работу, Алексей Данилович каждый вечер описывал пройденный путь, рельеф местности, названия рек, встречавшиеся достопримечательности. Эти путевые записки впоследствии были опубликованы в «Сибирской газете», а затем в XIX томе «Известий» Географического общества. Оценивая значение этого дневника, редакция «Известий» отмечала: «Путь, пройденный караваном, был посещен ранее лишь немногими путешественниками, а потому каждое новое описание способно осветить его новыми данными... Что же касается пути от Кобдо до перевала Ак-Корум, то, пролекая севернее главных путей через Южный Алтай, означенный участок впервые пройден русским путешественником и лице г. Васенева и потому описание этого участка является в печати совершенною географическою новостью» (11).

Сдав груз в Чугучаке, А. Д. Васенев через Семнадцатинск вернулся в Бийск. Вскоре от кушцов Гилевых он получил выгодное предложение перейти к ним на службу в качестве доверенного монгольского отделения фирмы. И. П. Котельников, к которому обратился за советом Алексей Данилович, посоветовал начать собственное дело и отпустил в кредит товаров на несколько тысяч рублей. Благодаря большому опыту работы в Монголии, многочисленным знакомствам в среде кочевников, А. Д. Васеневу довольно быстро удалось расчитаться с долгом, и с 1884 г. он становится самостоятельным хозяином. Четырнадцать лет понадобилось ему для осуществления своих мальчишеских мечтаний — стать состоятельным человеком и путешествовать по неизведанным землям. Конечно, его состояние в это время далеко не соответство-

вало существовавшим тогда понятием «солидного дела», но Васенев единично хорошо знал, что такое нужда и имел все основания быть довольным своей судьбой, которую он строил исключительно при помощи собственной энергии, труда и упорства. В 1884 г. Алексей Давидович женился и вместе со своей молодой женой Софьей Георгиевной выехал в Монголию, где в Уласуте открыл собственную торговлю.

В 80-е гг. XIX в. в русско-монгольской и русско-китайской торговле произошли изменения. В феврале 1881 г. между Россией и Китаем в Петербурге был подписан договор, который давал большие возможности для российского предпринимательства в этой стране. В связи с этим русское правительство предприняло попытку привлечь к русско-китайской торговле крупных предпринимателей Европейской России, прежде всего текстильных фабрикантов. В феврале 1885 г. член царской фамилии великий князь Владимир Александрович даже обратился со специальным письмом к московским капиталистам с призывом выладить сбыт их продукции в Китае (12).

Однако русские предприниматели не спешили воспользоваться предоставленным им правом, опасаясь конкуренции английских и американских товаров. На призыв правительства откликнулся только крупный московский фабрикант Т. С. Морозов, глава «Товарищества Никольских мануфактур Саввы Морозова сын и К», который в компании с крупной чаеоторговой фирмой А. Г. Кузнецова решил предпринять попытку отправить торговый караван в города Застенного Китая через Бийек и северо-западную Монголию.

Снаряжение каравана породило множество проблем: неизвестна была конъюнктура китайского рынка, местные условия торговли и цены, транспортные издержки и т. д. Но главное — вести караван было никому. «Предполагаемое мое снаряжение каравана, — писал Т. С. Морозов российскому консулу в Урге Я. П. Шиншареву в декабре 1885 года, — остается пока без движения из неизменем в виду лица, могущего содутьствовать его...» (13). Поиск караванного старшины занял около года, так как он должен был отвечать многим требованиям: владеть китайским языком, знать условия торговли в Китае, иметь опыт вождения караванов и, наконец, обладать определенными дипломатическими способностями для взаимодействия с китайскими властями, которые относились к иностранцам далеко не дружелюбно.

Фирма Морозова обратилась за помощью в подыскании нужной кандидатуры и к Я. П. Шиншареву, и к торговавшим в Монголии русским купцам. Не сговариваясь, все они порекомендовали назначить руководителем каравана А. Д. Васенева, «более благо-

надежных, знающих дело и разговор — не предвидится», — сообщал Морозову телеграммой бийский купец Иванов (14).

А. Д. Васенев был приглашен в Ирбит для переговоров с представителем морозовской фирмы А. И. Вачуриным. Предложение заинтересовало Алексея Даниловича, и он подписал контракт сроком на 3 года. Помимо выгодных условий контракта (предусматривался трехтысячный годовой оклад, не считая расходов по содержанию), его привлекала возможность совершить путешествие в Застенный Китай, о котором в России знали очень немного.

Поздней осенью 1886 г. караван был готов к отправке из Кобдо. «Караван поведет один из молодых бийских купцов, торгующий в Улясутае и Западной Монголии, — сообщал в министерство иностранных дел ургинский консул, — бойкий и вполне подходящий для такого предприятия. Можно ожидать, что в его руках дело не будет испорчено, а поставлено хорошо» (15). 27 ноября 1886 г. караван, состоявший из 175 верблюдов и 14 лошадей вышел по направлению на китайский город Сучжоу. За два месяца пути караван прошел расстояние в 1230 верст.

Прибыв в Сучжоу, русские были встречены состоявшим на китайской службе бельгийским подданным Силингардом, который оказал им большую помощь в выполнении таможенных формальностей и организации торговли. А. Д. Васенев нанес визит главному гражданскому чиновнику города — доотаю, во время которого высказал благодарность за оказанное содействие и подчеркнул желание «установить торговлю на выгодах той и другой стороны» (16).

Несмотря на то, что в Сучжоу русский караван был принят хорошо, А. Д. Васенев, следуя инструкциям Т. С. Морозова «...стараться по возможности проникнуть как можно дальше вглубь Китая» (17), принял решение отправиться дальше на юг в крупный город Ланьчжоу-фу. Оставив часть товара и троих служащих в Сучжоу, Алексей Данилович с остальными выехал в Ланьчжоу-фу.

В Ланьчжоу-фу Васенев со слутниками прибыл в апреле 1887 г. Это был крупный город с 200-тысячным населением, расположенный на правом берегу реки Хуахэ. С первых дней пребывания путешественники столкнулись с активным противодействием крупных китайских торговцев, которые видели в русских опасных конкурентов. В заявлении российскому посланнику в Пекине 8 мая 1887 г. А. Д. Васенев указывал на «тайные и явные различного рода стеснения, вредящие нашим торговым интересам и поощряющие местное население к поступкам оскорбительного свойства» (18) выразившиеся в отказе найма квартиры и помещения для торговли в городе, появлении в общественных местах объявлений, призывавших бойкотировать торговлю «заморских чертей» и пр. На стороне торговцев были и местные городские власти

и А. Д. Васеневу пришлось затратить немало времени и сил, чтобы обеспечить нормальные условия жизни и работы. Постепенно взаимоотношения между русскими торговцами и местными властями нормализовались, хотя, как сообщал А. Д. Васенев в письме Т. С. Морозову, «при всем этом с их стороны, по-видимому, существует пропаганда в среде торгового класса, чтобы последние не влодлали в покупку наших товаров, но я надеюсь, что это само собой со временем устранилось» (19).

В этой сложной обстановке Алексей Данилович проявил недюжинные дипломатические способности, которые трудно было ожидать от человека, не имевшего даже начального образования. Когда в октябре 1887 г. в Ланьчжоу-фу приехал представитель российской Миссии в Пекине А. С. Вахович, он отметил, что Васеневу удалось полностью урегулировать отношения с китайцами и что теперь китайские мандарины «приглашают наших торговцев к себе, ездят к ним с визитами и позволяют своим женам вести знакомство с женою главного приказчика» (20).

Несмотря на это, сбыт привезенных изделий в Ланьчжоу-фу шел с трудом. Не желая мириться с неудачей, А. Д. Васенев предпринял поездку с образцами товаров в города Сиань-фу и Ханьчжоу-фу. Это путешествие, как и путь из России в Китай, было подробно описано в его дневнике. По возвращению из Китая все путевые дневники Алексея Даниловича были опубликованы и получили высокую оценку востоковедов (21).

Кроме дневниковых записей, А. Д. Васенев собирал образцы местных растений, вел наблюдения за климатом, о результатах которых сообщал в письмах к Г. Н. Потанину. По просьбе некоторых чинов российского дипломатического представительства и для себя лично он разыскивал редкие китайские книги, вел обширную переписку с русскими консулами в Монголии и Китае. Незадолго до отъезда из Китая, в начале 1889 г. он оказал помощь в подготовке к путешествию в Тибет американскому исследователю У. Рокхиллу (22).

Возвратившись в конце лета 1889 г. в Москву, А. Д. Васенев представил руководству морозовской фирмы подробный отчет, который показал, что караван принес 21 тыс. руб. убытка. Эта цифра показалась Т. С. Морозову неожиданно малой с учетом первого опыта торговли во Внутреннем Китае, и он предложил Алексею Даниловичу возглавить новый караван в Ланьчжоу-фу. Однако этим планам не суждено было сбыться. Осенью этого же года глава фирмы Т. С. Морозов умер, а его наследники отказались от посылок караванов в Китай.

В 1890 г. А. Д. Васенев вновь открывает свое дело в Улясуте. Сообщая об этом А. С. Ваховичу, он писал: «Не знаю, будет ли там порядочная торговля, но привычка к степи невольно тянет

меня в Монголию, хотя и в Байеке можно было бы заняться торговлей» (23).

Несмотря на молодость (в марте 1890 г. ему исполнилось 24 года), Алексей Данилович считался в Монголии одним из наиболее опытных и авторитетных коммерсантов. Двадцатилетний опыт работы за границей, руководство крупной торговой экспедицией, публикации путевых дневников — все это привнесло ему известность и обеспечило уважение не только среди торговцев и чинов дипломатических учреждений в Монголии и Китае, но и среди путешественников и ученых-востоковедов. Поэтому неудивительно, что между ним и путешествовавшим по Монголии в 1892—1893 гг. профессором Петербургского университета Алексеем Матвеевичем Позднеевым установились тесные и дружеские отношения, которые не прервались и после отъезда Позднеева в Петербург. А. Д. Васенев посылал в столицу монгольские документы, добытые им в различных государственных учреждениях, составлял для А. М. Позднеева обзоры состояния торговых дел, справки о составе торгующих в Монголии и т. п. Возможность сбора таких сведений расширилась с 1894 г., когда А. Д. Васенев был избран старшиной русского торгового общества в Улясутайском округе. Должность эта была весьма хлопотной, требовала большого такта, умения ладить с людьми и, вместе с тем, принципиальности и твердости характера. «Обязанности старшины в названных провинциях Монголии, — подчеркивал консул Я. П. Шишмарев, — сопряжены с большими затруднениями, потерю времени в ущерб своим делам и даже расходом. Помимо прямых старшинских обязанностей по отношению торговли русского купечества и вообще российских подданных, они представляют отчасти и агентов консульства, исполняя возлагаемые на них поручения не только по делам торговым, но и другим — до уголовных включительно, входя даже в сношения от имени консульства с китайскими и монгольскими властями; оказывают содействие ученым экспедициям и путешественникам, доставляют консульству сведения торговые и вообще о положении дел» (24).

Таким образом, деятельность А. Д. Васенева на поприhode организатора и выразителя общекупеческих интересов русских предпринимателей была нелегкой, тем более, что по некоторым оценкам, «русская колония в Улясутае отличалась пылкой горячностью в отношении к спиртным напиткам и ледяной холодностью к общественным интересам» (25). То что Алексей Данилович успешно справлялся с обязанностями торгового старшины свидетельствует его избрание на эту должность и течение девяти лет подряд. Консул Я. П. Шишмарев отмечал, что он «сумел встать себя перед китайскими и монгольскими властями и служит подлинным посредником между монголами и русскими, пользу-

сь авторитетом среди торговцев и влиянием на них» (26). Впоследствии труды А. Д. Васенева китайское правительство отметило орденом Двойного Дракона 4-й степени, а русское — золотой медалью на ставропсковской ленте (27).

Несмотря на занятость коммерческими делами, а с избранием на должность торгового старшины и общекупеческими проблемами, А. Д. Васенев продолжал содействовать делу изучения Монголии. Летом 1890 г. он составил описание пути от г. Улаеутай до озера Косогола (Хубсугуд), расположенного на севере страны. Это описание осенью этого же года А. Д. Васенев переслал Г. И. Потанину, а в 1895 г. Д. А. Клеменцу, однако они так и не были опубликованы. В настоящее время этот дневник хранится в фондах Алтайского краевого архива.

В этот же период А. Д. Васенев познакомился с видным деятелем науки и культуры Сибири Дмитрием Александровичем Клеменцем, одним из основателей народнической революционной организации «Земля и воля». Находясь в Сибири и в ссылке, Д. А. Клеменец активно занимался изучением края, сотрудничал в сибирских периодических изданиях. По заданию Академии наук он был командирован в Монголию для проведения геологических и археологических изысканий, развернувшихся в связи с открытием Н. М. Ядринцевым развалин древней столицы Монгольского государства — Каракорума.

Летом 1894 г. Д. А. Клеменец вместе с женой Елизаветой Николаевной приехал в Улаеутай, где близко познакомился с семейством Васеневых. Это знакомство оказалось плодотворным и приятным для обеих сторон. «Мы очень рады, — писал Васеневым Д. А. Клеменец после отъезда, — что судьба завесла нас в Улаеутай и Бог даст надеяться, что наше знакомство не ограничится этой случайной встречей» (28).

Действительно, эта встреча впоследствии переросла в сотрудничество и дружбу, которые не прерывались и после окончания экспедиции и отъезда Д. А. Клеменца в Петербург. В письмах А. Д. Васенев сообщал Д. А. Клеменцу о состоянии русской и китайской торговли в Монголии, присылал фактические данные о ввозе и вывозе товаров и пр., которые последний широко использовал в своих трудах. Кроме того, Алексей Данилович помогал Д. А. Клеменцу в сборе коллекций предметов быта и культа монголов не забывая и о пополнении своей коллекции. В письме от 28 декабря 1895 г. он сообщал о приобретении заказанного Клеменцем дербетского костюма и писал, что продолжает поиски хорошей коллекции бурханов (статуэток, изображающих Будду — А. С.) (29).

Успешно продвигались и коммерческие дела А. Д. Васенева. В 1895 г. из мещан он перешел в купеческое сословие и стал име-

новаться бийским второй гильдии купцом. В 1895/96 г. оборот его торговли превысил 100 тыс. руб. и это выдвинуло его в ряд наиболее крупных предпринимателей в северо-западной Монголии. Он по-прежнему выступал за честную коммерцию и резко критиковал торговцев, строивших свою деятельность на обмане и неискренности покупателей. В одном из писем ургинскому консулу И. П. Шинмареву он характеризовал некоторых русских торговцев в Улусуте не иначе, как «башбузуки» (30). Выступая сторонником «европейских» способов торговли, Алексей Данилович много говорил и писал о необходимости объединения русских торговцев в Монголии. Летом 1904 г. он совместно с бийскими купцами Г. Г. Бодуновым и П. А. Копыловым основал торговый дом «Русско-монгольское товарищество», целью которого ставилась продажа мануфактурных, галантерейных, бакалейных, скробных товаров в Монголии и вывоз оттуда шерсти, сурковых шкурок и прочего сырья (31). «Товарищество» организовало в Монголии несколько шерстомоек, на которых кроме русских служавших работали и местные жители. Дела вновь образованного торгового дома пошли очень хорошо и за первый год своей деятельности «Товарищество» вывезло из Монголии сырья более чем на 275 тыс. руб., уступив только фирме тюменского купца А. В. Колмакова (32).

Однако вскоре после блестящего начала дела «Русско-монгольского товарищества» несколько пошатнулось. Отрицательную роль в этом сыграла русско-японская война, когда значительную часть служащих фирмы мобилизовали в армию. Перечета не было сделано вовремя, дела сдавались наспех. Вскоре фирму покинул П. А. Копылов и к 1907 г. «Товарищество» распалось.

К этому времени имущественное положение А. Д. Васенева значительно укрепились. В марте 1902 г. он получил разрешение городской управы на строительство собственного дома в Бийске (33). Этот дом, построенный из красного кирпича, украшенный небольшой башенкой, неплохо сохранился до сегодняшнего дня и является памятником архитектуры конца XIX — начала XX в.

Значительное место в новом доме Алексей Данилович отдал библиотеке, в которой хранились книги о Монголии и Китае, подшивки сибирских газет, некоторые китайские и монгольские документы. Здесь же размещалась коллекция предметов ламанского культа, которую в 1908 г. он подарил Томскому университету.

Но ни рост доходов, ни обзаведение недвижимостью не могли искоренить его давнюю страсть к путешествиям и приключениям. Хотя Алексей Данилович лично уже не участвовал в экспедициях, его интерес к этой стране несколько не уменьшился. И, веро-

итво, переделывая свои путевые дневники, вспоминая пройденные маршруты, читая сочинения Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, А. М. Подвезева, он в мыслях вновь пересекал безводные пустыни, преодолевал заснеженные горные перевалы, отбивался от обезумевшей от голода волчьей стаи. Не имея возможности путешествовать самому, он, не будучи стесненным в средствах, постоянно оказывал помощь, в том числе и материальную, практически всем монгольским экспедициям. Он принял самое деятельное участие в снаряжении, выработке наиболее удобного маршрута, покупке провизии и фуража французской научной экспедиции Шаффляжона, в 1910 г. вместе с бийскими купцами Н. И. Ассяновым и Г. Г. Бодуновым финансировал экспедицию известных ученых-экономистов, профессоров Томского университета М. И. Боголенова и М. И. Соболева, и т. д. (34)

В 1910 г. в Петербурге при министерстве торговли и промышленности была создана Российская экспортная палата, которая должна была содействовать «развитию экспорта русских произведений и продуктов» (35). В ее составе в 1911 г. был образован Дальневосточный отдел, который возглавил известный специалист по вопросам промышленности и торговли в странах Дальнего Востока А. Н. Петров. А. Н. Петров привлек к организационной работе некоторых сибирских коммерсантов, в том числе и А. Д. Васеневу, с которым познакомился во время своей поездки в Монголию в 1910 г. Он считал важными и заслуживающими внимания идеи бийского предпринимателя об объединении мелких торговцев в Монголии, организации здесь широкой сети кредитных учреждений, об открытии в приграничных городах — Бийске, Минусинске, Иркутске коммерческих училищ, которые готовили бы приказчиков для работы в Монголии, с обязательным изучением языка, местных нравов и обычаев.

Учитывая огромный практический опыт А. Д. Васенева и его авторитет среди торговцев в Монголии, А. Н. Петров пригласил его на учредительное собрание Дальневосточного отдела Российской экспортной палаты, которое состоялось в марте 1911 г. в Петербурге. Во время этой поездки Алексей Данилович имел продолжительные беседы с председателем Экспортной палаты, членом Государственного совета В. И. Денисовым, неоднократно бывав в министерстве торговли и промышленности, где был представлен товарищу министра П. И. Миллеру и другим высшим чинам министерства. Предполагалась также аудиенция у председателя Совета министров П. А. Столыпина. «В министерстве, — сообщал он в письме бийскому купцу Н. И. Ассянову, — очень интересуются торговлей в Монголии и мне пришлось держать там целый экзамен по вопросам торговли: какие нужно принять меры по улучшению этой торговли, чем может содействовать прави-

тельство, нужен ли льготный тариф и проч.» (36). Для стимулирования русско-монгольской торговли по Чуйскому тракту обсуждался вопрос о необходимости открытия в Бийске отделения Российской экспортной палаты или биржевого комитета.

Возвратившись из столицы, Алексей Данилович с головой окунулся в работу по организации в Бийске отделения Российской экспортной палаты. В этих хлопотах прошло более полугода и, наконец, в декабре 1911 г. состоялось открытие бийского отделения, в котором А. Д. Васенев занял пост товарища председателя (37). Он все более отдаляется от собственной коммерции. В конце 1911 г. он становится членом городской Думы, которая избирает А. Д. Васенева председателем Бийского биржевого комитета на четырехлетие 1912—1916 гг.

В этот период в русско-монгольской торговле происходят перемены, связанные с подъемом национально-освободительного движения. Главной целью этого движения являлось освобождение Монголии от господства Цинской империи и провозглашение суверенного государства. 1 декабря 1911 г. Монголия объявила о своей независимости от Китая, что в значительной мере изменило условия экономических отношений между Монголией и Россией.

Весной 1912 г. А. Д. Васенев вновь выехал в Петербург для обсуждения и согласования мероприятий, призванных оживить торговые связи. Он встретился с руководителями Российской экспортной палаты и на заседании ее Дальневосточного отдела выступил с докладом «Русские задачи в Монголии», опубликованном впоследствии в печатном органе Экспортной палаты — журнале «Русский экспорт» (38). Осуществление предлагаемых им мероприятий, должно было, по мнению А. Д. Васенева, обеспечить доминирующее положение русских предпринимателей на монгольском рынке. Он полагал необходимым значительно расширить ассортимент русско-монгольского товарооборота с помощью широкого участия в делах крупных торгово-промышленных фирм Европейской России. «Наши фабриканты, — подчеркивал он, — должны поступиться получением высоких прибылей в Монголии. Они должны прислушаться к голосу торговцев из этой страны, пойти им навстречу, дать им наделки соответственно вкусам и требованиям туземцев и тогда, безусловно, создастся та прочная база, которая обеспечит развитие торговли» (39).

В своем докладе Алексей Данилович выходил далеко за рамки чисто коммерческих задач. Он считал обязательным расширение культурных связей между Россией и Монголией. «Крайне желательно открытие русско-монгольских школ в Монголии, — говорил он, — организация там ветеринарно-медицинской помощи. Это, несомненно, встретит горячее сочувствие со стороны местного населения» (40).

Действительность, однако, очень скоро разрушила надежды А. Д. Васенева на утверждение в Монголии «цивилизированной» торговли. После выезда из страны китайских торговцев, русские купцы, воспользовавшись своим монопольным положением на монгольском рынке, резко подняли цены на предметы первой необходимости и широко развернули ростовщические операции. Все приказы и некоторые административные меры по пресечению спекуляции, которые предпринимало российское консульство, опутанного эффекта не приносили. Один из экономических обозревателей, оценивая сложившуюся ситуацию, остроумно заметил, что для упрочения в Монголии русской торговли необходима только одна мера: удалить из страны всех русских торговцев.

Убедившись, что коренных изменений в торговле не предвидится, Алексей Давидович ликвидировал свое дело в Монголии. Помимо ощущения бессилия изменить что-либо, этому способствовало и резкое ухудшение здоровья. В феврале 1914 г. он подал в Бийскую городскую управу заявление с просьбой освободить его от обязанностей члена учетного комитета городского общественного банка. «По случаю острого нервного расстройства своего здоровья, — писал он, — и чувствую не в силах приносить действительной пользы названному учреждению, тем более, возможно, в летнее время мне придется выехать из Бийска для поправки своего здоровья в Россию» (41).

По всей видимости лечение не принесло желаемых результатов. Силы организма были серьезно подорваны напряженной работой, многолетней кочевой жизнью и неустроенностью быта. В мае 1915 г. Алексей Давидович подал заявление о сложении с себя полномочий члена городской думы и прекратил всякую коммерческую деятельность. Он даже не возобновил своего сословного купеческого свидетельства на 1916 год (42). Однако уже ничего не помогало. В январе 1917 г. Алексей Давидович Васнев скончался, не дожив до 61 года двух месяцев.

Как нам оценить этого человека? С одной стороны — это преуспевавший коммерсант, владелец солидного торгового предприятия, знавший цену деньгам и умевший их зарабатывать, с другой — общественный деятель, мечтавший установить с Китаем и Монголией прочные торгово-экономические и культурные связи, путешественник, вложивший немало сил и средств в собирание книг, документов, предметов культа и быта монголов и китайцев, которые по сей день служат отечественной науке и культуре.

При всей возможной разнозначности оценок, нельзя не согласиться с тем, что это личность незаурядная, не вмещающаяся в широко распространенные представления о сибирском купце, как о грубом, жадном скопидоме, хищнике, облирающем до нитки «инородцев» в России и за рубежом. А. Д. Васнев — можно отне-

сти к тому типу предпринимателей, к которому принадлежали П. И. Макушин, Г. В. Юдин, В. П. Сухачев и другие представители делового мира Сибири, известные своей просветительской деятельностью и меценатством. Рост их классового самосознания приводил к эволюции традиционной «корпоративной психологии» и способствовал тому, что они начинали ощущать свою неразрывную связь с будущим народа, которое было немислимо без развития просвещения и культуры. В этом смысле совершенно справедлива мысль писателя В. Г. Распутина, который, характеризуя сибирских предпринимателей этого типа, писал: «Нельзя требовать от господ Сибиряковых и Кузнецовых, чтобы они были Потаниными и Ядрищевыми, а то, что они помогали Потаниным и Ядрищевым, заслуживает от нас непрелазной памяти».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV — XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. — М., 1988. С. 400.
2. Северный курьер. 1900, № 320.
3. Государственный архив Алтайского края (здесь и далее — ГААК), ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 1 об.
4. Там же, л. 55 об.
5. Там же, ф. 163, оп. 1, д. 99, л. 26 об.
6. Там же.
7. Государственный архив Томской области (здесь и далее — ГАТО), ф. 3, оп. 20, д. 171, лл. 2—3, 6.
8. Записки Восточно-Сибирского отдела императорского Русского географического общества. Т. 1. Вып. 1. — Иркутск, 1880. С. 1.
9. См.: Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. I. — СПб., 1881. С. 124—126; Вып. III. — СПб., 1883. С. 108—109.
10. См.: Каталог этнографических коллекций музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. II. Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран. Томск, 1983. С. 173—189, 206.
11. Ватенев А. От Кобдо до Чугучака: маршрут куческого каравана // Известия ИРГО. Т. XIX. Вып. 4. — СПб., 1883. Отд. II. С. 293.
12. Центральный государственный исторический архив г. Москвы, здесь и далее — ЦГИА г. Москвы, ф. 342, оп. 1, д. 208, л. 23 об.
13. Там же, л. 5 об.
14. Там же, л. 60 об.
15. Архив востоковедов Петербургского отделения Института востоковедения РАН, ф. 44, оп. 1, д. 136, л. 7 об.
16. ЦГИА г. Москвы, ф. 342, оп. 1, д. 208, л. 91 об.
17. Там же, л. 17.
18. ГААК, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 174 об.
19. ЦГИА г. Москвы, ф. 342, оп. 1, д. 208, л. 116—116 об.
20. Архив внешней политики России (здесь и далее — АВПР), ф. Китайский стол, д. 3212, л. 51 об.
21. См.: Васевев А. От Кобдо до Ланьчжоу-фу // Труды Томского губернского статистического комитета. Т. 1. Вып. 1. — Томск, 1889. I—V. 58 с.; Он же. Дневник, веденный на пути от Ланьчжоу-фу до Сиань-фу и Хань-чжун-фу в обратном (26 июля — 4 октября 1888 г.) // Записки ВСОРГО. Т. 1. Вып. 1. — Иркутск, 1890. С. 1—126.
22. ГААК, ф. Китайский стол, д. 3212, л. 239 об.

23. АВПР, ф. Китайский стол, д. 3212, л. 239 об.
 24. Там же, д. 2067, л. 2067, л. 1—1 об.
 25. Майский Н. Современная Монголия. — Иркутск, 1921. С. 291.
 26. Царский государственный исторический архив, ф. 560, оп. 25, д. 870, л. 65.
 27. АВПР, ф. Китайский стол, д. 2067, л. 1—1 об., 9—9 об.; Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1913. — СПб., 1913, Отд. II, С. 76.
 28. ГЛАК, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 287.
 29. Там же, л. 257 об.
 30. Там же, л. 272.
 31. Там же, ф. 174, оп. 1, д. 418, л. 19.
 32. Там же, ф. 192, оп. 1, д. 143, л. 2—4, 15.
 33. Там же, ф. 174, оп. 1, д. 30, л. 40.
 34. См.: ГЛАК, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 13—124 и Бюллетень
 Совета М. Н. Оперн русско-монгольской торговли. — Томск, 1941, С. 6.
 35. Положение о Российской экспортной палате. — СПб., 1911, С. 1.
 36. ГЛАК, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 235.
 37. ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 2853, л. 14.
 38. См.: Русский экспорт. — СПб., 1912, № 6—7, С. 171—174.
 39. Там же, С. 174.
 40. Там же.
 41. ГЛАК, ф. 174, оп. 1, д. 326, л. 312.
 42. Там же, л. 311 об.

Е. В. ГАЛЬСКИХ

ИЗ ИСТОРИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ НА АЛТАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Торговля являлась одной из важнейших составляющих экономики Сибири пореформенного периода, текстильная же торговля занимала ведущее место в общем торговом балансе региона. На территории бывшего Алтайского горного округа не было ни одного текстильного предприятия, кустарные промыслы по обработке льна, пеньки, шерсти не получали широкого распространения здесь и не носили товарного характера. И в то же время в любом местечке округа можно было купить практически любую ткань, выпускаемую тогда в России.

Каким контрастом выглядит картина вобщего опустения наших прилавков сегодня. А между тем современный Алтай имеет крупные текстильные комбинаты, производящие продукцию на миллионы рублей. Эти два сравнения позволяют сделать выводы о двух принципиально-различных моделях функционирования экономики, тенденциях их развития и преимуществах рыночного хозяйствования. Для реализации этих преимуществ необходимо, в том числе, и познание механизма функционирования рынка на конкретном историческом материале.

Мануфактурный товар преобладал на рынках России в 1790—1860 годы, в этот период времени по привозу (в тыс. руб.), часто-

в упоминания товаров на ярмарках он занимал первое место (1). В последние десятилетия XIX в. на Алтае произведения текстильной промышленности по-прежнему были одной из важнейших статей торгового оборота округа. Из российских товаров, по свидетельству Н. М. Ядринцева, покупаемых Сибирью, первое место занимали ткани. В 1890 г. сбыт их составлял 57,4 проц. всего сбыва из России (2).

Ведущее положение мануфактурной торговли объяснялось специфическими условиями развития текстильного рынка на одной из «классических» окраин Российской империи, сформировавшейся в результате отсутствия железнодорожных путей сообщения. Повышенный спрос на мануфактуру на Алтае сложился ввиду отсутствия здесь сложных обрабатывающих производств, и т. ч. текстильных, слабости развития местной челночной промышленности (в 1896 г. жители округа только 13 проц. расходов на одежду покрывали за счет домашнего производства) (3) с одной стороны, с другой — масштабы мануфактурной торговли обеспечивались высоким уровнем развития текстильной промышленности в центре страны, дешевой и т. ч. тканей, появившимися московскими текстильными фабрикантами новых рынков сбыта, наконец, политикой, направленной на устранение крупных конкурентов в Сибири — капиталистами центра.

Объем мануфактурной торговли, а он увеличивался из года в год, зависел от следующих факторов:

— темпов и массовости притока переселенцев. С 1865 по 1899 гг. в округ переселилось 983,571 человек или 61,9 проц. всех переселенцев Сибири (4);

— роста городского населения; в 1862 г. на Алтае проживали 431,8 тыс. человек, в т. ч. в городе 18,1 тыс. или 4,2 проц., к 1897 г. население выросло до 1325,6 тысячи, а городское до 61,4 тыс. человек или 4,6 проц. (5);

— увеличения покупательной способности алтайского крестьянства ввиду повышения товарности сельского хозяйства и получения больших доходов от продажи сельскохозяйственной продукции;

— состояния транспорта как важнейшего условия, оказывающего влияние и на увеличение объемов торговли, и на изменение ее характера и особенностей.

Изменения в организации мануфактурной торговли начались с постройки в 1885 г. железной дороги Екатеринбург—Тюмень. Они выразились в падении роли Ирбитской ярмарки в плане закупок текстильных товаров и перенесения центра мануфактурной торговли в Москву. Так, продажа товаров на Ирбитской ярмарке в первый половине 80-х годов ежегодно превышала 62 млн. руб., но уже в 1886 г. упала до 51, а в 1889 г. до 44 млн. руб. (6)

Тогда же заметилось общее направление торговли округа. С одной стороны уменьшение крупных капиталов и оптовой торговли, а взамен этого быстрый рост мелкой сельской торговли, проявляющийся в увеличении числа ярмарок и мелочных лавок (7). Качественные же сдвиги, выразившиеся в децентрализации торговли, падении роста крупных фирм, подрыве монополии торговцев-оптовиков, сокращение кредитных сроков произошли уже после строительства Транссибирской ж. д.

Но железная дорога не затронула сущности сибирской торговли. По-прежнему соотношение между сибирским ввозом и вывозом оставалось неадекватным. Сибирь продавала свои продукты по самой низкой цене, а в обмен приобретала привозные продукты по высоким ценам. Ценность сырья никогда не покрывала запроса на мануфактуру (8).

Железная дорога не повела и к уничтожению ярмарок — основе внутреннего рынка Алтая, а только к их раздроблению. Одновременно возникает масса мелких ярмарок по селам и деревням необъятной Сибири (9).

С 1861 по 1895 гг. число ярмарок в Томской губернии увеличилось с 17 до 68, т. е. в 4 раза. Из 57 ярмарок — 48 являлись алтайскими в 1894 г., количество ярмарок увеличилось в 6 раз. Ярмарочная сеть из села развивалась более быстрыми темпами с 1863 г. она увеличилась до 31 в 1895 г. (10). Характер алтайских ярмарок, по определению Боголепова И., был универсальным, и мануфактурный товар можно было встретить на всех ярмарках (11). Наиболее значительными считались в Барнаульском округе — Сузунская, Кулундинская, Крутихинская, а в Бийском — Змеиногорская и Смоленская.

Мануфактура занимала первое место среди привозных промышленных товаров. Например: в 1887 г. на Екатерининской ярмарке в Бийске из всей суммы привоза (51 300 руб.), доля хлопчатобумажных, шерстяных, льняных, пеньковых изделий составила 43700 руб., в 1895 г. из общей суммы 72380—48375 руб. (12). В 1871 г. на ярмарке в с. Бердском Барнаульского округа из всей суммы привоза — 106 499 руб. российских товаров — 91000 руб. составили предметы мануфактуры, одежды (13). В с. Солоновском из 9728 руб. мануфактура составляла 5500, в с. Ангадайском из 12420 руб. мануфактура составляла 10 тыс. руб. (14) и т. д.

Однако значительная часть мануфактуры оставалась непроданной и перевозилась с ярмарки на ярмарку.

Торговля на Бийской ярмарке (тыс. руб.)*

Название товара	1883 г.		1887 г.		1888 г.		1895 г.	
	привоз	сбыт	привоз	сбыт	привоз	сбыт	привоз	сбыт
шерстяной	12000	1500	9000	240	3400	1000	5200	1620
с-бумажный	46000	4500	40000	5300	18000	8400	29315	16150
льняной	1000	200	—	—	5000	1920	2500	1800
шелковый	3000	250	1000	300	2920	480	6260	1060

* ГААК, ф. 174, оп. 1, д. 399, л. 10; д. 460, л. 8; д. 466, л. 18; д. 472, л. 14.

Основными покупателями мануфактуры на ярмарках были местные торговцы, берущие ее в кредит, либо в обмен на сельскохозяйственные товары для дальнейшего распространения среди заводского, сельского, кочевого населения округа. Ярмарки были центрами операций мануфактурой барнаульских, колыманских, канских, томских и других купцов. Российские фабрично-заводские товары привозили на ярмарки в Барнаул и Сузун купцы из Иркутской, Тобольской, Томской, Витекой, Казанской, Нижегородской губерний. Это были в основном представители крупных купцов, торгующих оптом—приказчики 1-го класса. Крупнейшие купеческие дворы России имели разветвленную сеть приказчиков на Алтае.

И все же главными торговыми пунктами на Алтае являлись города, прежде всего Барнаул и Бийск. Именно из этих центров товары расходились по местным ярмаркам и сельским лавкам или развозились мелкими торговцами. Причем роль городских ярмарок постепенно уменьшалась и возрастала роль стационарных заведений-магазинов и лавок (по подсчетам В. А. Скубневского они увеличились со 177 в 1865 г. до 506 в 1883 г.), (15) чьи обороты уже превосходили ярмарочные. Среди торговых предприятий, подчиненных надзору податной инспекции, мануфактурные по оборотам и прибылям стояли на первом месте. Так, в 1889 г. в Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах было 867 торговых предприятий с оборотами в 4 214,4 тыс. руб. и прибылью 320 800 руб. и т. д. специализирующихся на мануфактурной торговле 372 — с оборотами в 2 330 900 тыс. руб. и прибылью 165 570 руб. Больше всего предприятий, торговавших мануфактурой, было в Бийском уезде — 180, в Барнаульском их было 141, в Кузнецком—51 (16).

Однако степень развития мануфактурной торговли определяется не только плотностью сети торговых пунктов, необходимо учитывать и уровень оборотов в данной отрасли. Так, в Барнаульском уезде, несмотря на меньшее количество торговых заведений, обороты значительно превышали бийские — 1 101,1 против 820,1 тыс. руб. (17)

Среди торговых заведений г. Бийска в 1899 г. мануфактурные обладали самыми крупными оборотами — 1495,4 тыс. руб. (на втором месте стояли предприятия по скупке «сырья» — 653,2 тыс. руб.), хотя их количество не было наибольшим (26 — против торговых заведений по продаже спиртных напитков, которых насчитывалось около 40 с оборотом — 475,4 тыс. руб. (18))

Однако подавляющая масса населения, т. е. крестьянство, не была непосредственно связано с ярмарками и городскими рынками, а удовлетворяла свои потребности через лавочную и развозную торговлю. Несмотря на общее увеличение лавочной торговли, развитие ее признавалось недостаточным. По данным Голубева, к концу 80-х годов существовало 658 лавок на 1599 селений округа, на 3 села 1 лавка (19). Но уже через десятилетие рост лавочной торговли был несомненен. Данные журналов генеральной проверки торговых и промышленных заведений 8 из 11 волостных правлений Бийского округа позволяют представить динамику роста лавок, производящих торговлю мануфактурой. В 1894 г. их было 135, в 1895 г. — 154, в 1896 г. — 166, в 1897 г. — 175, в 1899 г. — 188, т. е. ежегодно открывалось 10—15 лавок. Общее количество селений по волостям насчитывалось 215, следовательно на 1 селе-

Таблица 2.

Центры мануфактурной торговли Бийского округа

Населенные пункты	Количество торговых заведений	Торговый оборот, руб.	Годовая прибыль, руб.
1. Алтайская волость с. Алтайское	5	42 000	2 900
2. Быстринская заводская управа с. Удальское	5	36 000	3 780
3. Нижне-Чарышская волость д. Усть-Чарышская пристань	5	35 000	3 100
4. Нижне-Чарышская волость д. Усть-Камешный исток	4	26 500	2 650
5. Смоленская волость д. Верх-Алуйская	5	36 500	3 290
6. Смоленская волость с. Смоленское	2	20 000	2 000
7. Станица Чарышская	2	26 000	2 600

* ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 1—14 (подсчет)

ние приходилось только лавочек, торгующих мануфактурой, от 1 до двух (20). Этот среднестатистический подсчет вовсе не исключает неравномерного распределения лавок по селениям.

Наиболее крупные центры мануфактурной торговли в Бийском округе показаны в табл. 2.

Лавочная торговля была больше всего распространена в при трактовых селах, значительных торговых центрах уезда, во многих других местностях лавок с мануфактурой не было. Удаленные от основных путей сообщения с редким населением эти села и деревни становились объектами деятельности мелких торговых посредников.

Количество торговых свидетельств, выданных на развозной торговле в городах Алтая, увеличилось более чем в 5 раз с 1875 по 1897 годы — со 112 до 605 (21).

По данным волостных правлений Бийского уезда, в 1894 г. здесь было выдано только 6 свидетельств на развозной торговле и 5 свидетельств на развозной. На уже к 1896 г. количество свидетельств увеличилось в 2 раза. Малкие торговцы мануфактурой, в качестве которых выступали в основном крестьяне окрестных деревень (в 1894 г. из 11—7), мещане г. Бийска, Барнаула (2) и даже бийский 2-й гильдии купец И. З. Горохов, проникая в отдаленные местности Ануийской волости, Верхне-Куминдинской, Саранской, Уймайской и вородной управ, получали с небольшого капитала прибыли от 15 — до 20 проц. (напр., Горохов И. З., имея оборот в 300 р., получал прибыль в 60 р.) (22).

На мануфактурной торговле наживалась целая армия капиталистов разного ранга. В Бийском округе наиболее крупные капиталы и прибыль 10 проц. в торговле мануфактурой имели известные бийские 2-й гильдии купцы Фирсов, Мокин, Захаров, Бодунов, Осипов, Рождественский, казак Чарышской станицы — Шестаков — основатель торгового дома «Братья Шестаковы», крестьянин Жарков и др. (23).

Особенно большие прибыли давала торговля в Горном Алтае, где монополия купцов опиралась на бесконтрольность и безвластие огромного района. В Бийске среди купцов даже существовала отдельная группа, называемая «чуйцами». В 1894 г. всю торговлю по Чуйскому тракту осуществляли 14 алтайских купцов: Асанов, Васенев, Козылов, Бодунов и др. Процент прибыльности торговли у них был самый высокий — 11 проц. и выше (например, Мокин, имея оборот 15 300 рублей, получал прибыль 2 700 р.) (24).

В целом же процент прибыльности мануфактурной торговли на Алтае в 1885 г. составлял от 9 до 11 проц., в то время как в среднем по Сибири 8,6, а по России — 5 проц. (25).

Источником прибыли посреднической торговли являлось то, что расплата за крестьянские изделия товарами, позволяла повышать на них цены выше рыночных и одновременно понижать стоимость крестьянских изделий (26). Боголенов М. так определял: «Потребитель мануфактуры, оплачивающий дорогостоящее посредничество, в то же время является производителем сырья. Сибирский торговец мануфактурой в силу этого одновременно и скушник сырья» (27).

Купцы и скушники, как правило, скупая хлеб у крестьян, предлагали им ткани, иногда происходил обмен товарами. Ряд крупнейших купцов совмещали и сочетали в одном лице скушника сельскохозяйственных товаров и спекулянтов мануфактурой. Это Морозова Е., Рождественские, монополизировавшие Бийский уезд, барнаульские купцы Сухоны, Морозовы, Поляковы, колыванский купец Жернаков и др.

В работе Рабиновича Г. X. о Жернакове отмечено: «сими по всему округу склады красного товара. Жернаков забирает хлеб в обмен на товар... Закупая товар в Нижнем, Москве, Ирбите в долг, он успевает обменять его на хлеб, извлекая при этом известный процент дохода» (28). В общей сложности обороты торговли Жернакова составляли 1500 тыс. р. или 18 проц. от оборотов всей мануфактурной торговли Алтая.

Велики были обороты купцов Сухоных в Барнауле—600 тыс. р., бийских купцов Сычевых — 200 тыс. р. (29).

Таким образом, в городской торговле, в больших сельских районах была велика роль купцов-оптовиков. Так, среди 213 владельцев промышленных и торговых заведений Бийска в 1894 г. крестьяне составляли лишь 25 проц. (30).

Крупные торговцы, реализуя часть приобретаемого в кредит в Москве, Нижнем, Ирбите товара через имеющуюся в их распоряжении торговую сеть, другую часть так же в кредит передавали более мелким (с оборотами от 1 000 до 3 000 руб.), составляющих подавляющее большинство сельских лавочников, в основном, выходящих из разбогатевших крестьян и мещан.

По сословной принадлежности владельцы небольших мануфактурных лавок в сельской местности Бийского уезда в 1894 г. распределялись следующим образом:

крестьяне —	51—42 проц.
мещане —	22—18 проц.,
оставшие урядники, фальдфебелы,	
затасные рядовые —	11—14 проц.
Казачи —	2—1,6 проц.
инородцы —	2—1,6 проц.

Всего: 122 человека, из них купцы 2-й гильдии составляли 25 человек, или 20 проц. (31).

Условия кредита возрастали от Урала к Алтаю, от Барнаула к центрам сельской торговли. Многоступенчатая форма торговли вела к повышению цен на товар для покупателя. При установлении цены критерием служила не стоимость товара, а спрос на него, привоз этого товара на ярмарку, конкуренция торговцев, на цены могли влиять множество причин: неустойчивость урожаев, кризисы в текстильной промышленности, изменение цены за доставку товара. Так, в навигацию 1889 г. фрахт на товары, идущие из ярмарок Ирбитской, Крестовской, Нижегородской существовал от 25 до 30 коп. с пуда, а в 1890 г. ирбитские товары были сланы по все пункты Оби, включая Бийск — по 20 коп. с пуда (года 3—4 назад, когда не было в пароходстве такой конкуренции, те же самые товары сдавали по 40—70 коп. с пуда) (32).

Состояние уровня цен на текстильные товары не оставалось неизменным, но тенденция в динамике ценообразования была направлена в сторону его постоянного снижения.

Чтобы выяснить приблизительную стоимость суровых, белых и крашенных х.-б. тканей можно привести следующие примеры:

Таблица 3.

Стоимость х.-б. тканей в России в 1887—1895 гг.*

	Число кв. аршин в фунте	Стоимость фунта в коп.	Стоимость 1 кв. аршина в коп.
I Ткани суровые			
меткаль	7,14	59,3	8,3
биль	5,4	49,8	9
кашмир-фатонз	5,35	45,2	8,4
бумазья	6,7	67	10,1
модекин	3,5	51,2	14,6
бразильтин	7,4	73,4	9,9
II Ткани белые и крашенные			
шербинг белый	8,18	75	9,16
лакорт	7,65	78	10
наифас	4,25	64	15,06
ситц пунцовый	6	92	15,3
вингон	3,7	66	10,1

Учитывая все особенности мануфактурной торговли на Алтае, составляющие процесса складывания цены на товар можно предположить, что стоимость этих же тканей была здесь гораздо выше. Так, в одной из деревень по Московскому тракту мелкий

* Торгово-промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899, с. 392.

торговец В. И. Сугробов продавал ситец копеек по 18—20 — аршин, покупая его за 8—10 копеек аршин (33).

Хлопчатобумажные ткани были самыми дешевыми, а поэтому пользовались наибольшим спросом.

Из общей суммы привоза на Бийскую ярмарку в 1895 г. — 43775 р. — х.-б. ткани составляли — 29215, или 68,3 проц. (34).

Шерстоткацкие изделия, прежде всего, сукно продавались в Алтае в 1890 г. по следующим ценам: (35)

- сукно алое — 2 р. 25 коп. аршин
- черное — 1 р. 80 коп. аршин
- башлычное — 1 р. 10 коп. аршин
- серое — 95 коп.

Что касается качества и ассортимента привозимых на Алтай тканей, то они определялись спросом на различные сорта тканей различных социальных групп населения.

Сибирские купцы закупали на рынках Москвы, Ирбита и залежавшийся, некачественный товар, имея ввиду непритязательность беднейших слоев алтайского крестьянства. Но они не могли учитывать потребности в хороших товарах со стороны чиновничьей администрации, рабочих золотых приисков, зажиточного крестьянства и казачества.

Торговые связи алтайского купечества с европейскими мануфактуристами были самыми разнообразными. На Алтай сбывала свою продукцию крупнейшие текстильные фирмы: Товарищество Тверской мануфактуры, Северо-Тяцкая мануфактура, Даниловская, товарищество Саввы Морозова и К., И. В. Шукина, Э. Цинделя и др. (36).

Сибирские торгово-промышленные календари, издаваемые с 1894 года, помещали рекламные объявления текстильных фирм с указанием ассортимента выпускаемых тканей. Так, в магазинах и лавках бийского 2-й гильдии купца И. Г. Сычева можно было встретить высококачественные х.-б. материи: бязь, нанку, сардинку от «Саввы Морозова и К.», руснет, шотландку от А. Г. Солодовникова, кисею, канифас, коленкор, поплин, релс от Э. Цинделя, полотно и полотняные изделия от Жирардовских мануфактур (Польша), шерстяные материи — мерينو, камгарны, шевиноты от «братьев Носовых», полушерстяные — нанбука, люстрины от Акционерного общества т. Киндлер (Польша) и др. (37).

Из материала хорошего качества женщины шили праздничные платья, традиционные русские сарафаны, позднее костюмы (юбка и кофта), соответствующие по покрою городскому и именитые «парочка», мужчины — шелковке или пансовые широкие рубашки.

Одежда из покупных тканей составляла предмет престижности семьи, поэтому ее берегли и накапливали. Из хороших шер-

стными и шелковыми тканями в богатых семьях заготавливали в приданное девушкам более десяти «парочек», а старообрядцы, также и сарафанов (девушка из бедной семьи имела по пяти ситцевых «парочек») (38).

О количестве и качестве, имеющейся у крестьянок одежды можно судить, в частности, и по росписи имущества А. Жуковой, проживающей в д. Петричице Верх-Чумышской волости. У нее имелось 9 платьев: 2 кисейных, 2 люстриновых, терновое, жаклиновое, сатиновое, шелковое, шерстяное, две «парочки» на общую сумму 61 руб., ситцу на 6 руб., кроме того, скатертей бумажных, полотенец, простыней, рубах на 22 руб. (39).

Одежду новых более сложных фасонов крестьянки шили у местных портных (кофточки со строчкой, рюшамми), а более простые сами, держа в уме схему раскроя и расхода ткани — например, на парочку требовалось 12 аршин (40).

В городах появились специальные ремесленные цехи, занимающиеся изготовлением предметов одежды. Так, в городе Бийске в 1891 г. было 32 портных (12 мастеров, 20 рабочих) и 5 модисток, а в 1895 г. 35 портных и 10 модисток (41).

До начала 80-х годов XIX в. русская текстильная промышленность практически не поставляла на внутренний рынок готового платья. (В то время как во Франции в этот период изготовляем его занималось около 1 млн. человек) (42). Впоследствии покровительственная таможенно-тарифная политика, затруднявшая привоз в Россию иностранного товара, много содействовала зарождению у нас нового массового производства.

Основным поставщиком готового платья в Сибирь стала Москва. До окончания строительства Сибирской железной дороги Нижегородская и Ирбитская ярмарки в торговле готовым платьем имели большое значение. В отчете нижегородского ярмарочного биржевого комитета за 1898 г. сказано о торговле готовым платьем следующее: «В оптовой торговле готовым платьем Нижегородская ярмарка имела в прежние годы довольно крупное значение. С проведением Сибирской железной дороги значение ярмарки сильно упало, так как крупные сибирские оптовые покупатели перенесли свою покупку в Москву, откуда они получают товар непосредственно по железной дороге. Это имеет большие удобства, помимо большей скорости в доставлении товара, в Москве покупатель имеет гораздо больший выбор его, чем на ярмарке. Затем, при отправке в Сибирь непосредственно, платье запаковывается один раз, тогда как ярмарочный товар запаковывается дважды в Москве и в Нижнем, а всякая лишняя упаковка не только удорожает, но и мнет, и портит товар» (43).

В 1899 г. Сибирь получила 85700 пудов предметов одеяния (если учесть, что 8 готовых платьев весят 1 пуд, то можно предположить, что Сибирь получила 693600 готовых платьев) (44).

Цены на готовое платье в 1899 г. на дамские жакеты «стояли» 5—15 р., мужской полный костюм 6—15 р., сюртук и жилет — 11—20 р., пиджак с жилетом — 4 р. 70 к., брюки — 1 р. 50 к. — 5 р., пальто летнее — 3 р. 50 к., пальто драповое — 9—12 р. Старинное русское платье продавалось по следующим ценам: сарафаны шелковые 1—5 р., штофовые 3—20 р., сарафаны парчевые 5—50 р., шубейки штофовые 50 к. — 3 р., бархатные 2—10 р. (45). Широким спросом готовое платье пользовалось у средних и зажиточных слоев крестьянского и городского населения, которые приобретали его либо в специализированных торговых заведениях, либо в универсальных магазинах.

В 1898 г. в Томской губернии насчитывалось 8 торговых предприятий по продаже готового платья: белья и т. п. с годовым оборотом 275 тыс. р. и прибылью 23,90 руб. (46).

Так, основной экономический закон капитализма приводил в движение все звенья рыночного механизма. Предпримчивые фабриканты Москвы, С.-Петербурга под влиянием бурно развивающейся текстильной промышленности искали новые рынки сбыта и находили их на неразвитых в промышленном отношении окраинах, каким являлся и Алтайский округ.

Крупное алтайское купечество со своей стороны выступило организатором торговли тканями, осуществляя их продажу оптом и в розницу через разветвленную сеть торговых пунктов в городах и в сельской местности: на ярмарках, в магазинах и небольших лавках. С середины 80-х годов росла численность стационарных заведений, увеличивались их обороты.

Торговля тканями приносила значительные доходы, как производителям текстильной продукции, так и ее продавцам. Поэтому именно сюда стремились вложить свои капиталы представители алтайского торгового класса.

Несмотря на значительный разрыв в ценах на мануфактуру на европейских и алтайском рынках, как следствие кредитования и многоступенчатости торговли тканями, российский текстиль пользовался повышенным спросом у алтайского населения. Алтайские купцы приобретали товар у самых известных европейских мануфактуристов, продукция которых отличалась высоким качеством и богатым ассортиментом, в результате алтайский крестьянин одевался даже лучше европейского.

Масштабы мануфактурной торговли увеличивались прямо пропорционально росту населения, развитию товарно-денежных отношений. Строительство Транссибирской железной дороги от-

крыло новую эру в развитии текстильной торговли на Алтае, внеся огромные изменения в ее характер, особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Миронов В. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Л., 1981, с. 142.
2. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892, с. 368.
3. Соловьева Е. И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. — Новосибирск, 1975, с. 94.
4. Томялова Н. К. Переселение крестьян в Алтайский округ в 1865—1899 гг. // Труды Томского университета — т. 190, с. 71.
5. Валиченко И. В. Население Алтайского Уезда во второй половине XIX века // Барнаулу 250 лет. — Барнаул, 1980, с. 132—133.
6. Скубневский В. А. Влияние Уральской железной дороги на экономику пореформенной Сибири // Взаимодействие технического и социально-экономического развития. — Свердловск, 1989, с. 79.
7. Голубев П. А. Торговля // Алтай. Историко-статистический сборник — Томск, 1890, с. 134.
8. Боголепов М. Торговля Сибири // Сибирь, ее современное состояние, ее нужды. — СПб., 1908, с. 176.
9. Там же, с. 179.
10. Щеглова Т. К. Ярмарки Алтай. Двух. на возникание ушлой ступени ж. и в. — Томск, 1991, с. 131.
11. Боголепов М. Указ. соч., с. 179.
12. ГААК, ф. 174, оп. 1, д. 399, л. 10, д. 460, л. 8.
13. Щеглова Т. К. Указ. соч., с. 142.
14. Там же — с. 143.
15. Скубневский В. А. Города Алтай второй половины XIX в. — центры торговли // Города Алтай (эпоха феодализма и капитализма). — Барнаул, 1986, с. 140.
16. Статистические результаты процентного и раскладочного сборов за 1889 год по населению, классификация, распределению оборотов и прибыли торговых и промышленных предприятий, подлежащих тому сбору. СПб., 1892, с. 262—263.
17. Там же.
18. Скубневский В. А. Указ. соч., с. 140.
19. Голубев П. А. Указ. соч., с. 131—132.
20. ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 1—14.
21. Щеглова Т. К. Указ. соч., с. 109.
22. ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 1—14.
23. ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 1—14.
24. ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 9, л. 36.
25. Скубневский В. А. Указ. соч., с. 144.
26. Соловьева Е. И. Указ. соч., с. 187—188.
27. Боголепов М. Торговля в Сибири., с. 175.
28. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополизированный капитал в экономике Сибири конца XIX — начале XX вв. — Томск, 1975, с. 224.
29. Скубневский В. А. Указ. соч., с. 145.
30. Очерки истории Алтайского края. — Барнаул, 1987, с. 146.
31. ГААК, ф. 192, оп. 1, д. 1—14.
32. Голубев П. А. Указ. соч., с. 129.
33. Щеглова Т. К. Указ. соч., с. 158.
34. ГААК, ф. 173, оп. 1, д. 472, л. 14.
35. ГААК, ф. 216, оп. 1, д. 3, л. 80.
36. ГААК, ф. 69, оп. 1, д. 476, л. 29—30.

37. ГААК, ф. 69, л. 476 — Сибирский торгово-промышленный календарь — Томск, 1896.
38. Ляпинская В. А. Русское население Алтайского края. Народные традиции и материальная культура (XVIII—XX вв.) — М., 1987, с. 161.
39. ГААК, ф. 197, оп. 1, л. 78, л. 144—145.
40. Ляпинская В. А. Указ. соч., с. 152.
41. ГААК, ф. 174, об. 1, л. 406, л. 19, л. 472, л. 14.
42. Гулишамбаров С. Н. Предметы одежды. Головное платье, обувь и прочее. Производство и торговля в главнейших странах, СПб. 1902, с. 21.
43. Там же, с. 102.
44. Там же, с. 103.
45. Там же, с. 95.
46. Статистические результаты процентного и раскладного сборов за 1898 год СПб, 1899, с. 110.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ПОДЛИННЫЙ АКТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО О СЫСКЕ БЕГЛЫХ

Как известно, Северная война началась для России поражением под Нарвой, но нарвский урок пошел впрок: правительство Петра I энергично провело мобилизацию материальных и людских ресурсов страны для успешной борьбы против Швеции, что позволило русским войскам уже к 1705 г. очистить от противника долину Невы и южное побережье Финского залива.

Но в дальнейшем война приняла затяжной характер и шла с переменным успехом. Всей тяжестью военные невзгоды легли на плечи угнетенных — крепостных крестьян, холопов, городскую бедноту. Прежде всего резко возрос гнет со стороны феодально-крепостнического государства в виде множества новых налогов, начиная с податей на корабельное дело и кончая поборами с башь, бород, гербовой бумаги и даже дубовых гробов, а также в виде тяжелых рекрутской, подводной и постоянной повинностей. Тяжело отразилось на положении трудовых масс (особенно рабочих людей, наймитов на водном транспорте и др.) проведение правительством денежной реформы, обеспечившей деньги, что привело к непомерному росту цен на товары широкого спроса.

Одновременно с фискальным гнетом абсолютистского государства выросли владельческие повинности крестьян — натуральные и денежные оброки на севере страны и барщина (три и более дней в неделю) — на юге. Все это вызвало рост массового недовольства трудовых слоев населения страны и резкое обострение классовой борьбы в России.

Самой распространенной формой классовой борьбы в эти годы стало массовое бегство холопов, крестьян, посадской черни на окраины государства — на Дон, в Сибирь, в Поволжье, где они надеялись найти избавление от усиливавшегося феодального гнета. В западных и северо-западных уездах страны в результате этого население к 1710 г. уменьшилось на 30—40 проц. В то же время многие феодалы центральной России, остро нуждаясь в рабочих руках, нередко укрывали беглецов в своих имениях, давали им временно небольшие льготы и всячески стремились удержать беглых за собой, не возвращать их прежним господам. Воеводы окраинных уездов (особенно в Сибири) были также заинтересованы и притоке населения в управляемые ими уезды и города для укрепления вооруженных сил и хозяйственного освоения недавно включенных в состав России земель, а потому не прокалили большой ретивости при исполнении царских указов, предписывавших возвращать беглый люд на прежние места жительства. Жалобами на самоуправство укрывателей беглых холопов и крестьян,

на нерадивость и нерасторопность местных властей в деле сыска беглых были завалены Поместный и другие приказы. И царское правительство, стоя на страже законных прав феодалов, а так же блюдя собственные интересы (ведь бежали холопы и крестьяне, жинские и в именных, принадлежавших самому царю и князю царской фамилии, кроме того, оскудевала царская казна) принимало самые различные меры для пресечения массового бегства угнетенных. В широчайших масштабах был организован государственный сыск беглых; во все концы России рассылались указы, грамоты, памяти и другие директивные документы с требованиями разыскивать и возвращать беглых людей прежним владельцам, с угрозами в адрес тех, кто укрывает беглецов, вплоть до угрозы конфискации имущества и даже смертной казни. В ряде случаев правительство снаряжало крупные воинские экспедиции, вроде экспедиции князя Юрия Долгорукого на Дон, для массового возвращения беглых людей.

Но классовая борьба принимала и более острые формы: в 1705—1706 гг. бушевало восстание в Астрахани, с 1705 по 1711 год длилось восстание в Башкирии, в 1707—1708 гг. на Дону развернулась настоящая крестьянская война под предводительством Кондратия Булавина.

Документальным памятником обострения классовой борьбы в России в начале XVIII в. является подлинная память старосте Ромбовского яма от 15 мая 1707 г., обнаруженная в архиве Байского краеведческого музея его научным сотрудником С. Ю. Юсуповым (Пользуясь случаем, привожу С. Ю. Юсупову благодарность за предоставленную мне возможность ознакомиться с актом).

Текст документа написан скорописью конца XVII — начала XVIII в. черными чернилами на двух тетрадных листах форматом в «д섯ь». Бумага средней плотности, невысокого качества; края листов от времени потрепались, на стыбе бумага потемнела, в средней части листов — розовые разводы, в верхней части листов — круглые темно-коричневые пятна от нечисти сургуча черного цвета; сургуч осмыкался, но следы его хорошо видны на обороте второго листа. Бумага изготовлена в России в XVII в., о чем свидетельствует водяной знак на втором листе в виде головки шута в колпаке и в одежде с зубчатым воротником, с бубенцами. Этот водяной знак — визуальное подражание голландскому водяному знаку, такне филигранн, по мнению Л. В. Черепягина, отгискивались на русской бумаге, которая изготовлялась на бумажных мельницах, сланных из оброк голландцам (1).

Текст памяти написан четким твердым почерком, без помарок и исправлений—это чистовой вариант акта. Текст занимает обе стороны первого, лицевую и половину оборотной стороны второго

листа, Листы со всех сторон имеют поля, но не имеют пагинации. На лицевой стороне первого листа сделана помета «дык Иван», на лицевой стороне второго листа — «Золотухин», на обороте второго листа — «белыл». Все эти пометы составляют одно предложение, фиксирующее тот факт, что черновик памяти редактировал дык И. Золотухин. На этой же стороне листа сверху еще помета из двух слов (прочсть из не удалось); ниже текста, под печатью подписано: «Справил Петр Минин», а внизу листа, в левом углу проставлен регистрационный номер (№ 8), в левом углу сделана припись — «Из Ямского по сыску беглых».

Таким образом, беглый осмотр документа позволяет утверждать, что акт является подлинным, это не копия, что прислан он из Ямского приказа, исполнен переписчиком Петром Миновым и заверен дыком Иваном Золотухиным и, наконец, что в этом акте речь идет о беглых людях, которые разыскиваются властями.

Ниже приводится полный текст документа, при этом нами в основном сохранена орфография XVIII в., но дiana наша разбивка текста на абзацы и предложения и современная пунктуация:

«Тета одна тысяча 707-го майя в 15 день. По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца память Романовского вую старосте и всем ямщиком.

В прошлом 706-м году декабря в 28 день, в указе великого государя из Помест(т)ного приказу в Ямской приказ писано: в прошлом де 704-м году по имянному великого государя указу веланы во все города его, великого государя, грамоты к воеводам, и в городах, и в уездах, и в селах, и в деревнях, по торшкам и по ярмонкам велено во многие дни кликать бирючем, чтоб никто ничьих беглых людей и крист(ь)ян не принимали. И буде виятца такие люди, велено проводит(ь) в города в приказные избы и по допросам отдавать тех людей, чья они были. А патриарших и архиерейских, и монастырских, и царя Арчила Вахтанговича (2), и царевичей, и бояр, и окол(ь)ничих, и думных, и ближних людей у прикащиков и у старост, и у целовал(ь)щиков, и у вотчинников имат(ь) скаски по евангел(ь)ской заповеди государи и под анасемнем смертные казни, чтоб ничьих беглых людей и крист(ь)ян не емали. И в прошлом 705-м году писали из городов воеводы: помещики и вотчинники и из прикащики, и старосты, и целовал(ь)ники, и крист(ь)яне чиятца сил(ь)ны — о беглых людях и о крист(ь)янех сказак не дают и в помест(ь)и и в вотчины для сыску беглых людей и крист(ь)ян послал(ь)ных людей не слушают(3). А в прошлом 706-м году февраля в 16 день в его, великого государя, имянном указе, каков прислан чез(ь) почту (писано): где виятца беглые люди и крист(ь)яне, и тех беглых людей и крист(ь)ян з жевами и з детьми и з животы от

д.1 об. слать к прежним помещику и вотчиннику немедленно, чтоб беглые люди и крист(ь)яны за прежними помещики и вотчинники на прежних // местах с сего числа поставлены были в полгод. А буде кто тех беглых людей и крист(ь)ян с сего числа в полгод не поставит, и у тех людей половина поместь(я) и вотчин отпущены будут на него, великого государя, а другая половина отдана будет людям, чьи в тех помещ(ть)ях и вотчинных беглые люди и крист(ь)яны явятся бесповоротно. И в прошлом 706-м году разных месяцев к великому государю в Поместной приказ писали из городов воеводы: в ямских де слободах беглые люди и крист(ь)яны живут многие, а ямских де слобод прикащики и старосты по многим посылкам чинити сца(ь)ны — о беглых людех и крист(ь)яных сказок не дают и о посылках сво, великого государя, указов в города к ямским прикащикам и старостам из Ямского приказа и о сыску в ямских слободах и о высылке и об отводе беглых людей и крист(ь)ян к прежним их местам, к прежним помещику и вотчиннику и взятые сказок его, великого государя, указ учинить в Ямском приказе.

И по тому его, великого государя, указу о послушании и посыланым, которые посланы в Помес(т)ного приказу для взятых сказок и дан сыску тех беглых людей и крист(ь)ян, к банарам великого государя указ из Ямского приказу послан. А сего де 707-го году апреля в 18 день в указе великого государя ис того же приказу в Ямской приказ писано: ведомо ему, великому государю, учинилос(ь), что многие помещики и вотчинники, забоя страх божий, тот его, великого государя, указ презрели — беглых людей и крист(ь)ян держат за собою, а иные не поместь(я) своих и вотчин высылают, а в прежние места не отвозят, а другие, не допустя их до прежних мест, внаде принимают. И великий государь указал по прежнему своему, великого государя, именному указу: буде которые помещики и вотчин/ники, и прикащики, и старосты беглых людей и крист(ь)ян держат за собою, а иные внаде принимают, а в прежние места не возят, и тем помещику и вотчиннику и дворцовым волостей, и патриарших, и архиеврейских, и монастырских вотчин прикащиком и старостам, и выборным или кто принимал, учинено по его, великого государя, указу февраля от 16 числа 706-го году неотложно. И для того сыску в уезды воеводам ездить самим и сверх сказок помещиков, и вотчинников, и прикащиков, и старост, которые до сего числа дали и которые не дали, тех сел и деревень, выбрав ис крист(ь)ян по пяти и по шти, а в бол(ь)ших — по десяти и по пятна(д)цати человек добрых и знатных и о вышесказанных беглых людех и о крист(ь)яных взят(ь) у них сказки по евангельской заповеди господня и под апошением смертныя казни. И о том против прежнего и сего великого государя указу в города к вос-

людям и приказным людям послат(ь) его, великого государя, грамоты и по воротом в пристойных местах прибит(ь) листы. А на Москве и в городех, в ямских слободах о сыску беглых людей крест(ь)ян и об отсылке в прежние места, от кого они бежали, великий государь указал свой, великого государя, указ учинит(ь) в Ямском приказе. И как к вам ся память(ь) придет, и вы б по прежнему и по сему его, великого государя, указом, как о том выше // выше сего, чинили непременно. А буде вы в чем против вышеписанного его, великого государя, указу учинитес(ь) преступны и за то старосте и всем ямщиком учинено будет жестокое наказание безо всякого милосердия, да на вас же доправлено будет пеня.

У сей памяти великого государя печать.

Справил Петр Мишич.

Содержание публикуемого документа не нуждается в подробных комментариях (память старосте и ямщикам Романовской ямской слободы красноречиво свидетельствует о тщетных попытках царского правительства остановить массовое бегство зависимых людей, возвратит беглых их прежним владельцам), но несколько пояснений необходимо сделать. Прежде всего, по нашему мнению, под термином «беглые люди» следует понимать холопов: в тексте памяти термин «беглые люди» употребляется постоянно в сочетании с термином «крестьяне», таким образом крестьяне не включаются в состав «беглых людей». Но известно, что в России начала XVIII в. зависимое население состояло из крестьян и холопов, следовательно, термин «беглые люди» означает именно холопов.

Далее, в памяти речь идет о крестьянах, находившихся в частном владении феодалов: черносочинные крестьяне в акте не фигурируют, что вовсе не означает, что положение этой категории крестьян было менее тяжелым, чем у частновладельческих крестьян.

Массовый характер бегства холопов и крестьян, несмотря на отсутствие конкретного цифрового материала в документе, не вызывает сомнений: об этом косвенно можно судить по перечню феодальных владельцев, в имениях которых скрывались беглые. В этом перечне вотчинники и помещики, духовные и светские феодалы. Из духовных феодалов, в указе царя от 1704 года, судя по изложению его содержания в памяти старосте Романовской ямской слободы, названы сам патриарх, архиереи, монастыри, а из светских — царевичи, бояре, окольничие, «думные и ближние люди» (видимо, думные дворяне и дьяки). Интересно, что беглые холопы и крестьяне появлялись и в дворянских волостях, в имениях членов царской фамилии. Любопытно также, что в перечне светских феодалов назван и бывший грузинский царь Арчил II Вахтангович (1647—1713 гг.). Этот государственный деятель Грузии

был царем Имеретии (с 1661 по 1698 год с перерывами) и царем Кахетии (в 1664—1675 гг.), а в 1699 году переселился в Москву, где основал первую грузинскую типографию и занялся литературной деятельностью (4).

Конечно, в имениях крупных феодалов беглые холопы и крестьяне могли найти лишь временное облегчение своего положения: новые владельцы «слыточили» им недолго — пользуясь полной бесправностью беглецов, новые господа угнетали их не менее жестоко, чем прежние.

В начале XVIII в. многие беглые холопы и крестьяне пытались найти избавление от феодального гнета в ямских слободах: изгнанных социально пестрой массой гудящего люда. Старосты и приказчики ямских слобод укрывали беглецов от взоров государственных чиновников, и они жили тут «избываючи» не только гнета своих господ, но и «государева тягла». Собственно этому обстоятельству и обязана своим появлением на свет память старосте и ямщикам Романовской слободы: докладывая об исполнении царских указов от 1704 и 1706 годов о сыске и возврате беглых холопов и крестьян их прежним владельцам, воеводы в своих отписках за 1706 год сообщали, что многие из беглецов живут в ямских слободах, приказчики и старосты которых «чинят им силу» — скрывают их, «не дают сказок» о беглых; воеводы просили направить в Ямской приказ специальный указ по поводу выдачи беглых холопов и крестьян, нелегально проживающих в ямских слободах: очевидно, приказчики и старосты ямских слобод не считали себя обязанными исполнять указы, присланные в Поместного приказа и требовались распоряжения их непосредственного и прямого начальства — Ямского приказа. Просьба воевод была исполнена: из Поместного приказа в Ямской было направлено высочайшее повеление, во исполнение которого все ямские слободы были направлены памяти приведенного выше содержания. Из Ямского приказа был послан государев указ боярам, «которые посланы из Поместного приказу для взятия сказок и для сыску тех беглых людей и крестьян».

Такова вкратце история появления памяти Романовскому иму.

Прежде чем перейти к вопросу о том, как этот документ оказался в Бийске, остановимся еще на одном моменте. Содержание памяти вступает о настойчивом стремлении царского правительства пресечь массовое бегство холопов и крепостных крестьян и о тщетности всех его мер, направленных против укрывательства беглых. За короткий срок (с 1704 по 1707 год) было издано три царских указа о сыске и возвращении беглых холопов и крестьян прежним владельцам — это указы от 1704 года, от 16 февраля 1706 года и от 18 апреля 1707 года. При этом от указа к указу

все более конкретными определяются сроки исполнения указов и меры наказания ослушников. Так, в указе от 1704 года лишь в самой общей форме предписано нигде и никому не принимать беглых холопов и крестьян и возвращать их прежним владельцам, а приказчики, старосты, целовальники и вотчинники по евангельской заповеди и под страхом смертной казни были обязаны давать «сказки», чтобы можно было выявить «прицпых людей», то есть беглецов в дворовых волостях, в духовных и светских вотчинах и поместьях.

В указе от 16 февраля 1706 года уже установлены жесткие сроки для возврата беглых (полгода) и мера наказания укрывателей беглых (конфискация их имений с разделом пополам между царем и законными владельцами беглых холопов и крестьян, обнаруженных в этих имениях).

А в указе от 18 апреля 1707 года, отмечая, что многие вотчинники и помещики «презрели» царский указ от 1706 года — держат у себя беглых, не отвозят их на места прежнего жительства, перехватывают при их возвращении к прежним владельцам, царь подтверждает свой прежний указ и грозит ослушникам, включая старост и целовальников светских и духовных вотчин «исотлаожным» наказанием по указу от 1706 года. Для этого указ 1707 г. обязывает воевод лично выезжать в уезды и, не довольствуясь «сказками» вотчинников, помещиков, приказчиков и старост брать «сказки» с выборных крестьян: во всех селах и деревнях, вне зависимости от того, дали или не дали их владельцам или управители «сказки», воеводы должны были выбрать 5—6 (в больших селах — 10—15) «добрых и ачатных» крестьян и снять их показания. Последняя мера свидетельствует об явном недоверии правительства к феодалам, их аппарату управления и о стремлении опереться на зажиточную верхушку русской деревни.

Однако, несмотря на все угрозы царя и усердие воевод и других приказных людей, правительству не удалось пресечь массовое бегство феодально-зависимых людей от своих господ, а злоупотребления чиновников и командиров воинских команд во время сыска беглых нередко служили толчком для открытых выступлений беглых холопов и крестьян против своих угнетателей, как это случилось в мае 1707 года на верхнем Дону, где началась настоящая крестьянская война.

Как память старосте и имщикам Романовского яма оказалась в городе, которого в 1707 году еще не было? По данным Бийского музея, память вместе с 12 неподшитыми документами 1-й половины XVIII в. была вложена в «Сборник указов из Барнаульского духовного закладного правления священноцерковнослужителям крепости Бийской». В этом «Сборнике» насчитывалось 811 листов и содержались «указы» названного правления с 1751 по 1800 год.

Подшивку «указов» начали священники самой первой в Бийской крепости церкви Петра и Павла постройки 1748—1749 гг.

Продолжали это дело церковнослужители деревянной церкви Успения постройки 1771 года, а затем священники каменной Успенской церкви, возведенной в 1788 году на месте деревянной. Кстати, сооруженном каменной церкви Успения руководил и был автором ее проекта известный сибирский летописец И. Л. Черепанов. С начала XIX века службу в этой церкви прекратил по причине ее «осквернения» (дело в том, что на церковном кладбище хоронили комендантов и старших офицеров крепости, а среди них были и протестанты, и католики и др. иноверцы). Церковные книги и архив были переданы в Успенскую церковь постройки 1899—1902 гг. В 1928 году Успенская церковь была закрыта, ее архив и книги на сей раз были переданы в библиотеку Бийского краеведческого музея. Из библиотеки они поступили в основной фонд музея, где «Сборник указов» был зарегистрирован под номером 9825, в нем было подшито, как уже сказано выше, 811 листов.

Когда и куда исчезли эти документы, неизвестно. Можно лишь предположить, что это случилось во время Великой Отечественной войны 1941—45 гг. Из всего собрания сохранилась лишь память Романовскому яму и отрывок какого-то документа (на одном листе, записанном с обеих сторон), предписывавшего местным властям ставить вежи и столбы на дорогах, мостить мосты и т. п.

Можно предположить, что акты первой половины XVIII века были завезены в Бийск первыми священниками церкви апостолов Петра и Павла: сначала служителей культа сюда присылали из Тобольска и Тюмени. Кстати, эта церковь была освящена в 1750 году тобольским митрополитом.

Не исключено также, что эти документы были привезены в Бийск автором одной из сибирских летописей И. Л. Черепановым. Во всяком случае память Романовскому яму от 1707 года была адресована старосте и ямщикам слободы, находившейся в западном уезде Западной Сибири; ни в Томском, ни в Кузнецком уездах такой слободы в 1707 г. не было. Мы предполагаем, что ныне это село Романово Ялуторовского района Тюменской области. Из какой посольской канцелярии была отправлена память — из Тюменской или Тобольской — пока не установлено. В пользу Тобольской канцелярии говорит тот общезвестный факт, что И. Л. Черепанов в молодости был тобольским ямщиком (5). Память Романовскому яму наряду с другими документами могла попасть в его руки в связи с написанием сибирской летописи, привезена в Бийск, где и осталась по неизвестным причинам.

Есть слабая надежда, что и другие документы из описанного выше «Сборника указов» не утрачены безвозвратно и могут быть обнаружены в фондах Государственного архива Алтайского края, архивах действующих церквей, либо у частных лиц.

По нашим данным, память Романовского има старосте и ямщикам раньше не была опубликована.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черешин Л. В. Русская палеогеография. — М., 1966 — С. 338 и рис. 93.

2. Там же в тексте.

3. Там же в тексте. Видимо, следует «не путают».

4. Арчил II является автором большого поэтического произведения «Ардакливо» и поэмы «Спор Тенураа с Руствоголи» (Историческая эпика, т. 1 — С. 585—586).

5. Андрусев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. — М., Л.: Изд-во АН СССР 1960. — С. 186 и сл.

БРЕМ А.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛТАЮ

(Отрывки из дневника)

Предисловие переводчика

Известный немецкий ученый, зоолог и путешественник Альфред Эдмунд Брем (1829—1884) совершил в разцвете своих сил в своей стране — ему было 10 лет, только что начало выходить второе, десятилетнее издание его знаменитой «Жизни животных» — путешествие по Западной Сибири и Кавказу. С 6 марта и до 6 ноября 1876 г. он проехал через Омск до Усть-Каменогорска и оттуда через Барнаула к устью Оби, вернувшись затем через Тобольск в Петербург обратно в Европу.

Знакомство финансировалась немцами и русскими купцами, в том числе известным А. М. Сибиряковым, предназначившим старцу суворовца и торговле шиповник через Карские моря. После завершения был написан «финальный отчет», хотя, собственно говоря, она закончилась без видимого коммерческого успеха. Но, свята это не странно, дневник самого Брема так и не был опубликован вплоть до 1982 г., когда хранитель архива А. Брема в Вупперберге д-р Г.-П. Гензхен издал часть этого дневника под названием «Путешествие к киргизам». В книге приводится письмо (отрывки), посланное Бремом жене из Барнаула. Там он пишет «Ты можешь себе представить, сколько труда и затрачивая на сбор данных, содержащихся в этой части дневника. И здесь я собрал немало материала о зарплатах и количестве урожая крестьян; однажды четыре часа подряд я стенографировал сообщения главного горного начальства...»

Почему это упоминание и социальные анкетные материалы, собранные Бремом, заставила нас выискать эту часть дневника, которая относится к Алтаю и вошла в публикацию д-ра Гензхена. После переписки с сотрудниками германской Академии наук, а затем и с издателем упомянутой книги, выяснилось, что стенограммы эти беседы в архиве нет, но есть дневник, где А. Брем использовал собранные им материалы об Алтае. Он естественно воспользовался стенографическими данными женой, она расшифровала их, так создавалась 19-я часть этого дневника.

Мы получили от д-ра Гензхена ксерокопию этого раздела на 45 страницах, это немецкий рукописный текст, переведенный предположительно рукой женой

А. Брем. Содержание этого текста оказалось совершенно неожиданным: естественник Брем удивляет преобладающее внимание этнографическому и социальнo-экономическому описанию Алтая, своим наблюдениями о жизни и быте жителей Алтая и Барнаула. Он не стесняется критиковать царскую администрацию, которая поддерживала и «регулировала» его поездку, но и то же время критикует отчасти и в своем собственном наблюдении: А. Брем не знал русского языка и был вынужден собирать свои сведения через переводчиков и переписчиков. Тем не менее этот немецкий естествоиспытатель и просветитель не только сообщает нам чрезвычайно живые и наглядные картины жизни Алтая в 1876 г., но и высказывает предположения о будущем Алтая и Барнаула, которые в основном оказались реализованными в ходе последующей истории края.

Все это делает записки А. Брема чрезвычайно интересными не только для историков и краеведов, но и для широкого читателя.

Л. В. Малиновский.

..Вечером 18-го июня мы прибыли в город Змеиногоorsk (по-немецки «Зменная горн», обычно его коротко называют «Змеев») и разместились в доме горного инспектора, в котором в настоящее время никто не живет, нашими гостеприимными хозяевами стали берггешворены Валентин Дмитриевич Иванов и Григорий Григорьевич Анфимиров.

Под руководством первого мы и посетили на следующий день сереброплавильный завод, где в пяти печах старого типа ежедневно плавится примерно 1000 пудов руды, всего до 200 000 пудов в год, причем серебро также очищается от свинца. Эти металлы затем отправляются в Барнаул, серебро там проверяют и зимой отправляют в Петербург, где это золотосодержащее серебро еще раз переплавляют, чтобы выделить содержащееся в нем золото. С помощью особого метода ныне удается использовать также и руду, которая ранее сыпалась в отвалы, из так наз. «ковского камня», т. е. соединения серы, железа, свинца, серебра, золота, цинка и т. д., выделить при повторной плавке серебро и золото и получить т. о. значительную выгоду, поскольку затраты труда составляют здесь только 21 проц. от получаемой в результате стоимости.

Что же касается рудника, ранее богатейшего во всем Алтае, то мы его не увидели, потому что он с 1870 г. уже не эксплуатируется и в настоящее время затоплен. Как это произошло, мне установить не удалось, однако из разговоров и понял, что установка одной единственной паровой машины спасла бы рудник, он мог бы быть на ходу еще сегодня, если бы петербургский Кабинет предоставил бы соответствующие средства. Рудник действительно более ста лет, он стал собственностью императорского дома еще при Екатерине II. Кстати, эта судьба постигала его уже трижды: он открывался и закрывался снова. Сначала добывали только самую богатую руду, потом пошли в ход и шпатовые руды,

наковен стали добывать и руду из более глубоких горизонтов, затем стали извлекать даже закладной материал из старых штолен. В 1870 г. была достигнута глубина в 192 сажени. Говорят, что здесь потеряли рудную жилу и поэтому забросили рудник, но это и другое, что в верхних штольнях еще была руда. Но вот сломалась деталь у водоподъемной машины и посчитали целесообразным, чтобы сократить расходы, предоставить когда-то столь богатый рудник своей судьбе.

Жила здесь была, по сообщению вышеозначенных берггешворенов, очень богатая, расширилась местами в большие и широкие гнезда, но во многих местах сужалась до узкой шели, содержащей очень бедные руды. Соотношение слоев было таким же, как и в остальных алтайских рудниках, снизу, лежал гранит, над ним порфир, а выше — сланец. Чем глубже спускались горняки, тем богаче становились руды. Они содержали примерно 10 проц. свинца, 0,75 проц. серебра с примесью золота, немного золота, 5 проц. меди и цинка, друзами встречался также мышьяк.

Чтобы определить, правы ли были германские горные специалисты, работавшие здесь в прошлом веке, когда они дали этому месту название «Змеиной горы», мы попросили нескольких, ныне безработных, горняков достать нам змей. Несмотря на ожидаемый дельс с грозой, нам вскоре принесли больше змей, чем нам было нужно, среди них были гадюки, наша гадюка и еще один близкий к ней вид, который мы не могли сразу определить. Я упоминаю этот факт главным образом для того, чтобы подчеркнуть, что ловцы обращались с ними предельно халатно и жестоко. При ловле их зажимали в расщепленную палку, но в остальном с ними обращались так, как будто не знали, что у них есть ядовитые зубы. Многих здесь покусали змеи, но люди полагают, что, помазав укус дегтем, можно избежать неприятных последствий, поэтому на такие вещи не обращают внимания.

Мы были приятно удивлены тем, что в Змеиногорске есть несколько вполне приличных садов. Сад, который окружал тот дом, в котором мы жили, был настоящим парком с высокими, красивыми деревьями, подобного которому мы в Сибири еще не видели, а перед домом нашего гостеприимного хозяина был расположен тщательно возделываемый огород.

После того как мы пообедали в доме г-на Иванова в обществе всех образованных дам этого города, мы около пяти часов продолжали наше путешествие, прежде всего поехали в Колывань, из старинный и знаменитый алтайский шифероальный завод. Характер ландшафта несколько изменился, поскольку перешли холмы, между которыми мы ехали, были здесь увенчаны своеобразными, часто даже фантастическими гранитными скалами, которые то возвышались острыми пиками, то были окружены крупными

главами, то напоминали колонны с капителями, то несан на себе широкие плиты, придававшие им весьма оригинальный вид. Многочисленные осынки резвились в кустах около дороги, однако, кроме жаворонков и черных ворон это были почти единственные птицы, которых нам удалось увидеть. Только небольшие симпатичные кобчики снова показались здесь, как бы в доказательство того, что мы въехали в степную область, которая, впрочем, была покрыта почти роскошной растительностью.

После недолгой поездки перед нами открылся вид на Колыванское озеро, это одна из известных достопримечательностей Алтая. Окруженное довольно значительными высотами, украшенными зубчатыми скалами своеобразной формы, пиками, куполами, склонами гор, покрытыми скудным лесом, это озеро прелестью выглядит — для Западной Сибири, столь бедной красивыми ландшафтами. Оно может считаться весьма замечательным местом, хотя это озеро и явно уступает по красоте нашим романтическим альпийским озерам. Главная прелесть озера заключается в окружающих его горах, которые поднимаются примерно на 150 метров над зеркалом озера, но их западной и на восточной стороне постепенно снижаются и на северной стороне, наконец, полностью сливаются с равниной.

Позднее мы въехали по местности, покрытой плавами невысокими холмами, которая живо напоминала нам нашу родину, настолько сильно было это ощущение, что можно было представить себя перенесшимся в какую-то германскую местность. Роскошные дуга на две широких долины, пыле во всей своей весенней красе, окруженные нивьяком извилистые ручьи, стекающие по дну долины, березы в небольших рощицах на их склонах, все это показалось мне таким родным, что мне пришлось поистине очнуться и издрогнуть, чтобы избавиться от представления, что я эту местность где-то уже видел.

Слои гранита образуют здесь основу гор и долин, поэтому дороси везде хорошие, деревни, однако, далеко отстали от тех, которые мы видели ранее, их жители, в том числе женщины, намного безобразнее тех, которых мы видели в деревнях староверов, что, конечно, зависит также и от костюма, который здесь далеко не столь красив. У деревни Ручьево мы переправились через речку Локтевка и долго ехали вверх по долине этой реки. Тут белая иволга в роще серебристых тополяей, в нижней части долины поют крупные соловьи (*Luscinia luscinia* L.), однако между ними не нашлось ни одного, который мне по-настоящему понравился бы.

Так мы приехали в Колывань, и в гостинице нам сказали, что г-н Злобин, директор шлифовальной фабрики, приготовил нам квартиру у себя. В гостеприимном его доме мы и были затем весьма дружелюбно приняты.

Знаменитая Козьманская шлифовальная фабрика, основанная в 1801 г. представляет собой ни что иное как императорскую частную фабрику, где работают только для петербургского двора по особому завлау императорского Кабинета, в этом все объяснение сущности и работы этого предприятия: Когда находят здесь большой камень, пригодный для изготовления какого-либо предмета, то снимают с него размеры и изготовляют рисунок предмета, который, по мнению художника, можно изготовить из этого камня; этот рисунок вместе с размерами отправляют в Петербург и просят разрешения начать шлифовку. Ответа приходится ждать долго, начальник горного округа в Барнауле снова пишет в столицу, напоминает, указывает на то, что рабочие простаивают, а наконец, через 1,5 или два года получает ответ, в лучшем случае согласно на производство работ. Так и получается, что завод обычно стоит столько же, сколько годичное содержание всей фабрики, т. е. 22000 рублей. Если же ответа приходится ждать еще дольше, то тем временем изготовляют шлифованные камешные яйца и посылают их в Петербург, где их используют как небольшие подарки. Недостатки этого странного метода работы жены — не говоря о том, что сидящий в Козьмани художник очень далеко от Европы, в особенности Западной Европы, он напрасно ломает голову, придумывая новые формы-вазы, он никогда не знает, чего же, собственно говоря, желают в Петербурге, а тем временем фабрика стоит, рабочие остаются без работы, стоимость ее чрезвычайно возрастает и царский двор собственно говоря терпит большие убытки но в то же время не прибегает к более простому и целесообразному способу — присылать из Петербурга рисунки лучших моделей и заказывать вазы и другие предметы из различных, определяемых заранее по цвету и рисунку камней. Следствием нынешнего метода является, например, тот факт, что одно единственное зеркало в каменной раме, отправленное в прошлом году в Петербург, стоило более 35000 рублей. Частные заказы не принимают, только сами рабочие изготовляют в свое свободное время различные мелочи, не лишние вкуса и по цене, которые примерно в три раза выше чем те, по которым продаются подобные вещицы в Екатеринбурге.

Употребляемые на фабрике сорта камня суть кварц, агат, яшма, аквамарин, порфир, гранит и мрамор, многие из них чрезвычайно красивы. Карьеры для этого камня находятся в Коргоне и на Ревнухе на Алтае же, первое месторождение отстоит примерно 40, второе около 100 верст от Козьмани; очень красивый агат добывают около рудника в Раддере, тоже около 100 верст от фабрики. Сама фабрика представляет собой большое каменное здание, весьма просто устроенное, машины приводятся в движение водой, здесь работают около 100 рабочих. Для шлифовки употреб-

ляют так наз. алмазную пыль или твердый кварц, который добывают на Урале и который обходится с привозом по 6 рублей за пуд.

Кроме фабрики, следует упомянуть разве что красивое расположение поселка и заложенный директором очень красивый и хорошо ухоженный сад. Поселок расположен настолько живописно, что чувствуешь себя перенесенным в одну из горных местностей Германии, ибо горы вокруг него и покрывающие их леса столь похожи на леса наших среднегерманских гор, что их можно спутать. Сад директора по сравнению с нашими садами можно было бы назвать весьма простым, но в этой стране, где садоводству уделяется столь малое внимание, пребывание в этом саду можно назвать настоящим отдыхом для души. Сам поселок без исключения состоит из деревянных домиков, но там как раз сейчас строятся прекрасная церковь, строятся также каменное школьное здание, где размещается уже школа для мальчиков и рисовальная школа, в которой занимаются ныне только четыре ученика. Церковь строятся по проекту на государственные средства, ее украшают директор и один из местных художников.

Двадцатого июня, в три часа пополудни мы покинули гостеприимный дом директора и поехали по той же дороге, по которой мы приехали, обратно в ближайшую деревню. Местность быстро превращалась в равнину, горы к югу и к западу от Коплява остались позади, и мы постепенно выехали в степь. Однако, здесь она не имеет того характера как Киргизская степь, это скорее необыкновенно плодородная равнина, которая покрыта роскошнейшими травами. Один из видов со своими длинными колосьями и еще более длинными остями, шевелящимися на ветру (по-видимому Брем имеет ввиду ковыль — прим. перев.) и доминирующим на другие травы, придает всей растительности своеобразный серебристый оттенок. Только постепенно эта равнина переходит в настоящую степь, которая, однако, все еще достаточно орошается. Мы едем чрезвычайно быстро, хотя и не без неприятностей, однажды у нас несколько раз подряд ломалась ось, с 21 июня мы все время едем по этой степи.

Кобыл, на этот раз без своего постоянного спутника — степной пустельги сопровождал наши экипажи, когда мы спускались, он перелетал с одного придорожного столба на другой; здесь и там, даже в непосредственной близости от деревень показывались и оред-могильник, иногда пролетал с громким криком большой крошечный, ослабленный безопасностью своих стенок, спрятавшихся в придорожной траве; также как и часто встречающийся желтый жаворонок, с земли с несной поднимался и большой конек над деревенскими лужами парили изящные малые чайки, перед домами поют скворцы, на заборах огородов сидят дубровники

(*Amelanchier alnifolia*), вместе маскированной мы снова видим обычную струю трясогузки, везде на реках суетятся кулик-сорока, по кустам шныряют дрозды — это все типичные представители пернатого мира. Мы переправлялись через многочисленные малые реки и ручьи, через крупные реки переправлялись по деревянным мостам и грохочущими настилами, пока за большим селом с церковью — Калманкой — впервые перед нами была Обь — она струилась между высокими деревьями и по-видимому была разделена на многочисленные рукава. Левый, высокий берег падал крутым обрывом, низкий правый берег был на большое расстояние залит водой. Дорогой мы пересекли несколько глубоких оврагов, в более широких из них были видны большие деревни... все высоты и склоны были украшены и оживлены стадами скота и лошадей, которые паслись и отдыхали, свидетельствуя о богатстве этой местности и ее жителей. В самых деревнях толпа все еще сбегавшая поглядеть на нас, на приезжих из далекой страны, но здесь любопытство народа выражалось не столь навязчиво как прежде. Только уже к вечеру мы доехали до Барнаула, сопровождавшие нас чиновники провели нас в дом состоятельного горожанина, нам предполагалось разместить нас на верхнем этаже соседнего дома, чтобы мы могли более спокойно жить там.

Барнаул — это уездный город и центр царского имения — Алтайского округа, он расположен в обширной котлообразной низменности, которую прорезает Барнаулка, у самого берега Оби. В 1876 году в нем было 12036 жителей, как и в других городах Сибири в Барнауле прямые, широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом. Здесь есть шесть русских и одна маленькая лютеранская церковь, горное училище и несколько школ, крупнейший заводный завод Алтая и связанная с ним химическая лаборатория, начальство горного округа и музей. Кроме того здесь живут все более образованные чиновники всей Западной Сибири, потому он считается по праву центром духовной жизни всего генерал-губернаторства. Здесь более чем в любом другом сибирском городе, которые мы проехали, возможно под влиянием частых пожаров, прибегли к постройке каменных домов. Кроме того есть немало больших и красивых деревянных домов, устроенных внутри со всей возможной здесь роскошью. Самое прекрасное в домах более состоятельных горожан — это их разнообразно устроенные и заботливо ухоженные сады. Неудивительно, что Барнаул производит очень приятное впечатление и, хотя это только уездный город, не уступает многим губерским городам не только Сибири, но и Европейской России.

На востоке города левый берег Оби круто поднимается вверх и украшен здесь высокой, живописно стоящей над обрывом кладбищенской церковью и самими богато засаженными деревьями

кладбищами — среди них как обычно расположенное под сенью деревьев татарское кладбище. На западной стороне над широкой долиной поднимаются только невысокие холмы, но и они покрыты кустарником и украшены отдельными высокими деревьями.

Город разделяется на четыре квартала, народ, однако, для гораздо больше названий отдельных его частей. Та часть, которая расположена на правом берегу Барнаулки носит название «Гора», вдоль Барнаулки протянулись Дужки (в оригинале у автора — Лашкине — прим. перев.), т. е. воляной квартал, а расположенная на Западе часть города называется Волчьей Гривы.

С высоты, на которой расположены кладбища, открывается очень красивый вид на город и на реку, противоположный берег которой лежит через видялом наблюдателя на расстоянии, по меньшей мере шести верст, возможно больше. Главное русло протекает под скалами, причем река постоянно грызет высокий левый берег и ежегодно во время половодья уносит большие массы смывтой земли. Равнина на другой стороне заполняется тогда паутиной ружавой и протоков, между которыми поднимаются густые ивовые заросли и большие острова, используемые в качестве покосов и пастбищ. Поднимающийся в туманной дали правый берег покрыт густым, высоким лесом, состоящим большей частью из хвойных пород и березы. Могучая река тиха и мёртва, но все же привлекает взгляд, а залитые ныне низменные площади, похожие на огромные озера с бесконечным числом островов, увлекают взгляд и заставляют его без конца бродить в этом лабиринте.

Климат можно назвать сравнительно хорошим, собственно сама зима продолжается четыре месяца, от ноября до марта, лето — от половины мая до половины сентября, зима большей частью радиусно холодная и сухая, лето обычно теплое и почти без дождей. Месяцы же, лежащие между этими сезонами, приносят много осадков и почти бездонную грязь, поэтому они до правя считаются самыми неприятными и нездоровыми. Каких-либо господствующих и распространенных болезней здесь нет, чаще всего наблюдаются тиф, ревматизм, сифилис; болезни дыхательных органов наблюдаются реже всего.

Среди общественных учреждений мне внимание привлек, конечно, прежде всего естественный-исторический музей. Мы много слышали о нем, и не всегда дестное, нашли однако, что он, если говорить о коллекциях животного мира Алтая, не оправдал и столь скромных ожиданий. Животные были очень плохо набиты и содержались еще хуже, многие чучела представляли собой только лишь облысевшие набитые шкурки зверей и птиц. По поводу находившихся здесь обихих зверей, убитых на Алтае, мне удалось узнать, что один из них убит в 1838 г. в Бийском уезде, а второй — в 1848 г. вблизи Змеиногорска. Кроме этих обеих ко-

шек, которые резко встречаются на столь высоких широтах, мы видели несколько таких же с Черного Иртыша, побманных там же незвано бобром, настоящего медведя из Горного Алтая и несколько больших и красивых маралов; остальные млекопитающие и птицы представляли собой обычные виды, плохо препарированные, неточно или неверно определенные и завушенные. Только с помощником дела заложенная коллекция гнезд и заведенная музеем одним из здешних врачей коллекция бабочек были приятным исключением, последние коллекция была и богатой и правильной по своим определениям.

Бесконечно богаче и, конечно, в хорошем состоянии здесь минералогический музей, который содержит в общем все имеющиеся на Алтае горные породы и руды. Не менее интересна коллекция старинных предметов, оставленных так называемой чуждой, где имеются прекрасные, изготовленные из чеканного серебра сосуды с выступающими из плоскости рисунками, это бокалы и миски, а также несколько ури. Раскопанные в этих могдах каменные топоры подожи на те, которые находят в Америке. В одном из разрабатывавшихся чуждой рудников, который позднее снова использовался, наша кроме того старые каменные орудия, отбойники и топоры, в могиле, которая была открыта при строительстве одного из плавильных заводов, нашли даже деревянные моюты.

Среди богатой коллекции моделей мы обратила внимание — в особенности на модель изобретенной в 1764 г. шихтмейстером Ползуновым паровой машины, которая до 1825 г. приводила в движение меха на металлургическом заводе, а затем была сломана. (Автор эскизника ошибается. Машина Ползунова была построена и испытана в 1766 г., разобрана в 1782 г. — Прам, перев.) Модель была изготовлена в этом последнем году.

В библиотеке нам показали запись, сиречьную, но для Барнаула весьма лестную, которую внес в книгу посетителей 7 августа 1829 г. Александр фон Гумбольдт.

Сереброплавильный завод был в этот момент остановлен, потому что печи и машины как раз ремонтировались, а от посещения химической лаборатории мы отказались, тем более что Барнаул нам представлялся более интересным в другом отношении, во сравнении с его значением как центра металлургии. Так и считал, например, более полезным ознакомиться здесь, в центре образования и культуры всего царского имения, с состоянием социальной жизни этого округа и его экономическими отношениями. Об этом я узнал следующее:

Характер Барнаула как центра горного округа и всего царского имения отражается и в составе его населения. Поэтому город и теперь, в период двиного упадка, интересен для каждого

приезжего, ибо большая часть жителей все еще связана с горным делом и металлургией. Царские чиновники или, правильнее сказать, представители Кабинета, образуют самую заметную часть населения, поскольку к ним принадлежат также и врачи, большинство учителей и другие образованные люди. Купцы и ремесленники, которые не работали бы на удельное ведомство, живут здесь в незначительном числе, но и они живут от доходов, получаемых ими от чиновников, служащих и рабочих горнозаводского дела. Благодаря расцвету города в прошлом, здесь представлены все ремесла, так что в этом отношении делается все, чего можно нормальным образом ожидать здесь. Преимущества царского имени вследствие освобождения от поселения здесь, ссылаясь на привлекательность, привели к тому, что и состав других профессиональных групп не столь стандартен, как в других городах Сибири такого же размера — здесь избавлены от тех элементов, с которыми приходится жить без особого к тому желания. Во времена расцвета горного дела положение здесь было еще совсем другим, жизнь была столь роскошной, что о жителях Барнаула ходили рассказы — в других городах Сибири. Чиновники зарабатывали и тратили много денег и если не посылали свое белье стирать в Париж, как об этом рассказывают, то все же получали оттуда и из Петербурга многие необходимые предметы для того, чтобы жить со всеми удобствами — возможно и действительно посылали ценные кружева, чтобы не подвергать их опасности быть испорченными, в Петербург или в Париж, или получали оттуда, как это практикуется еще в наше время, мундиры и другие изделия, требующие опытных рук при изготовлении — несмотря на расходы по пересылке их все же можно получить дешевле, чем если бы их пришлось заказывать на месте. Эти явления теперь большей частью уже не наблюдаются, население также отчасти несколько изменилось, потому что вследствие свободы передвижения наблюдается приток и отток населения и ранее весьма изолированное общество теперь принимает такие элементы, которые не способствуют его развитию.

Тем не менее общественная жизнь города все еще довольно оживленная, и, как заверяли меня ее участники, вполне приятная. Имеются два клуба, барнаульский и алтайский, в первом собираются главным образом горожане, во втором — чиновники со своими семьями. Зимой встречаются по три раза в неделю, играют в карты, беседуют, читают новые книги и журналы, слушают музыку, танцуют, устраивают любительские представления или позволяют добирающимся и сюда актерам, певцам, фокусникам и другим людям искусства напомнить о том, что происходит в «большом мире». Нередко собираются в семейных домах на различные праздники, во время которых полностью проявляется энтузиазм.

менное гостеприимство сибиряков. Соответственно высокому уровню образования главных чиновников жизнь здесь более интел­лектуальная, чем в других сравнимых по величине городах, еже­годно отправляемые в Петербург партии золота также не позво­ляют здесь возникнуть мещанству также легко, как в других го­родах, поскольку с этими партиями отправляются два местных чиновника и это поддерживает связь местного общества с боль­шим миром. В Барнауле существует понимание всех умственных движений, этими поездками оно постоянно освежается. Так, на­пример, здесь занимаются и музыкой, в таком маленьком городе все же есть не меньше чем тридцать роялей.

Общественной жизни и связанному с этим гостеприимству способствуют низкие цены на продукты питания. Так пуд ржаной муки стоит здесь при обычном урожае только 20 коп., в неуро­жайные годы не более одного рубля. Пшеничная мука продается обычно по 30—40 коп., но иногда доходит до 1,6 рубля — это земляк цена лучшего сорта, который не уступает известным сор­там пшеничной муки. Овес продается по 20—30 коп., но цена на него может опускаться и до 8 коп. за пуд, а цена на ржаную му­ку — до 10 коп. Соответственно низки и цены на мясо. Во всей Сибири господствует обычай закупать мясо осенью и заморажи­вать его на всю зиму, эта говядина стоит тогда по 40—50 коп. за пуд, но в летом цена пуда составляет только 1,2—1,3 рубля, са­мое большее 1,5 рубля. Теленок уже отнятый от коровы стоит 2—3 рубля, баран 1,5 и до 3 рублей, не более, хорошая свинья 3 рубля, но окорок уже 1,5 рубля, взрослая телка до 15 рублей, до­машь — 30 рублей, если у нее есть какие-то особые качества — 40—50 рублей, высокопородная лошадь, конечно, значительно боль­ше, до нескольких сот рублей и до тысячи. Пуд масла стоит 4—5 рублей, пуд меда — 4 рубля, овощи настолько дешевы, что не сто­ит и подсчитывать цены: пуд картофеля стоит редко более 15 коп., кочан капусты — 1 до 1,5 коп., сотня огурцов в августе — не более рубля, сотни отличных арбузов, которые возделываются здесь, недалеко от города, но большей частью привозятся (из рай­она Семипалатинска и Усть-Каменогорска) — тоже не дороже, тем более что на поле их продают не штучно, а сразу от засаже­ной площади.

Причина столь низких цен заключается в том, что в целом при богатстве этой местности и ее произведений для всего этого лет обиха, простой человек имеет только малые потребности. Напри­мер, несмотря на дешевизну мяса, его едят только по воскресень­ям, а крестьянин просто не умеет считать и стремится произведе­ния обработанной им земли, пусть и весьма небрежно обработан­ной, сбыть как можно скорее.

Но зато дороги все товары европейской промышленности и все колониальные товары. Пуд сахара стоит 10—11 рублей, фунт кофе — 80—90 коп. и до одного рубля, чай, который пьют все, за исключением разве некоторых староверов — от 90 коп. до 1,6—1,7 рубля. Лимоны, которые привозят в сюда, стоят, смотря по сезону, как 1 до 3 пуда картофеля, а апельсины как 1—5 пудов картофеля. Не менее дороги все материи, сукна, ленты, шитки и так далее.

За квартиру платят мало, поскольку все здания города — собственность царя, которая не может быть прозяна. Внутренняя обстановка домов великолепна, в первую очередь за счет пестов, которые украшают каждую комнату. Залы в доме горного начальника Эбхвальда очень богато украшены отлично сохранившимися, редкими листовыми растениями и превращены таким образом в роскошные апартаменты: роскоши цветов здесь соответствует и обстановка, за исключением повсюду невнятных и даже просто плохих картин. Что нам особенно бросается в глаза и кажется не совсем удобным — это огромное число стульев, кресел, диванов и столов в комнатах, которые столь велики по площади, что из них в Берлине сделали бы 2—3 зала. В каждом углу стоит стол, у каждой стены — по 2—3, а между ними утомляющие глаз ряды стульев, в одной комнате средней величины я насчитал их 28. Стулья эти не всегда одинаковы, часто взяты из различных наборов или представляют собой остатки таких наборов, обиты различными материями и потому часто просто режут глаз. В комнате всегда есть большое зеркало, а также обязательно часы, хотя бы в одном углу. Кроме того здесь стоят еще и огромные печи, в больших комнатах по две — вот и вся обстановка. Об уюте в таких условиях говорить не приходится, видно, что комнаты предназначены для собраний и вечеринок, когда собираются прежде всего для карточной игры, поскольку все столы здесь — игорные.

Несмотря на это, домашнее хозяйство образованных людей в Барнауле стоит столько же и, возможно, даже дороже, чем в Петербурге, в основном по двум причинам: из-за расходов на прислугу и на образование детей. От времен крепостного права сохранилась привычка держать много прислуги, считается необходимым держать, по нашим понятиям, невероятное число слуг. Ни одна семья чиновника не может обойтись, как они полагают, менее чем шестью слугами, в лучших домах их от 14 до 20. «Я плачу прислуге четверть моего жалованья», говорил мне начальник горного округа. «А я, — добавил врач, — все мое жалованье, которое я получаю от правительства». Держат швейцара, слугу для барина, горничную для жены, отдельно горничную для верхового и для нижнего этажа, от одной до трех служанок, для каждого ребенка — няню, повара, его помощника, кучера, конюха,

жонома, кухарку для людей. Каждый из них ожидает к своему дню рождения поздравления и подарка, приглашает в кумышья и едет еще одного подарка, он приглашает к себе гостей, а господа должны их накормить, у него есть бедные родственники с детьми, которые смотрят на кошелек хозяина и т. д.

Но гораздо больше стоит воспитание детей, это извечный вопрос для всего населения Барнаула, он встал примерно десять лет тому назад и все еще далек от разрешения. Основа его — создание здесь гимназии, поскольку ближайшая такая школа находится в Томске, за 400 верст от Барнаула, к тому же она переполнена, там трудно найти семью, которая приняла бы к себе ученика, а ирвыи в Томске оставляют желать много лучшего. Поэтому обычно решают послать сына, предназначенного на должность здесь, уехать в Петербург. Но это требует не только значительных средств, но и вызывает также различные трудности, не говоря о том, что родители разлучаются с сыном на все время его учебы. В Барнауле существует только уездное училище с тремя классами и школа штейгеров. Кроме того есть еще две начальных школы, женская школа и частная школа для воспитания детей высших классов. Но ни одна из них не соответствует требованиям, которые в настоящее время надо и здесь представлять к образованию. Вот почему каждый отец извобоченно посматривает на своих подрастающих детей обоего пола и поневоле примиряется с мыслью о предстоящей длительной разлуке. Таким образом по-прежнему отправляют мальчиков в Петербург или в Томск, а девочек за 900 верст в Омск, для того, чтобы они получили хотя бы самые необходимые знания. Впрочем, создание здесь учебного заведения уже разрешено высочайшим указом, но дело еще находится в различных министерствах.

Высоки также и затраты высших слоев на поддержание традиций и обычаев. В каждый праздник, пять раз в году, приходят помы и требуют полагающуюся им дань. Помы древнейшей церкви получают по два рубля, все прочие — по одному. Если празднуют престольный праздник местного святого, то священник приносит и в шестой раз. Печные церкви также испытывают по праздникам потребность в деньгах и совершают такие же обходы, как и священники. Если надо строить церковь, а потребность в этом здесь постоянно ощущается духовенством, то кошельки состоятельных граждан снова облегчаются примерно на 10—15 рублей. Если миссионеры почувствуют отлив в своих кассах, то и они также обращаются к гражданам, которые считаются состоятельными, и обычай заставляет их снова платить. Чего требуют «служебные», того же желают, хотя и в меньшей сумме, хранители общественного порядка и ночного покоя, полицейские и сторожа, даже почтальоны время от времени напоминают о том, что почта

является полезным учреждением и опирается, в основном, на их личные услуги. Короче, где много получают, там приходится еще больше тратить, и кто имеет в Барнауле государственную должность, тот слышит обладателем больших доходов, хотя это и не всегда так, ибо оклады чиновников вовсе не высоки, и многие из них просто вынуждены как-то их пополнять.

Ближайшее будущее Барнаула представляется отнюдь не в розовом цвете. Город приходит в упадок в той же степени, как и находящееся в собственности царя горное дело, с развитием которого город будет и опускаться и подниматься на новую высоту. Имеется, однако, еще одно обстоятельство, которое сдерживает развитие города или даже останавливает его. За исключением некоторых горнорабочих, которым император подарил те дома, в которых они жили во времена крепостного права, никто не имеет здесь частной собственности, все является лишь пользователями застроенных, занимаемых и возделываемых ими участков. Никто не может продать землю, кроме самих зданий, не может взять ссуду под залог земли, поскольку вся земля является собственностью царя и продаже не подлежит. Если бы можно было предложить право продажи, свободное владение, то город стал бы развиваться без воздействия отстающего горнозаводского дела. Так, например, недавно были основаны несколько фабрик, которые хорошо развиваются и дают владельцам немалые прибыли, что идет на пользу и всему Алтаю. Стоит упомянуть хотя бы содовый завод, основанный в 1864 г. русским немцем по фамилии Прагг. В настоящее время, после того как он пережил тяжелое время в начале своей работы, этот завод уже не может удовлетворить все заказы, хотя он эксплуатирует такой неиссякаемый источник как Морышанское озеро, каждое лето выделяющее толстые слои варенной соли, и прекрасную углекислую известь с Чумыша, поставляя ежегодно 18000 пудов едкого натра и 30000 пудов соли. Алтай богат произведениями всякого рода, пригодными для дальнейшей переработки, а Барнаул по своему положению и из-за соседства каменноугольных месторождений был бы вполне подходящим местом для устройства фабрик различного рода.

Нельзя отрицать, что горное дело, в том виде как оно ведется в настоящее время, находится в состоянии упадка. Во всем Алтайском округе ныне считается не менее 830 месторождений — серебро с примесью золота, свинец, медь и железо, а также различные угольные пласты, еще не исследованные в отношении их простирания, которые имеют толщину в отдельных местах до 10 метров. Из этих месторождений когда-либо разрабатывались только 60, но и те в большинстве случаев были снова заброшены, хотя и не всегда из-за недостаточной производительности. В настоящее время работают только 11 рудников, остальные заброшены

в различное время, но главным образом вскоре после освобождения крепостных. Большинство рудников еще не исчерпаны и могли бы снова возобновить добычу. К этим месторождениям надо прибавить еще примерно 270 мест, где были найдены минералы, эти месторождения были исследованы, но никогда не разрабатывались. Но и эти не исчерпывается число месторождений полезных ископаемых на Алтае, невозможно даже назвать все те богатства, которые еще скрывают эти горы. С 1861 г. горногеологические исследования более уже не проводятся, шурфы и прочие пробные разработки не производятся, а если и бывают такие случаи, то они предпринимаются со столь незначительными средствами, что результаты их оказываются бесполезными. Все производство выглядит так, как будто существующие рудники ведутся только лишь формы ради и все были бы рады, если бы их стало бы меньше. Из всех найденных месторождений исследованы вообще только 330, остальные известны только по закладке мелких шурфов и даже не обозначены на картах. Из всего этого начали разрабатывать только два медных рудника, но и там проводится только подготовка, хотя они обещают дать богатую добычу.

Серебро и свинец добываются в Зырянском руднике, он в настоящее время дает 700000 пудов руды, это важнейший рудник. За ним следует Соколинский рудник под Ридлером, дающий 300000 пудов, остальная руда, примерно 200000 пудов поступает из нескольких рудников, которые сейчас не разрабатываются, а поставляют руду из своих прежних отвалов, этой руды не хватает, так что доходы не покрывают затрат на производящуюся теперь обычную переработку руды.

Медь в настоящее время добывается на двух главных рудниках, Таловском и Белоусовском, всего примерно 220 000 пудов в год, остальное поступает из Зырянска.

О разработках каменного угля мало что можно сказать, ибо она начаты всего несколько лет тому назад и сегодня еще ведутся небрежно, как бы на пробу. Большое месторождение угля находится около гор Кузнецки на р. Томи. Бассейн там несомненно большой, протяженность его до сих пор не установлена, добыча ведется пока только в Бачите. Уголь там газовый, хорошо поддается коксованию, а этой форме он используется ныне на двух металлургических заводах — на железоплавильном заводе в Гурьевске и на сереброплавильном — в Гавриловске. Шахта расположена на самом краю бассейна и там разрабатывают только тот уголь, который выходит на поверхность. Толщина слоя составляет 6 метров, а в середине пласта возможно и еще больше. Второй бассейн по углю расположен на Иртыше в Киргизской степи, но он еще вовсе не разрабатывается. Каменноугольная формация проявляется однако, еще и в других местах Алтайского

торного округа, и если здесь уголь еще не найден, все же можно довольно уверенно полагать, что он здесь есть. Для изучения этого вопроса отсутствуют, однако, необходимые средства.

Вялое ведение всех производственных дел находится в соответствии с небрежно далекой перевозкой руды, с растущим недостатком соответствующих машин и прочих вспомогательных средств на рудниках. Что касается перевозки руды, то существующий до сих пор метод перевозок может быть оправдан более или менее только тем, что он дает тысячам людей хотя и небольшой, но для них необходимый заработок, в остальном для этого нет никакого оправдания. На главного, Зырянского рудника руда сначала перевозится до Усть-Каменогорска, снова перегружается и потом лишь отправляется на заводы, т. е. проходит еще путь длиной по меньшей мере в 150 верст, а до Зменогорска в 430 верст конного пути. За это платят в настоящее время от Зырянска до Бухтармы летом четыре, а зимой пять копеек за пуд, отсюда до Усть-Каменогорска, куда отправка руды производится только летом — две копейки, до Зменогорска летом 8 и зимой 10 коп., до Локтевского летом 9, зимой 12 коп. Это, конечно, очень мало при таких расстояниях, но слишком много для рентабельной эксплуатации рудников и заводов, в которых уголь, (древесный уголь) тоже надо перевозить на довольно большие расстояния.

Кроме того эти перевозки на дальние расстояния дают и средним, по меньшей мере, 5 проц. убытка и 10 проц. потери руды в пути, так что эти потери надо еще посчитать дополнительно, и это 50000 пудов руды в год. Ведь повозки не совсем плотные, при перегрузке тоже теряется руда и крестьяне сами тоже, по-видимому, выбрасывают часть руды, чтобы хотя бы временно облегчить труд своих лошадей и пополняют груз вблизи места назначения пустой породой. Если бы было принято решение добывать каменный уголь и перевозить его на рудники, то не только удалось бы сократить эти потери и достигнуть значительной экономии на перевозках, но удалось бы сохранить в леса, которые сейчас все еще с избытком удовлетворяют все потребности, но со временем будут так же истреблены, как это уже случилось в России. Пароходами можно было бы доставить уголь до Бухтармы, и оттуда осталось бы только 70 верст до Зырянска, тогда можно было бы выплавлять металл и из беднейших руд, которые ныне идут в отвалы, и одно это уже сделало бы рудники рентабельными.

Так же как на перевозки руды и на связанные с этим потери на рудниках жалуются на нехватку подходящих паровых веществ. Даже в самых сырых местах все еще применяют ружейный порох, хотя капле на стенках штольни портит значительную его часть и динамит был бы здесь гораздо более целесообразным. Ни

ют уже пять лет напрасно ждуть динамита и используют по-прежнему 12—13 сотен пудов дорогого пороха. Дальнейшими примерами расточительства можно считать то, что инструмент горняка поставляется на рудника по цене до 750 марок, хотя его можно было бы изготовлять на месте; до сих пор очень часто используется сила человека вместо соответствующих машин и т. п.

Вину за это, во многих отношениях безусловительное производство, нельзя целиком возлагать на самих горных служащих, в этом виноваты единственно и полностью соответствующие советники императорского Кабинета в Петербурге, которые, сидя за письменным столом, диктуют все производимые мероприятия и без согласия которых не может быть введено никакой новой организации. Они продолжают верить, что можно бороться с этими явлениями при помощи старых средств. Пока горное дело еще сводит концы с концами, его не трогают, но и не дают средств, чтобы снова привести его в движение с помощью новых методов. Там, возможно, и не знают этой местности и ее нужд и беззаботно презирают прежней рутине. Так, по крайней мере, говорит в Барнауле, то же самое говорит на всех рудниках, на всех заводах, которые мы посетили.

Главная причина упадка горного дела лежит, однако, в освобождении прежде бывших крепостных крестьян и горнорабочих. До 8 марта 1861 г., до дня освобождения миллионов людей, которые до того жили полностью или наполовину в рабстве, буквально все население Алтая было занято в горном деле и нем участвовало. В то время царское имение насчитывало 145 639 крестьянских душ и 25 267 горнорабочих на рудниках и на заводах. И те и другие были отпущены не в один день, но все же в течение двух лет, избавлены от своих тяжелых обязанностей и тем самым прекратили работу на своего господина, царя; 12 626 горнорабочих немедленно отправились домой в свои деревни и снова стали крестьянами. Остальные остались и нанялись на ту же работу, что и прежде, потому что им кроме оговоренной платы были предоставлены занимавшийся ими до сих пор дом и земля — при том, в полную собственность. Кроме того, им предоставлялась еще одна десятина земли под покос, за нее взималась арендная плата в 22 3/4 коп. в год. Постепенно удалось пригласить и обуздать и других горнорабочих, однако еще ныне повсюду ощущаются последствия одновременной потери стольких рабочих рук — поэтому оценка положения до 1861 года необходима для понимания нынешнего состояния, без этого вообще невозможно понять настоящее дел.

Крестьяне Алтая — это группа населения Сибири, которая в высшей степени чем кто-либо ощущает себя сибиряками —

этого слова нет в диваннике, оно вписано нами по предложению д-ра Гензихена — прим. перев.), в среднем это вполне состоятельные люди. Они были при основании заводов привезены в Сибирь крепостными и поселены здесь. До освобождения от крепостной зависимости они целиком и полностью были заняты в горном деле, одни — перевозкой руды, другие — рубкой леса и приготовлением угля, третьи — подвозом дров на заводы и т. д. Но с ростом населения труд их облегчился, им надо было работать на своего господина, на царя, только один месяц в году, хотя каждый должен был работать на своей собственной лошади, Работояния, которые они должны были проезжать на своих лошадях, оплачивались им соответственно протяженности. За эту барщину они получали 75 1/2 коп.

Смотря по количеству душ в деревне, туда направлялось требование представить на работу определенное число людей; распределение работы на отдельных хозяев и на их сыновей производилось ими самими. Кроме того на деревень мобилизовались горняки и рабочие заводов, которые должны были по 25 лет отработать в рудниках и на заводах. Это производилось таким же образом как в других частях Российской империи: набирали солдат. За возможные несчастные случаи, например, в случае смерти людей или животных или за потери при других несчастных случаях, ответственность и возмещение потерянному опять же возлагались на сельские общины.

Кроме незначительной платы, которая давалась крестьянам за месячную работу, им предоставляли землю, столько, сколько они могли и хотели обрабатывать, а также необходимый им лес, причем за это не требовалось платить какие-либо налоги. Их положение, следовательно, было вовсе неплохим.

Гораздо хуже жила горнорабочие, с ними обрщались совсем как с солдатами. Они были обязаны работать каждый день. Они подразделялись на два класса: собственно горняки и другие, которые могли выполнять порученную им работу по своему усмотрению и в любое удобное время. За это они получали раз и навсегда установленную плату — 14 рублей в год. Им предоставлялась возможность свой урок выполнять за месяц или в течение всего года, но выполнение требовалось неукоснительно. Эти рабочие назывались «урочники» и использовались для выжигания угля, лесоповала, изготовления кирпича и для перевозок. Если они выполнили порученную им работу, то все остальное время года они были свободны. Но рабочие на рудниках должны были из года в год работать там. Смена продолжалась 12 часов, включая путь до рудника, необходимое время на еду и на отдых. Каждый горняк спускался в шахту одну неделю днем и одну неделю ночью, третья неделя была свободной. Смотри по его способностям

и по проделанной работе, он получал ежегодно от 6 до 12 рублей на удовлетворение своих потребностей. Кроме того, каждый рабочий получал по два пуда муки в месяц на себя самого, столько же и на жену, половину — на каждого из детей. Следовательно, умереть с голода он не мог, тем более что у него были еще земля и скот. Все сыновья этих горняков должны были с 7 и до 12 лет посещать школу, позднее они работали на отвалах, а также как наши дети горняков — сортировали руду и выполняли другие легкие работы. С 18 лет начиналась собственно работа в руднике. На каждого мальчика затрачивалось по одному рублю в год, позднее, когда он работал уже на отвале, он получал по два рубля в год. Неспособные или больные дети были освобождены от всех работ, но и не получали никакой платы.

За каждый проступок горняк подвергался военному суду, а крестьяне подчинялись обычным судам. Долгие годы судебную власть осуществляло горное начальство, военный суд существовал в Змеиногорске и второй — в Салаире, апелляционной инстанцией было горное начальство в Барнауле, которое тогда было также лучше организовано чем теперь. В нем было пять отделов, первый — технический по горному делу и заводам, второй — по управлению крестьянами, третий — судебный, четвертый — счетный отдел и бухгалтерия, пятый — по частным золотым приискам Восточной и Западной Сибири. В каждом отделе был председатель, эти пятеро чиновников образовывали совет, председателем которого был главный горный начальник, а томский губернатор имел ранг верховного горного начальника. Административная должность земского управителя занималась по указанию правительства, этот начальник командовал несколькими деревнями, его управление находилось также в Барнауле.

В настоящее время крестьяне и горняки совершенно свободны, их сыновья, как и в остальной России, призываются только на военную службу, за все работы по горному делу надо платить деньгами. Горняки, с которыми заключаются годовые договоры, получают плату согласно погонным или кубическим мерам с учетом свойства разрабатываемой ими пород, обрушиваемых масс и т. п. Поэтому их зарплата колеблется от 6 до 200 рублей за кубическую сажень или, правильнее, за кубометр. В оплату включаются все расходы на инструмент, освещение, порох и прочие необходимые расходы, все это дается рабочему и вычитается у него согласно установленным ценам. Так горняк может заработать за день 40—90 коп., дневная плата составляет 30—50 коп. Таким же образом оплачивают и труд крестьян — сдельно. Однако зато теперь и крестьяне и горняки царского имения платят налоги и сборы как и другие граждане России, только с той разницей, что за обрабатываемую или принадлежащую царю зем-

лю они ныне должны вносить особую плату, о чем будет сказано ниже.

Отсюда ясно видно, что столь глубокие перемены должны были иметь самое серьезное значение. Пока можно было располагать трудом необходимой рабочей силы по своему усмотрению, причем этой силы было больше, чем необходимо, не было нужды вводить современные методы, устанавливать машины и т. п. Не было нужды экономить и людскую силу, количество рабочих с избытком восполняло нехватку прилежания и желания работать у отдельного подураба. Таким образом и добывали ежегодно до 1000 пудов серебра, а поскольку сама добыча этого благородного металла обходилась не более как примерно в 450 рублей, хотя стоимость серебра, поскольку оно содержало еще и золото, составляла 1300 рублей, то получалась еще весьма значительная прибыль. После освобождения от крепостного права труд всех рабочих надо оплачивать, прежде даровые перевозки теперь тоже стоят немалые суммы, машин не было и до сих пор еще нет. Этим объясняется и то, что годовая выработка упала до 600 пудов серебра с примесью золота, а получавшаяся ранее значительная прибыль упала столь же низко как и различие в стоимости между драгоценным металлом и бумажными российскими деньгами.

Впрочем, Кабинет все равно получает прибыль, поскольку все расходы относятся на серебро, хотя рудники дают еще примерно 400 пудов свинца, который продается по цене от 2,25 и до 2,75 рублей за пуд, кроме того добывается до 33 000 пудов мели, стоимостью по 7 рублей за пуд, тем более что она продается не здесь, а на ярмарке в Нижнем Новгороде, где она стоит по 10—11 рублей, хотя доставка ее туда обходится не более 75 коп. с пуда.

Несравненно больше, чем непосредственная прибыль, которую все еще дает горное дело, прибыль косвенная, которая определяется из суммы налогов, уплачиваемых крестьянами Кабинету, а именно 780 000 рублей в год. Если рудники перестанут работать, то крестьяне будут больше не в состоянии уплачивать свои налоги, ибо они потеряют те заработки, которые все еще дают им большую часть наличных денег. Произведения земли, которую крестьяне обрабатывают, падают в цене, и местность, столь богатая ныне, может вовсе обеднеть.

Во всяком случае Кабинет должен видеть необходимость применить все средства для поднятия горного дела и не выжидать более, при условии, конечно, что рудники и дальше будут работать на казну и не будут проданы. Необходимо провести новые горногеологические исследования, чтобы вместо бедных месторождений открыть новые и более богатые залежи. Надо поднять значение черных, до сих пор почти бесполезных азимов, а также каменного угля, чтобы подвергать обработке и более бедные руды.

Во всех рудниках машины должны заменить дорогой ручной труд, насколько это вообще возможно. В настоящее время паровые машины заменяют киргизы (т. е. казахи — прим. перев.), которых можно привлечь в большом числе и которые удовлетворяются самой малой оплатой. Если бы их не было, то давно были бы вынуждены прибегнуть к машинам, потому что ни один русский не согласится выполнять такие работы, которые берут на себя киргизы, например, откачка воды, уборка породы и т. п. и не согласится получать за это по 40—60 коп. в день. Ведь и киргизы уже начинают понимать, что их плата слишком мала, выставляют более высокие требования, летом покидают, за немногим исключением, земельные заводы и вообще становятся более трудными, что только приближает тот момент, когда будет просто вынуждены полностью изменить нынешние методы работы.

Разве не было бы гораздо лучше полностью освободить горное дело (от кабинетской монополии — прим. перев.) и лишь обложить его умеренными налогами — я не решился вносить такие предложения, но по опыту золотодобычи видно, что надо бы уже рассмотреть и эту проблему.

Добыча золота организована в настоящее время так: золотойщики Алтая находятся большей частью вблизи от Томи, Бии и Катунь, некоторые даже на самих этих реках. Если ранее все они работали от имени Кабинета, то теперь значительная их часть находится уже в руках частных лиц. Левый берег Томи с ее притоками еще не освобожден от государственной монополии, но это, говорят, скоро будет сделано. Добыча драгоценного металла повсюду производится еще довольно примитивными методами, хотя и простыми: промыванием добываемого песка, толчей до сих пор нет. Золотой песок доставляется в Барнаул и должен там перерабатываться, продажа золота частным лицам запрещена под угрозой строгого наказания, однако она все же имеет место: продают, чтобы не платить государственных налогов. Там, где добыча еще производится именем Кабинета, золотодобытчики работают как свободные рабочие и получают за каждый сданный ими золотник 1,5 рубля, хотя частные лица охотно платят за это по два рубля. Кроме того в серебряных рудниках тоже добывается золото, которое отмывается там из песка или из толченого кварца. Каждый золотодобытчик передает горному начальству в Барнауле добытый им металл в кожаном мешке, который в свою очередь находится в прочном полотняном мешке, он получает после взвешивания квитанцию о сданном весе. Немедленно при получении фамилия добытчика пишется на кожаном мешке и металл сохраняется так до плавки. Перед плавкой золотой песок еще раз взвешивают без мешка, высыпают его в нагретый тигель и бросают туда же и кожаный мешок — при помощи яркого, поддерживаемого

древесным углем огня металла этот расплавляется при 1200 градусах, для чего нужно примерно 30 мин. времени. Расплавленную массу выливается в нагретую форму, посыпается поваренной солью и квасцом, чтобы отделить шлак, затем форму переворачивают, отделивают слиток золота от приставшего шлака, бьют молотком и чистят. Потом снова взвешивают и клеймят, отменяя на нем вес и номер по списку, затем тигель разбирают, остатки промывают вместе со шлаком, затем снова взвешивают добытое таким образом золото и посылают все владельцу. Из оставшегося таким образом чистого золота, которое предварительно еще проверяется на содержание металла, государство отнимает расходы на испытания и на пересылку до Петербурга, взимает налог в 5—15 проц. (золотодобытчик, который сдает до трех пудов платит 5 проц., кто сдал от 3 до 5 пудов — 10 проц. и тот, кто сдает более 5 пудов, платит 15 проц.), все считается по весу золота, сдаваемого в Петербург. Через шесть месяцев добытчик получает там оставшуюся ему сумму золотыми монетами, которые отсчитываются ему по постоянному чистому курсу. Если он захочет получить свои деньги раньше, то он или продает свой золотой песок государству по отдельному соглашению или может уступить свою кантатию в слаче другому лицу с согласия горного начальства, причем он, конечно, в обоих случаях теряет больше, чем составила бы процентная ставка за это время. Все количество золота, которое ныне сдается в Барнауле, колеблется от 500 до 600 пудов в год. Кабинет получает из этого только 5—8 пудов. Раньше, когда и добываемое в Восточной Сибири золото должно было доставлять в Барнаул, вырабатывалось по 1000 — 1200 пудов в год, ныне в Иркутске есть горное начальство и плавильный завод. Стоимость чистого золота составляет ныне 13555 рублей, за каждый процент пробы ниже этого вычитается 150 рублей.

Все выплавленное в Барнауле золото и серебро ежегодно отправляется с тремя (ранее с шестью) караванами в Петербург, по зимнему пути, на санях. На каждые запряженные конями сани погружают 30 пудов благородного металла в слитках, упакованных в окованный железом и ошпурованный сундук. Для защиты каравана отправляются 5—6 солдат под начальством унтер-офицера, кроме того по два чиновника, называемых колонновожатыми, старший и младший, они едут все до Петербурга, затрачивая на дорогу примерно четыре недели, ибо едут они день и ночь, пока не доберутся до цели. Начиная от Нижнего пользуются железной дорогой, на пароходы или другие суда на Оби, Иртыше, на Каме и Волге золото не перегружают, боясь, что какое-то судно может потонуть. Царский указ предписывает оказывать этим караванам всяческую помощь и заштиту, если это необходимо.

Для чиновников и всех жителей Барнаула эти поездки имеют большое значение. Караванный офицер кроме бесцельного проката получает двойной оклад на 4 месяца, возможность побывать в столице, встретиться со старыми друзьями и сделать новые знакомства, он увидит, видит новое, развлекается посещением театров и балов и т. д., и возирается со свежими силами обратно и с большим желанием работать. В караван принимают также детей, которых отдают на обучение в Петербург, с ним возвращаются на родину девушки, чиновники каравана выполняют многочисленные поручения прекрасного пола, покупают инструменты, книги, одежду и прочее и таким образом стараются заслужить славу добрых помощников всего города. Когда еще существовало крепостное право, таким образом путешествовали все отправлявшиеся в Петербург на учебу молодые люди.

Кроме уже упомянутых руд и кроме угля в царском имении Алтай добывается в большом количестве также поваренная соль, прежде всего на озере Печатном (по-немецки «озеро хубиков» из-за выделенных там кристаллов соли) в Кулундинской степи. Годовая добыча ныне составляет 200000 пудов, это количество покрывает потребности всего Алтайского округа и весь спрос. При необходимости можно было бы добывать несколько миллионов пудов. Налог на пуд составляет 31 коп., из чего государство получает 30 коп. и царь, как владелец озера — 1 коп. Озеро сдается в аренду с торгов сразу на несколько лет. С других озер, которые сдаются в аренду на таких же условиях, Кабинет получает налог по 6 копеек (с пуда — прим. перек.). Провоз соли до Барнаула обходится в 12—15 коп., здесь цена на соль по 60 коп., на озерах можно продать ее по 40 коп. и все же получить еще прибыль, поскольку труд стоит чрезвычайно дешево, столько там соли, которую надо просто лишь отгрести в сторону.

Если велики здесь подземные кладовые, то со временем еще большее значение приобретут те сокровища, которые произрастают на поверхности земли. Почва здесь повсеместно необыкновенно плодородная и при хорошем использовании могла бы прокормить население и завалить раз большее, чем в настоящее время. Все еще надо сказать о том, что здесь все находится в состоянии детства, в начальной стадии, хотя как раз эта часть Сибири заселена наиболее густо.

Чтобы составить представление об этом самом большом имении царя, надо сопоставить и оценить приводимые ниже цифры в их полном значении. Алтайский округ почти не уступает Франции по площади, он составляет не менее 400 000 кв. верст. Из них в настоящее время заселены 233842, это значит, что они местами отданы крестьянам; остальная часть охватывает горы, леса и степи, которые все еще населены только кочевниками, а именно

казаками (автор так называет коренных жителей Алтая — прим. черед.). На заселенных участках в 1876 г. находилось не более 1453 деревень с 187644 жителями мужского пола, причем каждая из этих душ обладала 15 гектарами земли (бремя имеет ввиду, конечно, десятины — прим. черед.), отдельные семьи пользовались 1300—1400 гектарами. 15 гектаров земли считались необходимыми для существования сибирского крестьянина, только в немногих деревнях западного Алтая они обходились меньшим количеством, обычно каждый имел более того. За пользование переданной ему или взятой им вочным порядком землей крестьянин платит, в расчете опять же на мужскую душу, шесть рублей в год, из которых 4 рубля 50 коп. поступают в царскую и 1,5 рубля в государственную кассу, кроме того он, конечно, платит общинные сборы. Таким образом Кабинет в 1876 г. получил общую сумму в 747868 рублей 50 коп. По желанию и по воле коронованного помещика все крестьяне Алтайского округа должны перейти к свободному владению собственностью, но исполнению этого уже отданного приказа препятствует в настоящее время то обстоятельство, что до сих пор еще не сумели так точно измерить эту землю, как это требуется для прокладки. Кабинет определил на землемерные работы, которые были начаты в 1856 г. и равномерно продолжаютс до сих пор, 10000 рублей в год, на эти деньги содержится от 6 до 8 землемеров с необходимым оборудованием, они до сих пор измерили 62011 кв. верст, разумеется только в уже заселенных местностях и уездах, следовательно еще предстоит в этом отношении огромная работа.

С 1861 года, со времени освобождения крестьян, сельское население растет сравнительно быстрым темпом, считается, что с этого времени и до 1876 года сюда приехали 29330 душ мужского пола. Большинство приезжих происходит из Европейской России и поселяются в уже существующих деревнях или образуют новые, в особенности староверы, раскольники, которые в прежние времена, при своем отходе от «истинной веры» сманились в Сибирь, а теперь добровольно переселяются туда, убедившись, что здесь их никто не трогает и им предоставляется верить во что угодно. На границе Алтая существует особый район, инперчская волость, уезд, заселенный людьми, съехавшимися из разных мест, там живут только староверы. Земли повсюду еще очень много, и не запрещается никому брать во владение столько, сколько он пожелает, за 15 гектаров обрабатываемой земли берут также совершенно незначительную арендную плату, 40 коп. за гектар, кроме того дают необходимый лес для постройки и расширения жилья, на топливо и на прочие нужды, так что каждый новосел мог бы быть доволен, если бы он не был русским крестьянином, которому все мало, который никогда не может получить восталь.

Если кто-то хочет заняться пчеловодством, построить мельницу или заняться еще каким-либо ремеслом, для которого необходим большой участок земли, то он платит несколько большую арендную плату, но все же тоже не более одного рубля в год за гектар.

Все царское имение разделено на несколько уездов, число и названия которых я себе не записал, они, как и в остальной России, управляются приставом или исправником и в политическом отношении подчиняются томскому губернатору. О положении в Вернульском уезде меня информировал исправник, положение по сводится к следующему: Это уезд, границы которого точно еще не установлены, диаметр которого по все стороны составляет примерно от 300 до 350 верст, имел в 1876 г. населения 174183 душ обоюбого пола, которые образовали 21 общину. Каждая 4—5 общин подчиняются заседателю, который командует, таким образом, в среднем 23000 душами и для выполнения своих распоряжений имеет польшейских служащих, которых во всем уезде 44 человека. Включая суда и город, в уезде насчитывается 82 русские, с в. православные церкви, но только 22 школы для детей обоюбого пола, а то же время не менее чем 215 ... винных лавок. Три царские фабрики, серебряноплавильный завод, одна соловая и одна зрободейная фабрика, 5 мыльных, два свечных и 9 кожевенных заводов, 1215 водяных, 1241 ветряных и 38 конных мельниц. Главное занятие жителей — земледелие и скотоводство. поголовье лошадей составляет 203895, крупного рогатого скота 179984, мелкого скота — 204904 голов.

Местность эта почти повсюду представляет собой превосходную пахотную землю, поэтому народ живет вполне зажиточно и может легко платить свои налоги. Богатые сокровища никем не используются, так все реки и озера уезда обычно богаты рыбой, но в уезде нет ни одного рыболовного предприятия, ни одного человека, который избрал бы рыболовство своей исключительной профессией.

Налоги и сборы достигают значительной суммы, потому что сборы с общины за постройку дорог и мостов, постройку церквей и школ требуют больших сумм. Кроме налогов для Кабинета и для государства каждый крестьянин должен уплатить от 15 и до 25 рублей на каждую мужскую душу своей семьи, так что с хозяйства приходится по 100 рублей и более в год. Размер приходившейся на каждого суммы определяет совет общины самостоятельно, администрация навязывает на деревни соответствующую сумму по числу душ и предоставляет крестьянам распределить ее по собственному усмотрению на отдельных жителей.

Народное образование находится на весьма низком уровне, ибо сибирский крестьянин не любит школу вообще. Он строго правозверен и может жертвовать на церковь много и даже очень

много, но в школе он видит только учреждение, которое губит человека, вместо того чтобы его образовывать. Эти взгляды широко эмбрировались и мне лично и достаточно часто опрошенными мной крестьянами. Такое отношение по отношению к школе происходит в значительной мере оттого, что раньше все солдаты, которые могли при нужде читать и писать, превращались в сельских учителей, невзирая на то, что таким образом в учителей подрастающего поколения часто превращались пьяницы и негодяи. Эти бравады лангскнехты не стеснялись посылать своих учеников прямо на школы за водкой, пили на глазах у них и возмущали по праву родителей, поскольку они сняли колотилки детей более чем необходимо. Поэтому крестьянин чрезвычайно подозрительно смотрит на все, что называется учителем, не говоря о том, что многие крестьяне, приверженцы старого, говорят или по меньшей мере думают, что больше знаний, чем они имеют сами, может привести их детям только вред. Это положение, как мы его только что описали, немыслимо в наше время, правительство всячески старается повысить уровень школы, отличает хороших учителей, заботится об их подготовке, насколько это позволяют нынешние условия. Но крестьянин здесь, как и повсюду, нелегко отступает от утвердившегося в его голове мнения.

Несмотря на такой низкий уровень образования населения, преступления в уезде весьма редки, что, однако, имеет свою причину, по-видимому, в том, что царское именованье издавна не признавало смельных. Уездный исправник, от которого я получила эту информацию, не считывал за год более 16 преступлений, в некоторые годы вообще не было ни одного случая. Как и везде горной и прорезающий Алтай большой почтовый тракт оказывают отрицательное влияние, живущие в этих местах люди более склонны к нарушению закона по сравнению с сельскими жителями. В отношении этих последних жалуются, что они необыкновенно ленивы и в высшей степени суеверны. Больше, чем надо крестьянину для самого его существования, ему как будто и не требуется, поэтому он работает ровно столько, сколько он обязан и должен. Но земля эта столь плодородна, что она платит сторицей за всякий, даже небольшой труд, в результате он и сводится к необходимому минимуму. Если же земля однажды не оправдает ожиданий, урожай окажется не таким как обычно, то владелец или помещик легко попадает в нужду на этой богатой земле. Но в то же время он далек от того, чтобы сказать себе, что он сам виноват в своей нужде, он рассматривает это как наказание божье за свои грехи, которыми мысль его вообще занята необыкновенно, после чего все остается по-старому. «Ну, как вы живете здесь», — спросил я через переводчика одного из крестьян. — «находитесь ли вы здесь в хорошем состоянии?» — «Ну, бог еще наши грехи терпит».

— отвечает он. Такие или подобные ответы можно получить повсюду, точно так же каждый крестьянин, хотя бы и владелец нескольких сот гектаров плодородной земли, чувствует себя в принуждении от других и заверяет, что эта почта еще совсем не заселенная местность становится неудобной, что уже не знаешь, где расположить свое поле и со временем придется думать о том, куда бы двинуться отсюда. О самом простом, о том, чтобы получить самому обработать поле, помочь земле удобрением, вообще полагаться получить с этой земли, которая могла бы пропитать в десять раз больше населения чем теперь, более высокий урожай — об этом он, конечно, не думает. Боги, черти, грехи, смерть, рай и ад, короче, все картинами живой веры — только они и занимают его голову. Названий месяцев многие не знают, но имена святых знают все. Более чем любому другому жителю Сибири как раз крестьянину и нужна была бы школа, на которую он смотрит таким презрением.

Об обычаях и привычках алтайского крестьянина у меня нет явного и ясного представления, потому что я не владею языком, все постоянно нужна посторонняя помощь. Но все же я узнал столько, чтобы убедиться, что крестьянин здесь, как и везде, при всех обстоятельствах прежде всего думает о своей выгоде, он неверчив, глуповат, но хитер, в высшей мере эгоистичен, однако вовсе не скуп, наоборот, щедр, гостеприимен, необыкновенно добродушен. То, что ему скотина дороже чем человек, даже чем его близкие родственники, это общий недостаток всех крестьян, то, что он суверен, тоже общая черта. Если заболит скотина, то он немедленно примет какие-то меры, хотя он обычно полагает, что лучшее животное было околдовано каким-то злым человеком. Если же заболит человек, то он ждет некоторое время, прежде чем решится что-то предпринять или даже обратиться к врачу, причем, конечно, надо заметить, что во всем Алтайском округе, а это кусок земли размером с Францию, есть только четыре настоящих врача. Старухи и здесь играют при болезнях большую роль, они же употребляют средства, о которых слышали, что они помогли другим людям, когда те болели, все равно какие, например подладония, стрихнии, ртутные соединения, маковое семя и т. п. Часто употребляется окуривание, при этом делают различные микстуры, таким образом доводят много больного при малых знаниях и с большим опытом до самой смерти. К врачу, даже если до него легко добраться, обращаются только тогда, когда уже слышали, что полученное от него лекарство помогло больному немедленно. При заразных заболеваниях врачу приходится принимать насильственные меры, грозить наказаниями и т. п., чтобы возмочь вообще возможность вмешаться в ход эпидемии. Все это

рассказывал мне врач из российских немцев, который хорошо знает положение и людей.

Вряд ли стоит даже упоминать о том, что во всех делах, в том числе и при заключении браков, проявляются различные крестьянские уловки. Но некоторые подробности настолько своеобразны, что мне не хотелось бы умалчивать о них. В прежние времена, когда населения было значительно меньше чем ныне, крестьяне женились как можно раньше, чтобы получить помощь и хозяйство таким самым простым и дешевым образом. Многие, а скорее это было большинство, просто отдавались в семью, с их согласия или без него. Родители выбирали трудоспособную и трудолюбивую жену для сына, а он должен был подчиняться им. Более взрослые, более опытные в работе, но не имевшие особой прелесть женщины нередко использовали эти родительские склонности, чтобы побудить молодых парней к женитьбе, расставляли им сети, соблазняли их, т. е. давали им пожить в прелесть семейной жизни, а затем уже не выпускали их из своих сетей, пока церковь не скрепала эту пару и не давала им желанного супруга. Эти времена прошли, в настоящее время парни редко женятся до достижения 18 лет. Обычай требует, чтобы на свадьбе накормили и, что еще важнее, напоили допьяна всю деревню, поэтому каждая свадьба стоит немалых денег, и есть только одно средство избавиться от таких расходов и в то же время не слышать злого слова, не испытывать насмешек и презрительных замечаний земляков. Это средство, на первый взгляд, выглядит необычайно романтично, но на деле есть не что иное как использование самой ярко выраженной черты настоящего крестьянина, его эгоизма. Оно состоит в том, что невесту, как здесь говорится, крадут, т. е. уводят ее и венчаются с ней тайно. Как правило, такое бегство происходит с обоюдного согласия родителей той и другой стороны, но бывает и наоборот, и тогда дело становится труднее. Девушка, конечно, скоро соглашается, но тут начинаются трудности со священником, которые можно преодолеть только при помощи больших денег, причем родители невесты притворяются, как будто они ее никогда не просят. Мать проклинает свою дочь, отец тоже, клянутся богом и всеми святыми, что никогда больше и не посмотрят на непослушную дочь и т. д., пока наконец не удастся, если не добрыми словами, то при помощи угроз и волхвы все поставить на свое место. Как только тестя начинает пить, молодой муж уже выиграл свое дело, поскольку тесть тоже пьет вместе с ними и сивушный нектар смягчает ее жестокое сердце. Потом приходят еще несколько друзей, чтобы помочь допить невыпитое, но это все же обходится дешевле, чем понты всю деревню — так делается дело, не говоря, конечно о том, что любовь была причиной всех событий и что молодой человек хотел полу-

ить только свою возлюбленную, а впрочем был уже готов к тому, чтобы угощать всех своих земляков. Священникам, правда, строго запрещено способствовать таким угодам и свадьбам, т. е. венчать такие парочки. Но деньги и здесь делают свое дело, почему же не обойти запрет, если это столь приятно для церковного кошелька? Так и венчают каждого, кто только может заплатить.

При обычной процедуре свадьбы мать невесты всегда жлет подарка от жениха и иногда требует его неистово, по-женски плача и крича, если подарка не дают. Даже такие матери, которые должны бы быть рады, что дочь вообще нашла себе мужа, не составляют исключения. После венчания все гости свадьбы, как обычно, направляются в дом жениха, чтобы там продолжать пить водку, и то время как молодые уходят в отведенную им комнату. Гости пьянствуют до следующего утра, а потом требуют, чтобы им показали рубашку невесты. Если их ожидания не оправдываются, то поднимается большой скандал. Мать проклинает свою дочь, молодой муж — свою жену, перед которой только что предвзялся, гости качают головами и позволяют себе всевозможные водкие замечания. И в этом случае на помощь приходит незаменимая водка. Уступчивый тесть приносит еще несколько бутылок, злит огорченному зятю жеребенка, бычка, несколько поросят и т. д., водка льется, душа примиряется и воцаряется всеобщий мир.

Впрочем, я полагаю, что обещание подарить жеребенка злешей породе должно оказывать успокоительное действие на людей, которые должны работать на лошадях, ибо злешние лошади действительно хороши, хотя их вряд ли можно назвать красивыми. Луга, покрытые роскошными травами, степь, которая почти во всему округу похожа на дуг, и дешевизна овса, который можно получить здесь в любом количестве, способствуют разведению хороших лошадей, как и подъему всего скотоводства в целом. В любом отношении домашний скот жителей Алтая вряд ли можно сравнивать с крестьянским скотом в тех областях России, которые мы проехали. Сибирская крестьянская лошадь — животное среднего роста, но скорее крупная, чем мелкая, очень крепко сложенная, голова не очень красная, потому что длинновата и довольно груба, нижняя челюсть выдается меньше чем у киргизской лошади, нос прямой, глаза средние, уши маленькие, тело приземистое, линия спины опущенная, грудь весьма широкая, крестец широкий и высокий, ноги средней высоты и сильные, копыта, которые только в исключительных случаях подковывают, широкие и эластичные. На затылке и на шее неравномерная и необыкновенно густая грива, состоящая из завитых волос, напоминающих шерсть. Хвост хвоста длинная, но редкая густая, остальной волосистой пахром летом короткий и довольно тонкий, зимой необыкновенно

длинный и клочковатый. Цвет весьма разнообразен, хотя чаще всего встречаются булавные. У них на кресте всегда четко выражена темная полоса, хотя на ногах тоже имеется четкий полосатый узор.

Крупный рогатый скот среднего роста, крепкий, гармонично сложенный, рога большие и сильно изогнутые, как у диких быков, да и вообще этот домашний скот по всему своему облику сильно напоминает дикий, только с той разницей, что все здешние домашние животные очень добродушны и даже пуганьки.

Бараны и овцы здесь неуклюжие животные без жирового горба, руно густое или грубое, из длинных сваливающихся придеи, типичный нос выраженный, но часто и нет, ноги сравнительно слабые, тело, по сравнению с киргизскими овцами, вытянутое в длину, уши висюльки, окраска неопределенная — белые, коричневые, черные овцы.

Козы очень крупные, вытянутое тело, средние по величине ноги, руно необыкновенно развитое, волосы длинные, шерсть мягкая и тонкая, рога короче, чем у белой козы, возгнуты вовнутрь, на концы — наружу, окраска в основном чисто белая.

Мы пробыли в Барнауле до 28 июня и все время образцовое общество встречало нас весьма любезно, в особенности главный горный начальник г-н Эйхвальд, человек во всех отношениях образованный, знающий, информированный о жизни округа, а также врач, г-н др. Гоффенгауз, аптекарь местной аптеки г-н Занцер, а также господа Функ, Гуляев и другие. Мы посетили все районы города и побывали на экскурсиях в окрестностях города. В мою честь организовали также охоту на бекасов, которых теперь немало на затопых водой лугах или, правильнее сказать, на покрытых осокой островах в пойме Оби. Охота дала нам довольно богатые трофеи и доставила большое удовольствие, мы провели там целый день, Г-н Гуляев показал нам русского народного пещи, подарил нам различные рога и остатки золотопных животных. Из музея мы получили насекомых для нашей коллекции в подарок. Из дома отсутствовавшего д-ра Тунберга г-н Финш выдал нам целую коллекцию растений, которую нам ее владелец предложил в подарок в Петербурге. Короче, мы получили со всех сторон подарки и бесчисленные доказательства дружественного гостеприимства и готовности услужить.

28 июня в половине седьмого вечера мы попрощались со здешними новыми друзьями и знакомыми и выехали в сопровождении исправника в дальнейший путь, сначала мы поехали в двух олодженных нам Эйхвальдом и бургомистром тарантасах на переправу через Обь, мы переехали могучую реку на широкой большой лодке. Трое пьяных воследовали за нами в маленькой лодке, они кричали и шумели, раскачали лодку так, что она на-

возовину наполнилась водой и нам пришлось подобрать их... (на этом заканчиваются предоставленные нам страницей дневника А. Э. Брена, относящиеся к Алтаю — прим. перев.).

И. А. ЯКИМОВА

Ответ на программу Вольного Экономического Общества для собирания сведений о сельской поземельной общине из Алтайского горного округа (1878—1879 гг.).

В 1877—1880 гг. Вольное экономическое общество при участии Русского Географического Общества проводило обследование поземельной общины в России. Его целью являлось выявление изменений в поземельных отношениях крестьянства спустя более 10 лет после отмены крепостного права. Это было первое специальное обследование общины, проведенное научным обществом в научных целях (1). В фондах Центрального государственного исторического архива в г. Петербурге сохранился ответ на программу для собирания сведений о сельской поземельной общине из Алтайского горного округа (2). Его автор — священник, настоятель Тулинской церкви Аполлос Киселев. Сведения А. Киселева относятся к жизни и быту общественников с. Тулинского, Бердской волости, Барнаульского округа, но священник изучил поземельные общины в 5 волостях округа (Бердской, Легостаевской, Николаевской, Боровлинской и Тальменской), а описал только одну, наиболее типичную по его мнению общину.

Крестьянская община с. Тулинского к моменту описания насчитывала более чем столетнюю историю. Уже в 1719 г. обитатели бердского ведомства жили вне острога, в том числе и в д. Тулинской (3), которая разрослась позднее в большое село. В 1878 г. общество состояло из 256 душ мужского пола и 295 душ женского пола, которые имели 120 отдельных домохозяйств (4). А. Киселев, как человек непосредственно знакомый с особенностями крестьянского быта в с. Тулинском, нарисовал яркую, подробную картину общинных порядков на Алтае. Наиболее подробно описаны способы пользования общинными угодьями — вольное пользование пашнями, уравнильно-предельное — покосами, душевое — лесом. За право пользования этими угодьями общество должно было платить подати и выполнять определенные повинности в пользу казны и Кабинета, объем которых определялся Томской казенной палатой по числу ревизских душ в обществе. Общество же раскладывало их на способных к труду мужчин в возрасте от 15 до 60 лет, которых называли на Алтае годными работниками или бойцами. Автор справедливо отмечает, что внутриобщинные

способы развертывания угодий и расклада податей далеки от идеала уравнительности, что богатые крестьяне находят способ захватить больше сенокоса, пашни, леса, переложить значительную часть податного бремени на бедноту, бедняки, которые общество изымкивает в самой жестокой форме — при помощи распродажи имущества и отдачи в работники неземщиков.

А. Киселев раскрывает структуру крестьянского самоуправления: состав выборных сельских лиц, их обязанности и сроки службы, размеры вознаграждения за службу, отношение крестьян к исполнению общественных служб. Он характеризует правые и придаточные отношения между общинниками, регулируемые нормами обычного права, делает яркие зарисовки крестьянского быта — организация помочей, отношения в семье и др. Ответ на программу, написанный ярким, образным языком человека неравнодушного к крестьянским нуждам, несет не простую фактическую информацию о крестьянской общине на Алтае во второй половине XIX в., но и передает колорит общественного крестьянского быта давно ушедшей эпохи.

Тулинская община, Томской губернии, Барнаульского округа (5).

Состав общества.

Описываемая мной община, называемая по нашей Томской губернии обществом, какое название и я буду употреблять, состоит из горнозаводских крестьян с. Тулинского. Земли принадлежит Кабинету все без исключения, а каждое селение имеет свой участок для пользования, а общего владения нескольких селений нет.

Способы пользования общинной землей.

Из земли общественной пахотной каждый член общества пользуется оной без ограничения, находит где и сколько хочет, а что же касается сенокосной земли, то она ежегодно между членами общества переделывается, так как сенокосной земли уже много меньше пахотной. Из земли составляющей нераздельное владение общества, часть, прилегающая к селу, выделяется для общего ею пользования, где захваты уже не имеют места. Размер этой части определяется количеством скота, так как это место обносится городьбой, называемой посекотникой, которая городится по несколько сажень на скотину, так у нас иные городили по 13 аршин на скотину. Посекотина эта городится обществом, которое раскладывает ее на своих членов по числу имеющегося у каждого скота (коров и лошадей). Обычай городить посекотину введен здесь истари и бросить его наши крестьяне не решаются, несмотря на предложение генерал-губернатора уничтожить их, как истребляющих громаду леса. Посекотина эта служит для выго-